

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕЛОВЕК
В ПОВСЕДНЕВНОСТИ
XX ВЕКА**

**Воспоминания и интервью преподавателей, сотрудников, выпускников
Красноярского государственного педагогического университета
им. В.П. Астафьева в связи с 80-летием со дня основания
(о времени, о событиях, об университете, о своей жизни)**

Выпуск 3

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕЛОВЕК
В ПОВСЕДНЕВНОСТИ
XX ВЕКА**

Воспоминания и интервью преподавателей, сотрудников, выпускников
Красноярского государственного педагогического университета
им. В.П. Астафьева в связи с 80-летием со дня основания
(о времени, о событиях, об университете, о своей жизни)

Выпуск 3

Хрестоматия для студентов
гуманитарных факультетов
по истории России XX века

Красноярск 2012

БК 63.3(2)622
У 808

Главный редактор:
Дроздов Н.И.. д-р ист. наук, профессор
Редакционная коллегия:
Андинов Б.Е., канд. ист. наук, доцент (составитель, отв. ред.);

У 808 Устная история: человек в повседневности XX века. Воспоминания и интервью преподавателей, сотрудников, выпускников Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в связи с 80-летием со дня основания (о времени, о событиях, об университете, о своей жизни): хрестоматия по истории России XX века для студентов гуманитарных факультетов. Вып. 3 / Гл. ред. Н.И. Дроздов, отв. ред. Б.Е. Андинов; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2012. – с.
ISBN 978-5-85981-511-1

Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического развития КГПУ им. В.П. Астафьева на 2012 – 2016 гг. Проект № 06-3/12.

Устная история занимается изучением «истории повседневности», микроистории, истории личности в великих свершениях своей эпохи. Одной из важных и значимых для Красноярского края XX – начала XXI вв. является история старейшего вуза Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Судьба учебного заведения тесно связана с жизнью и подвижнической деятельностью ряда поколений его преподавателей, сотрудников, студентов и выпускников. Поисково-исследовательская деятельность студентов исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева направлена на формирование и сохранение источниковых материалов устной истории в виде интервью, воспоминаний, рассказов и записок. Итоги ее представлены в данном сборнике. Большинство текстов документов, воспоминаний, интервью приведено без фактической и стилистической правки, с сохранением аутентичности рассказов.

Хрестоматия предназначена для использования в учебном процессе на практических занятиях, написания курсовых и дипломных работ, для самостоятельной работы студентов гуманитарных факультетов вуза.

БК 63.3(2)622

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
2012
© Андинов Б.Е., составление, 2012

ISBN 978-5-85981-511-1

Введение

ИЗ ИСТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. Астафьева¹

Красноярскому педагогическому университету в 2012 году исполняется 80 лет. Немало! Чем не повод вспомнить, с чего же началась история, без преувеличения сказать, одного из старейших и крупнейших высших учебных заведений Сибири.

Отсчёт существования педагогического образования в Красноярском крае можно начинать с 1873 г. Именно в этом году была открыта Красноярская учительская семинария, которая подготовливала учителей для начальных школ. В 1916 году в Красноярске открывается учительский институт, который выпускал преподавателей для городских и высших начальных училищ. 31 мая 1932 года выходит распоряжение планово-экономического сектора НКП РСФСР об открытии Красноярского агропединститута с 1 июля этого же года.

Именно эта дата становится точкой отсчёта становления нашего университета. Ректором института был назначен В.Д. Медведев.

Агропединститут появился в результате реорганизации агропедтехникума. Его работа сначала строилась на основе прежних учебных и производственных планов, потом был сформирован собственный институтский аппарат.

Многие годы институт располагался в здании женской гимназии. Это здание университет оставил за собой и до сегодняшнего дня, хотя центральный корпус теперь находится на улице Ады Лебедевой.

Чтобы повысить грамотность жителей Советского Союза в 1938 г. во многих вузах страны были открыты факультеты русского языка и литературы, в том числе и в Красноярском педагогическом институте. В военном 1942-м – открыт исторический факультет.

¹ По материалам сайта КГПУ и авторов публикаций университетской газеты «Знание–сила» студентов Антона Писарькова и Дарьи Свириной.

Первый послевоенный учебный институт начинал в составе четырёх факультетов: естественного, физико-математического, русского языка и литературы, исторического. Заметно прибавилось в аудиториях мужчин, вернулись к занятиям студенты-фронтовики. Среди них было много орденоносцев и два Героя Советского Союза: на факультете русского языка и литературы продолжил образование капитан артиллерист Б. Чернышев, а на первый курс исторического факультета поступил рядовой пехотинец А. Асеев. На свои рабочие места вернулись с войны и многие преподаватели педагогического института.

Спортсмены нашего института не раз прославляли его победами в краевых, республиканских и всесоюзных соревнованиях. Высшим спортивным достижением института в 1970-е годы стал олимпийский дубль студента факультета физического воспитания Ивана Ярыгина, которого тренировал выпускник института Д.Г. Миндиашвили. Уроженец глухой таёжной деревеньки Сизая с юга края стал поистине национальным героем и прославил институт на всю страну и на весь мир, получив звание чемпиона XX и XXI Олимпийских игр по вольной борьбе.

Параллельно основному образовательному процессу развивалась издательская деятельность института. С 1951 г. регулярно выходят «Учёные записки Красноярского государственного педагогического института», а в 1960 г. вышел первый номер институтской многотиражной газеты «Знание–сила» – её первыми редакторами были А.Н. Фалалеев и Р.Е. Николаев. В феврале 1978 г. на два десятилетия ректором института становится А.Н. Фалалеев, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой политэкономии. Под его руководством Красноярский пединститут стал ведущим педагогическим институтом Восточной Сибири и Дальнего Востока, а впоследствии получил статус университета.

На базе института в 1980-е гг. прошли десятки общероссийских и зональных совещаний и конференций. В декабре 1980 г. в нашем вузе Министерство просвещения РСФСР провело первое совещание - семинар ректоров и проректоров по учебной и научной работе вузов Сибири и Дальнего Востока. С тех пор ежегодные совещания - семинары новых руководителей педагогических вузов в Красноярске стали традиционными. В мае 1987 г. приказом МП РСФСР институт определен

головным по изданию учебной, учебно-методической и научной литературы для всей Восточной Сибири.

Поистине историческим стал для КГПИ 1993 г. В декабре этого года институт был переименован в Красноярский государственный педагогический университет. Сбылась мечта ведущих учёных и педагогов Красноярска, которые, радея о перспективах красноярской науки и подготовке научных кадров, ещё в 1959 г. писали прошение о реорганизации вуза: «Наше предложение заключается в том, чтобы существующий в Красноярске педагогический институт был преобразован в университет в составе физико-математического, биолого-почвенного и историко-филологического факультетов. Необходимо, чтобы в ближайшие годы к ним добавились геолого-географический и химический факультеты» (Красноярский рабочий. 1959. 10 января).

В разные годы во главе вуза стояли видные организаторы советского образования, уважаемые учёные и педагоги: Борис Федорович Райский, Виктор Федорович Голосов, В.П. Сафонов, Ольга Гавриловна Пельмская, Альберт Николаевич Фалалеев. В 1997 год на пост ректора университета был избран Николай Иванович Дроздов. В августе 2012 г. на период до проведения выборов ректора вуза, и.о. ректора КГПУ назначена Ольга Анатольевна Карлова.

Известный сибирский писатель Виктор Петрович Астафьев в 1999 г. получил звание почётного профессора КГПУ, с 28 января 2004 г. Красноярский государственный педагогический университет стал носить его имя.

В январе 2001 г. ректор Н.И. Дроздов обратился с предложением в Главное управление образования администрации Красноярского края о создании университетского педагогического комплекса, включающего в образовательное пространство университета базовые школы, педагогические колледжи и училища, районные отделения образования. Такая структура позволила бы создать программу принципиально новых взаимоотношений всех звеньев образования, а также усилила бы роль КГПУ в общеобразовательной системе города и укрепила учительские кадры в Красноярске.

В 2005 г. университет вошёл в число 100 лучших вузов России и был удостоен

медали «Европейское качество образования».

После подписания Россией Болонского соглашения университет стал активно развивать международную деятельность. При этом была определена главная стратегическая цель – создание в университете условий, обеспечивающих быстрое вхождение его в международное образовательное пространство. Практическая реализация поставленной цели осуществляется на основе 16 договоров, заключённых с различными зарубежными вузами и научными центрами.

Вспоминая историю университета, мы должны понимать, что само слово «история» в данном контексте указывает не только на факты, имеющие место в прошлом, но и на все те изменения, которые происходят на наших глазах и формируют совместное или общее будущее.

Более развернутое описание структурного подразделения вуза дадим на примере исторического факультета, который отмечает в 2012 году 70-летний юбилей. Исторический факультет занимает среди институтов и факультетов нашего университета одну из ведущих позиций.

Исторический факультет Красноярского педагогического института был открыт в трудную военную пору, в 1942 году. В начале своего пути на долю факультета выпало немало трудностей. Все силы были брошены на достижение победы: «Всё для фронта! Всё для победы!». Поэтому студенческий день проходил в две смены, с утра до обеда учились, а после занятий трудились на благо Родины. Работали на стройках, в госпиталях. Преподаватели активно участвовали в жизни студентов: снабжали их книгами, участвовали в спортивных мероприятиях и самодеятельности. Одним словом, студенты очень хотели учиться, а преподаватели – учить.

На протяжении всех этих лет и вплоть до 90-х весомую роль в студенческой жизни играла комсомольская организация. Поступающие на исторический факультет, в большинстве своем, уже имели опыт работы в пионерских и комсомольских организациях. После выпускного многие из них продолжали свою карьеру в советских партийных органах. После занятий студенты спешили в библиотеки, в кружки. С 1949 года на факультете существовало научно-студенческое общество. С каждым годом научная деятельность студентов расширялась. В 1950 – 1951 уч. г. при кафедре исто-

рии СССР был организован кружок, работающий по теме «Борьба за углубление Советской власти в Енисейской губернии». С 1951 – 1952 уч. г. стала практиковаться защита курсовых работ. В 1969 – 1970 уч. г. организован археологический кружок, с 1974 года – кружок сибирской археологии.

Помимо научно-исследовательской деятельности, студенты стремились реализовать свой творческий потенциал, влиться в общественную жизнь. Для этого на факультете создана Школа молодого лектора, участники которой готовили доклады и зачитывали их перед рабочими красноярских предприятий, учителями школ. Темы были разные, например «Идеологическая борьба на современном этапе», освещая которую студенты клеймили американский империализм, доказывали преимущества советского строя. При кафедре истории КПСС работала «кола экскурсоводов». Отучившись в ней, студенты получали удостоверение, позволявшее на каникулах и в свободное от учебы время подрабатывать в музеях города и края.

С подлинной увлеченностью относились студенты к занятиям спортом. Реальная массовость физкультурных занятий служила источником значительных спортивных достижений факультета. Долгое время «историки» были лидерами по волейболу. Однажды случился курьез связанный с этим. Перед началом очередных соревнований грамоту за первое место сразу подписали историческому факультету. Но тогда факультет занял второе место, и организаторам пришлось исправлять эту ошибку.

Наравне со студентами в спортивных мероприятиях принимали участие и преподаватели, тем самым показывая пример. Не раз лидером КГПИ по стрельбе был Г.Ф. Быкonia.

Определенной традицией уже стало в те годы студенческое самоуправление. Были профсоюзный и студенческий активы. Они организовывали дискуссии, круглые столы, многие накопили немалый опыт управленческой деятельности.

Начиная с 1971 года, на историческом факультете появился «Геродот», который прочно закрепился, став любимым мероприятием. Первоначально, это было совместное мероприятие, посвященное встрече выпускников, а главное – посвящению в студенты первокурсников. Очень продуманным моментом оказалось то, что

посвящение проходило и проходит до сих пор только после первой сессии. На факультете это связывают с тем, что до первой сессии это не студент, а «заготовка», т. е. не познавший всех прелестей студенческой жизни. Сегодня «Геродот» – это встреча выпускников, и посвящение отделилось от этого мероприятия. Хотя от этого ни у первого, ни у второго не поменялась содержательная часть: это всегда весело и забавно. Но можно отметить спад активности студентов исторического факультета, который, возможно, связан с происходящими изменениями в общественном сознании. Переходом от коллективизма к личностно-индивидуальному отношению к жизни и окружающей действительности.

Сегодня Красноярский педагогический университет не стоит на месте, он идет дальше, а вместе с ним – и его студенты. Но студент это уже не школьник, которого нужно вести, он тоже должен помочь факультету развиваться. В настоящее время ФГБОУ ВПО «КГПУ им. В. П. Астафьева» является одним из ведущих педагогических вузов Сибирского федерального округа, осуществляющим большой спектр образовательных услуг по программам довузовского, вузовского, послевузовского и дополнительного образования. Согласитесь, этим нельзя не гордиться!

МОЕЙ СУДЬБЫ ПЕРЕБИРАЯ ДАТЫ...

(ВЕТЕРАНЫ ТРУДА КГПУ ИМ. В.П. АСТАФЬЕВА ВСПОМИНАЮТ)

АБУЗЯРОВА СОФЬЯ ИБРАГИМОВНА¹

Дата рождения: 28. 10. 1936. С 1.10.1970 – ассистент кафедры педагогики. С 19.11.1970 – 1974 – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии. 1971 – защитила кандидатскую диссертацию. 30.06.1971 – присуждена ученая степень кандидата педагогических наук. 1970 – 1991 – доцент кафедры педагогики и психологии. 1985 – 1997 – доцент кафедры педагогики и психологии ФФК, декан ФДПП, доцент факультета коррекционной педагогики. 1997 – 1999 – доцент кафедры коррекционной педагогики. С 1.09.2000 – профессор кафедры

¹ Интервью брали Алтынцева Дарья Сергеевна и Моисеева Ольга Владимировна, студентки 3 курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.

коррекционной педагогики. 07.09.2005 – принята на должность профессора кафедры педагогики детства. С 2006 – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Правительственные награды:

1980 – «Победитель социалистического соревнования». 1987 - значок «Отличник просвещения РСФСР». 11.10.2001 получила Ведомственную награду – нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Награждена грамотами Министерства образования и медалью «Ветеран труда».

-Здравствуйте! Нас зовут Оля и Даша; мы студентки 3 курса исторического факультета. Можно попросить Вас назвать фамилию, имя, отчество?

-Я Абузярова Софья Ибрагимовна.

-А где и когда вы родились?

-1936 году в Кемеровской области.

-Расскажите, пожалуйста, о вашей семье.

-Отец был директором школы, мама – заведующая яслими. С детства помню висящую карту на стене, отца как учителя.

В 1941 отца взяли на войну, вскоре на фронте он и погиб. Мне было тогда 5 лет. В семье нас было четверо детей. Семнадцатилетним забрали брата старшего на фронт, он тоже погиб, в Румынии. А вот второй брат сейчас военачальник, командует учебно-военной частью.

-А каким вы запомнили детство?

-Детство было все в слезах. Запомнилась фотография в рваном платье. Писали сажей. Между печатных строк книг писали. И как сейчас прямо... помню, жила в нашем дворе девочка, Люда Ермолаева. Так вот у неё мама была бухгалтером и приносила ей с работы белую бумагу. Ах, сколько радости было на наших лицах! Писать на такой бумаге было настоящим праздником для нас!

Еще помню, что в детстве болела малярией. А еще запомнились похоронки, которые приходили в наш дом, да и вообще, кажется, в каждую семью... Врезалось в память, как по шоссейной дороге в Минусинск все время привозили раненых.

Были, конечно, и те, кто получал посылки из Германии. Соседка, например, получала такие посылки.

А мы осенью собирали гнилую картошку, не было хлеба.

-Очень грустно... Но тем не менее многие вспоминают Советский союз с теплотой и любовью... Может быть, это связано с советской школой? Как вы оцениваете школу того времени?

-Советская школа дала очень много! Это и становление личности, и социализация в труднейших условиях.

Помню, директор у нас был. Изотенок – фамилия такая. Ходил в военной форме! А мы на него смотрели как на героя, воплощение силы.

Советская школа сформировала поколение, которое выдержало войну. Она давала не только хорошие знания, но и учила жизни.

Кстати, еще касаемо плюсов школы. Это, безусловно, широкое развитие внеклассной работы.

Были тогда различные кружки. Например, хор. Возможно, как раз школа и заложила во мне эту любовь к пению, которая живет во мне и по сей день! Были у нас в школе смотры художественной самодеятельности. Я вспоминаю, как все готовились к торжеству на общегородской такой смотр в Минусинске. И огромным событием считалось выступать там!

А еще мне запомнилось, что была у нас в начальных классах замечательная учительница Садовская, которая поставила «Кошкин дом». Помню, как мы пытались вжиться в роль. Моя подруга Солдатова Калерия играла кошку.

А еще мне вспоминается, что я была политинформатором.

-Как здорово! Скажите, а были ли минусы у советской школы?

-Были, конечно. Вот вы говорите, что получили задание взять это интервью по предмету исторического краеведения. А вот в наше время, к сожалению, такого предмета не было. И это, на мой взгляд, – большое упущение. Например, у меня была мечта – увидеть Волгу. Я её, конечно, увидела. Но когда сравнила с нашим Енисеем, то поняла, что нет ничего прекрасней!!! У нашего Енисея такая мощь...

Не помню книги, описывающие прелести нашего края...

В своё время я пошла на биолого-географический факультет во многом потому, что очень хотелось пройти практику на Кавказе.

-Скажите, а какие предметы в школе, а поздней и в институте были любимыми, а какие – нет? И с чем это было связано?

–Вспоминаю нашего учителя истории. Благодарна ему за то, что привил чувство уважения ко всем национальностям. Нелюбимым предметом была химия. Поэтому не пошла в медицинский институт. Но самое смешное, что когда пришла учиться на I курс на биолого-географический, то в институте ввели химию.

А в вузе помню, что был преподаватель Кривошея. Он был как средневековый рыцарь, интеллигентный, уважающий себя. Ему понравилось, как я пою.

Не любила математику, потому что математика – это философия на самом деле. А учителя выхолостили философию из этой науки и свели все к четырем операциям (сложение, вычитание, деление, умножение).

Любила русский. Из-за учителей очень уважала географию, иностранный язык (английский).

-А какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать настоящий учитель?

–Прежде всего это справедливость, любовь к детям, уважение. Учитель должен стремиться видеть в ребенке человека не будущего, а настоящего. Как говорил Руссо. Несомненно – знание предмета.

Могу привести вот какой пример. Был у нас предмет – экономгеография, который вела Никольская Людмила Александровна. Она отличалась особой строгостью по требованию к знаниям. И училась в нашей группе отличница Раи Курик, моя подруга. Она очень боялась Людмилу Александровну. Однажды на семинарском занятии по теме «Албания» Раю вызывают к доске. Она перепугана. И со страху на вопрос о том, кто населяет Албанию, начинает отвечать: «Албаши, нет балбаши». Не может сказать албане. Мы умираем со смеху. А преподавательница тогда всерьез подумала, что Раи решила над ней таким образом пошутить. Вот такая забавная история. Однако из неё можно сделать

вывод о том, каким должен быть учитель. То есть важно не только доскональное знание своего предмета, но и умение найти правильный подход к ребятам, не перегнуть палку. Вот что значит умение преподавать.

А можно привести и другой пример. Преподаватель Василий Алексеевич Пакулов, который к студентам относился слишком лояльно. Опять же повторюсь, что в деле преподавания очень важно не перегнуть палку!

-Какой, на ваш взгляд, современный студент?

-Студентов сейчас мало что интересует, а особенно научная деятельность. У меня есть знакомая преподавательница, так она с нежеланием ходит на лекции и семинары, потому что не видит в глазах студентов заинтересованности в предмете, да и вообще в учебе. Поэтому даже нет желания готовить и преподносить что-то новое. Студентов интересуют секс, любовь и развлечения. Им бы только получить документ об образовании. На данный момент поменялась идеология, поменялись ценности человеческого общества.

-Как вы думаете, кто поступает в Красноярский педагогический университет?

-Поступают те, кто по некоторым обстоятельствам не поступил в другие вузы. Можно сказать, это вынужденная мера. Ну есть, конечно, и исключения, это те, кто целенаправленно поступал и со школы грезил о профессии учителя. Конечно, как показывает практика, то лучшие выпускники школ все-таки предпочитают другие вузы и поступают именно туда. По окончании диплом будет цениться выше, конечно же.

-Какой фактор прежде всего влияет на изменения образа современного учителя?

-Истинное лицо учителя сейчас изменилось, на первый план порой выступает не сама работа с детьми, а материальная составляющая профессии. Как мы знаем заработка плата у учителей невысокая. Обычно зарплату начисляют по количеству часов и детей в классе. Поэтому у многих учителей очень большая нагрузка, а готовить порой не всегда удается... Поэтому многие учителя уроки проводят не на высоком уровне. Но есть, конечно, и исключения. Каждый не

хочет быть хуже соседа, поэтому старается везде участвовать, подготавливать детей на более высоком уровне. Занятия должны проходить в форме презентации, а не сухой подачи материала.

-Изменился ли сам университет?

-Конечно! Сейчас наш университет совсем другой. Актовый зал шикарный, а какая сцена, какой высокий уровень культуры студентов. Люди тут учатся творческие и интересные. Самокритика нужна в меру.

-Надо ли учителю постоянно работать над собой?

-Не только учителю, но и другому человеку с иной профессией. Для учителя лучше всего проводить самоанализ и постоянно самосовершенствоваться. Достигать чего-то большего в профессии. А на критику со стороны не стоит обращать внимания.

-Что больше всего запомнилось с юношества?

-Пионерская организация. Вы не были пионерами? Эх, многое потеряли (вздыхает и задумывается). Была я секретарем комитета комсомола. Воробоев Владислав проводил политкружки, а Люба Балан — слет пионерских отрядов Центрального района (одна!); такие были мероприятия.

-Как проводили досуг в студенческое время?

-В Институте ходила на секцию волейбола, увлекалась велоспортом.

-Только на ЗУНЫ (т. е. «знания, умения, навыки» — ред.) должен быть ориентирован современный учитель? Ваше отношение к этому?

-Нет, конечно. Если учитель будет нажимать только на знания, то, наверное, он проиграет по сравнению с тем, кто будет склонять к проблемному обучению, анализу, размышлению, думанию.

-Как вы считаете, заочная форма обучения дает тот же объем знаний, что и очная?

-Скажу вам честно — заочников люблю. Это тружениники. Есть и такие, которых всю жизнь помнить буду. На истфаке был такой студент Володя Печугин. Сейчас, конечно, много заочников, которые ради формы пришли... заплатить и получить оценку.

-В студенческое время жили в общежитии? Расскажите как был устроен ваш быт?

-Я жила в общежитии на Мира. 122-б. Были как одна семья, жили дружно. Взаимоотношения в комнате всегда были очень хорошими. Доходило до того, что жили по 8 человек в комнате, все дежурили по очереди. Составляли график дежурств по кухне, уборке. Такая ответственность ложилась на плечи потому, что надо было всех накормить, после учебы все голодные приходили. По каждому вопросу советовались, решали проблемы, в какой-то мере даже воспитывали друг друга. Это целая школа жизни.

-Никогда не сомневались в выборе профессии педагога?

-Нет. Профессия, видимо, сверху мне спущена. А вот факультет надо было другой выбрать — иностранных языков.

-С чего началась ваша трудовая деятельность?

- После окончания педучилища, когда поступила на первый курс института, то денег не хватало, вынуждена была идти работать учителем пения. После окончания института поехала в Минусинск работать учителем географии, один год проработала, а потом пригласили на кафедру педагогики и психологии Красноярского педагогического института. Работала ассистентом на кафедре педагогики, затем старшим преподавателем на этой же кафедре. После этого 2 года была стажировка в Москве, до аспирантуры работала секретарем комитета комсомола (2 срока). Три года училась в аспирантуре и работала. Защищила кандидатскую, затем работала в Красноярске на кафедре педагогики и психологии. Потом стала деканом факультета дополнительных педагогических профессий. В 80-е факультет закрыли. После защиты работала доцентом, потом и.о. профессора без защиты докторской на кафедре.

-Мы знаем, что в 2004 вы сдали в печать монографию.

-В 2004 году вышла монография «Развитие личности в образовательном процессе. Аспект самоактуализации и личностного преобразования: инновационные подходы, авторские технологии», есть несколько экземпляров в краевой библиотеке. Никогда не ставила цель, специально собирать материал для

книги. В течение всей своей профессиональной деятельности нарабатывала материал со студентами, по мере вызревания педмастерства.

-Ваши пожелания университету, студентам.

-Пусть Красноярский педагогический университет остается самостоятельным учебным заведением. И чтобы преподаватели стремились быть завтрашними, идти в ногу с прогрессом, а не вчерашними. В нашем вузе подготовка будущих учителей должна быть глубже.

АФАНАСЬЕВ ИВАН СЕМЕНОВИЧ¹

Дата рождения: 05.09.1935 г. Полковник. С 1980 г. – начальник военной кафедры КГПИ. С 1989 – на хаслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Правительственные награды:

Медаль «40 лет Вооруженных Сил СССР». Медаль «За безупречную службу III степени». Медаль «За безупречную службу II степени». Медаль «За безупречную службу I степени». Медаль «50 лет Вооруженных Сил СССР». Медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне». Медаль «60 лет Вооруженных Сил СССР»

Самое яркое детское воспоминание

Я родился в 1935 году в Забайкалье, в Кижингинском районе Бурятской республики. В родительской семье нас было четверо детей: кроме меня, 2 старших сестры и младший брат. У нас с супругой сейчас две дочери, очень много внуков и правнуоков.

Когда началась война, очень поразило и запомнилось (тогда не мог понять, почему так: когда всех мужчин забрали на фронт, женщины собрались возле сельсовета и плакали. В 1944 году пошел учиться в школу с 9 лет, шла война. С детства самое яркое воспоминание — величайшая нужда. Была только картошка

¹ Интервью провели Вагина Елена Александровна и Новикова Ирина Андреевна, студентки 3 курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.

— хлеб очень редко. Ели семена «перекати поле».

Образование и служба

После 10 классов в 1958 году поступил в военное училище в Благовещенске Амурской области на общевойсковую подготовку. Перед этим долго решал, куда поступать: хотел и в сельхозинститут, и на исторический факультет. Считает, что история всегда важна и необходима.

Успешно закончил военное училище, женился (жена Галина Михайловна) и вместе с женой поехал для прохождения службы сначала в Приморье (полгода), потом на Сахалин. Были там 6 лет. На Сахалине родилась первая дочка. Служил командиром танкового взвода, командиром разведроты. Работа, т. е. служба, была очень интересная, рода войск по составу «разноплеменные»: танкисты, связисты, разведчики. Испытывали первый подводный танк.

После 6 лет службы на Сахалине в 1964 году поехал сдавать экзамены в Москву для поступления в Академию бронетанковых войск. Успешно сдал экзамен и поступил в академию. Учился 3 года. Жили сначала в комнатке 2 на 2 метра, потом в коммуналке. (Галина Михайловна замечает, что в коммуналке им больше нравилось.)

В 1967 году, после окончании академии, Ивана Семеновича направили служить в ГДР командиром батальона, был уже капитаном. Служил там 5 лет, «очень много вел разговоров с фашистскими товарищами». В Германии родилась вторая дочь. В 1972 году, после Германии, поехал служить в Сибирь, в город Юргу. Сначала был в течение 10 лет заместителем командира полка, потом 3 года служил командиром полка в поселке Итатка Томской области.

Переход на преподавательскую работу. Начало работы в Красноярском пединституте.

В Итатке попросился перейти на преподавательскую работу. Очень хорошо получалось, нравилось обучать солдат, помогать им, наставлять. Перевели в Красноярск в политехнический институт заместителем заведующего военной кафедрой. Однако наметилось образование военного отделения в педагогическом институте, куда и пригласили работать.

В Красноярском государственном педагогическом институте он стал организатором военной кафедры, занимался практической частью, преподавал тактику, технику. Учебная аудиторная нагрузка составляла 280 часов в год. Очень нравилось преподавать, т. к. было «жизненно необходимо просвещать людей». Вспоминает, что когда спрашивал студента и он не мог ответить, то студент оправдывался: «Когда вы объясняете, всё понятно, а когда сам отвечаю — то ничего». На протяжении всей трудовой деятельности наблюдал падение нравов. Тех солдат, которые были в молодости, не сравнить с теми, которые были в конце службы.

Из первого набора военной кафедры в 50 человек выпустилось только 26 человек. Лично отчислял студентов из-за несоответствия по моральным качествам. Был очень строгим преподавателем. Дальше выпускников было побольше, но все равно многих отчисляли. Были конфликты с начальством, т. к. выпускники должны были быть больше. На конфликты отвечал жестко и ни под кого не подстраивался. Действовал так, как подсказывала совесть. Работал до 1989 года, так как почти прошла перестройка и работать в новых условиях не было желания.

Научной работой не занимался, занимался только самообразованием. Считает, что наукой нужно заниматься серьезно. А когда на службе день и ночь, то времени на это просто нет. «Работаю 8 часов утром, 8 — вечером и 8 — ночью», шутит Иван Семенович о службе.

К Николаю Ивановичу Дроздову относится хорошо, знаком с ним очень давно. С преподавательским составом конфликтовал, если только они не имели моральные принципы и работали «на капитализм». Спрашивал у таких: «На кого работаете?». Считает, что капитализм намного хуже, чем социализм. Если бы был

капитализм, то не было бы Великой Победы в войне.

О времени и политике...

К перестройке относится отрицательно. В подтверждение вышесказанным словам повествует о книге, которая отложилась в его памяти, прогнозы которой отразила в себе перестройка... Говорит: «Аллен Даллес американский разведчик был резидентом в Европе. Когда советская армия воевала, а европейские шли по Европе и не встречала сопротивления, то она была очень сильной. А как только появилось сопротивление, они разбежались, т. к. армия наемная, что от нее можно было ожидать. Нет примера, когда в большой войне победила бы наемная армия!»

Так вот, Аллен Даллес в 1945 году написал программу, как победить СССР без применения военной силы: 1). подменить советскую власть; 2). уничтожить идеологию; 3). развалить коммунистическую партию⁴ 4). развалить промышленность и с/х; 5). Посеять межнациональный раздор и так далее. Так вот, он понял, что военным путем победить СССР невозможно. Против СССР во время войны воевала почти вся Европа, а победить не смогла».

Оценка советской педагогической системы

Хорошая была система образования. Были требования, и они выполнялись. Раньше были случаи отчисления из школ и оставление на второй год, и учителя не боялись, что их накажут за это и это отразится на их зарплате. А сейчас все боятся этого, потому что, если поставишь двойку, потом самому хуже будет. Тогда было самое главное у человека — совесть!

Иван Семенович вспоминает: «Вместе со мной пошел в школу бурят. Так он 5 лет проучился в первом классе, и его не переводили, так как он плохо успевал. Во втором классе был Гордя, так он тоже 5 лет учился. То есть не боялись учителя, что скажут, что они плохо работают, работали по совести, никто никого не тянул».

Пожелание студентам

Если вы пойдете в школу учить детей, то учить их надо уму-разуму, а не тому, чему учат по телевизору. Самое главное — учить совести и морали. Это самое главное. Какова мораль, таков и человек. Так он и работает, и к людям относится и учится так по совести.

БАЙКОВА АНТОНИНА МИХАЙЛОВНА¹

Дата рождения: 19.01.1927 г. С 1957 г. – библиотекарь КГПИ. С 1964 г. – заведующая библиотекой. С 2000 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Родилась в 1927 году, в городе Василькове Киевской области.

Отец — участник Великой Отечественной войны, в июле 1941 г. был призван в ряды Красной Армии. Погиб на фронте в первые дни... Город наш оказался на оккупированной территории. Немцы вошли в город в начале июля 1941 г. В оккупации жили в постоянном напряжении и страхе, хотя немцы не устраивали никаких жестоких расправ и зверств. Вероятно, это было обусловлено тем, что в окрестностях Василькова не было лесов и партизанское движение было слабо развито.

После гибели отца мама осталась одна с тремя детьми. Условия жизни были тяжелые. В первый год еще успели собрать урожай, а потом стало сложнее. От голода спасали приусадебные участки. Немцы располагались на квартирах жителей города, но не в нашей. Прежних жильцов не выгоняли, но все сами уходили, так как не хотели жить с захватчиками. Самое страшное, что делали немцы, — это увозили людей в Германию для работ. Двух знакомых девушек увезли, после войны они вернулись на Родину (одна в Германии вышла замуж и уехала жить в Австралию).

Вспоминается случай, как полицаи забрали брата. Проводились облавы, чтобы забрать людей. Полицаи хотели забрать Антонину Михайловну, но сосед успел сообщить об этом. Антонина Михайловна успела убежать, а брата забрали, спустя некоторое время его вернули.

Во время оккупации учебных занятий в школе не было. Оккупация была

¹ Интервью провели Лукьянов Роман Геннадьевич и Панченко Максим Викторович, студенты 3 курса исторического факультета.

снята в октябре 1943 г. Окончила школу в 1946 г. Учились прилежно, любила литературу. В памяти запечатлелся учитель литературы Мария Сергеевна — необыкновенный человек и преподаватель, эрудированная и интеллигентная. С добрыми чувствами вспоминается физик Спиридон Григорьевич. В годы учебы Антонины Михайловны ему было уже за 60 лет. «Чудо, а не физик, добрый, ироничный» вспоминает о нем Антонина Михайловна. Он всегда хотел, чтобы Антонина Михайловна хорошо отвечала, но она никак не разумела эту физику.

Была подруга Оксана Яворская, с которой почти не конфликтовали. После освобождения Василькова её отца (он работал врачом-лором) перевели в другую местность. Вели с ней переписку.

Состояла в пионерах и комсомоле. Комсомольский билет до сих пор хранится. К этим организациям испытывает самые теплые чувства. Сама активно участвовала в общественной жизни. Участвовала в восстановлении города (расчищали территорию под строительство). Получила премию — отрез материи, но он так и не пригодился.

Книги в жизни Антонины Михайловны играли очень важную роль. «Книги-друзья» помогли стать тем, кем стала. Научили ориентироваться в жизненных ситуациях, разбираться в людях, выявлять черты людей, оценивать мир. Особенно интересовалась творчеством Л.Н. Толстого и до сих пор перечитывает его произведения, недавно перечитывала «Анну Каренину». Всегда очень любила читать газеты и журналы. Газеты считает самым лучшим источником информации. В детстве одним из увлечений было качание на согнутых деревьях, также ходили купаться на речку.

После окончания школы в июле 1946 г. работала в военном авиационном училище. Составляла расписание для учеников. Относилась к работе очень ответственно, ни разу не было накладок в расписании. Училище выпускало лейтенантов. Работала с октября 1946 до 1951 г. В августе 1951 г. вышла замуж за курсанта Рижского училища (летчик). В декабре 1952 родила ребенка. 4 апреля 1953 г. приехала в Красноярск, где служил муж. Работала в краевой библиотеке. С 1957 г. работала в библиотеке КГПУ. Заочно окончила Канский библиотечный

техникум с отличием в 1963 г. В 1970 г. окончила Восточно-Сибирский институт Культуры заочно по специальности «Библиотекарь-библиограф».

В годы студенчества работала в библиотеке, имела двоих детей, поэтому студенческая жизнь составляла напряженный труд. Благодаря послушным детям удалось окончить институт всего с несколькими четверками.

Вспоминая библиотеку пединститута, Антонина Михайловна благодарит судьбу, что связала ее с вузом. В годы работы ректор Сафонов предлагал должность заведующей отделом кадров, но она отказалась, так как в библиотеке могла постоянно получать новые знания, которые не получит на должности зав. отделом кадров и не сможет уделять достаточно времени семье.

Во время работы комплектовали библиотеку в соответствии с современными достижениями науки. Отмечает, что отношение к науке как в советское время, так и сегодня неудовлетворительное, но намечаются положительные тенденции.

Антонина Михайловна к власти претензий не имеет, как в советское время, так и сегодня. О событиях 1990-х годов говорит с огорчением, ведь почти вся жизнь прошла в Союзе, а теперь это государство распалось. Не верили и не понимали, что происходит. К демонстрациям оппозиции относится резко отрицательно.

Пожелания студентам: «Желаю овладевать знаниями, серьезно относиться к учебе и любой деятельности, которой занимаетесь, тогда достигнете успеха. Будьте профессионалами своего дела. Вносите свой вклад в развитие науки, общества, жизни».

Библиотека дала очень многое. Книги — это окружающий мир, знания. Знания — это богатство. Всем, что имею, обязана книгам. За самоотверженный труд была награждена в 1983 г. медалью «За трудовое отличие».

Дочь — кандидат медицинских наук, доцент кафедры в медицинском университете.

БАХОВА ВАЛЕНТИНА КОНСТАНТИНОВНА¹

Дата рождения: 20.06.1940 г. С 1989 г. – зав. лабораторией ТСО. С 1992 г. – лаборант ТСО. С 1996 г. – лаборант ВВС ТСО. С 2004 г. – зав. лабораторией ОТСО кафедры ИТОиМ. С 2004 г. – на заслуженном отдыхе, пенсионер, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Родилась Валентина Константиновна Бахова (Пашук) 20 июня 1940 г. в Норильске. Мать была из простой крестьянской семьи. Отец родился и вырос в Москве, получил образование экономиста. Очень любил музыку. Плакал в двух случаях, либо из-за болезни детей, либо потому что очень хорошая музыка. Играли на пианино, был самоучкой. Отец в 1937 г. был репрессирован, но в 1941 г. его реабилитировали. Несмотря на то, что отец сидел, он никогда не матерился. Деда по отцу расстреляли, но ненависти к советской власти у отца никогда не было. Когда умер И.В. Сталин, вспоминает Валентина Константиновна, у отца случился первый инсульт. Семья Пашук, как и многие советские граждане, купила портрет Сталина: «Он долгое время висел над комодом», – рассказывает Валентина Константиновна.

Войну помнит частично, так как маленькая еще была. В Красноярск переехали накануне войны. Жили в однокомнатной, подвалной квартире с родителями, двумя братьями и еще сестрой.

Помнит свое короткое красное пальто. Её ставили на стульчик и она пела песню, которую помнит и сейчас.

В 1944 г. её и подругу Олю украли на базаре. Образ женщины, которая заманила девочек, помнит очень хорошо. Эта женщина забрала у Вали белую, теплую мамины шаль. Когда Валентину привели в милицию, там она назвала свой адрес. Когда её вели домой, то ничем не накрыли голову и девочка очень замерзла.

¹ Воспоминания записали Боярова Анастасия Евгеньевна и Афанасьева Валентина Владимировна, студентки 3 курса исторического факультета.

После возвращения домой начались серьезные проблемы со здоровьем. Положили в больницу. Врач сказал, что ребенок умирает, и мать, под свою ответственность забрала ребенка домой. Зная целебные свойства различных трав, она вылечила ребенка. Но во время болезни Валентина разучилась ходить. И в апреле 1945 г. мать снова учит её ходить и 9 мая 1945 г. ребенок полностью выздоравливает. Этот день Валентина Константиновна помнит очень хорошо.

Вспоминая школьные годы Валентина Константиновна рассказывала, что со школьными учителями очень ей повезло. С доброй улыбкой вспоминала она про учительницу по литературе Зою Степановну. Она вела драмкружок, ставили даже «Молодую гвардию». Доводилось играть даже мужские роли.

Из-за проблем со здоровьем был перерыв в школьном образовании. Пришлось идти работать на текстильную фабрику «1 мая» в Красноярске. Но сестра, приехав домой, сказала, что Валентины Константиновны ей очень не хватает и забрала её в г. Куйбышев.

В 1959 г. Валентина Константиновна закончила куйбышевскую школу. В этом же году поступает в Красноярский педагогический институт, на факультет физики и химии. Изначально хотела стать геологом. Очень нравилась ей эта профессия, но из-за проблем со здоровьем решила поступать в педагогический институт.

Для Валентины Константиновны педагогика — это призвание. Даже сейчас, если бы позвали, то вернулась бы.

В институте, вспоминает Валентина Константиновна, был такой предмет: студенты ходили в Дом пионеров, там учили песни, танцы, учились делать игрушки и костюмы, до сих пор помнит, как делала сомбреро.

Последний год учебы в институте почему-то сократили. И вместо говов в мае последний государственный экзамен сдавали на полгода раньше, 15 ноября, а 18 ноября вручали диплом. Из-за того что вручение дипломов было в необычное время, выпускников забыли поставить на военный учет.

Своих институтских преподавателей помнит очень хорошо, только добрые отзывы. Говорит, что с педагогами ей очень везло. Деканом в то время был Н.Я.

Эдельман. Историю вел В.П. Сафонов.

С 21 ноября 1964 г. начала работать школьным учителем. При распределении писала заявление на два города — Норильск, Енисейск — и Долгий мост. Выбор пал на эти города, так как там жили родственники. Из Енисейска пришло требование именно на Валентину Константиновну, но от неё это скрыли и отправили в Турово, — деревню в Долгомостовском районе. По дороге в Турово выяснилось, что с распределением что-то напутали и Валентина Константиновна возвращается в Долгий мост и начинает там свою педагогическую деятельность.

Основным предметом химия, но из-за нехватки учителей довелось преподавать и физику, и черчение и даже английский язык.

В Долгомостовской школе курировала совет комсомола. Однажды, когда проработала в Долгом мосту чуть больше месяца, в деревне окрестили двоих детей. За то, что как куратор совета комсомола не проследила это мероприятие, Валентина Константиновна получила выговор. В красноярской газете выходит большая статья с «руганием» такого поведения. Имена родителей, детей и преподавателей в статье не назывались. Назвали лишь имя Валентины Константиновны. Было очень обидно. Как выяснилось позже, детей окрестили бабушки, которые разрешения не спрашивали ни у кого.

В Долгом мосту Валентина Константиновна жила в доме какой-то бабушки. Эта бабушка жила в однокомнатном доме со своей внучкой- сиротой. На одной кровати спала бабушка, на другой — внучка. Валентине Константиновне пришлось спать вместе с внучкой этой бабушки. Так как работала Валентина в 3 смены, помогать бабушке по хозяйству времени не было, и поэтому она платила не 25 рублей, как просила бабушка, а 35. Бабушка была очень рада такой доплате и всегда пыталась угодить Валентине. Давала ей самый жирный и большой кусок свинины, а Валентина Константиновна её так не любила.

В Долгом мосту проработала лишь год. Электричества там не было. Пользовались керосиновыми лампами и из-за этого начали болеть глаза. В 1969 г. пришлось вернуться в Красноярск. По возвращении пошла работать в школу №14. Так же Валентина Константиновна позже работала также в школах №10 и №20.

Первый класс в 14-й школе, который ей дали, был 6-м. В нем училось 46 человек, из них 13 второгодников. «Но эти дети в сравнении с современными детьми были ангелами», — говорит Валентина Константиновна.

По субботам и воскресеньям ходили с детьми в поход. Однажды получился такой случай. На субботу поставили 6 уроков, а дома нужно было сделать много дел. Ученики были уже настроены на поход, и пока любимая учительница была в школе, выполнили всю работу по дому и даже помогли соседу.

Еще был такой случай. Был ученик, у которого по химии выходила 2. Он стал ходить на дополнительные уроки по химии к Валентине Константиновне, денег она за это не брала, и ученик, чтобы отблагодарить учителя, однажды принес в школу очень красивые белые босоножки. Стоили они 35 рублей. Ученик отказался принять деньги за эти босоножки, и их пришлось вернуть в магазин.

Еще один случай из школы. У некоторых учеников выходили «неуды» по химии как раз накануне экзаменов. Чтобы исправить положение учеников, Валентина Константиновна устроила нечто похожее на экзамен. Сделала билеты, каждый ученик вытягивал билет, отвечал, а она ставила ему «заслуженную тройку». Подошел к ней очередной ученик и заявил: «Я знаю только четвертый билет и возьму я его только из ваших рук!!!». Валентина Константиновна очень разозлилась на ученика. Схватила первый попавшийся билет и сказала, что ученику придется отвечать на тот билет, который попался. А попался ей как раз 4 билет, который и знал ученик.

Участвовала в огромном количестве разнообразной общественной деятельности. Однажды оформляла школу к празднику, так за это школа получила 1 место.

«Работая в школе, — говорит Валентина Константиновна, — нужно иметь нормальное количество часов, примерно 24 часа, 18 часов — это мало».

В кабинете химии обязательно должен быть вытяжной шкаф. Но их не было и тогда, да и сейчас их нет. Помнит, что ей очень понравился кабинет химии в пищевом техникуме на улице Партизана Железняка.

И еще в городе был Пост №1. Тот, ктоостоял на этом посту 3 раза, получал

медаль. Такая медаль есть и у Валентины Константиновны. Выглядит медаль как новая. Также за это есть и грамоты.

Досуг проводила в сберах и внеклассных мероприятиях.

Учителей в партию принимали крайне редко, но Валентину Константиновну приняли. Партийный билет не сдала до сих пор.

СССР Валентина Константиновна «хвалит»: тогда была хорошая школа, медицина. «Иностранцы нам завидовали», — с гордостью говорит Валентина Константиновна. «Муж меня называл ВКП(б) — Валентина Константиновна Пащук (Бахова)».

Еще когда работала в школе, Валентину Константиновну пригласили работать в наш педагогический институт на биолого-химический факультет. Звали на место младшего научного сотрудника.

«Ученый должен делать только то, что может пригодиться в жизни», — говорит Валентина Константиновна.

В институт пришла на место заведующей лаборатории ТСО. Показывали различные методические фильмы.

Из института ушла сама, потому что нужно было садиться за компьютер, но зрение не могло этого позволить. На момент ухода из института зрение было — 13,5!!! Операцию на глаза отказывались делать. Пришлось делать её частным образом. 20000 рублей — стоимость операции, таких денег у женщины не было. Пришлось занимать под высокий процент. Тут ей помог педуниверситет — выделил 8000.

В институте было очень много хороших ученых, выделяет таких: Л.М. Горностаев, М.И. Шилова, А.М. Гендин. Горностаев мог даже стать ректором, но у Н.И. Дроздова на выборах оказалось на один голос больше.

Валентина Константиновна хочет всем пожелать здоровья — это самое главное. Чтобы не было войны, хорошо учиться, найти хорошую и интересную работу, свое место в жизни. «Раньше все мечтали о призвании, а сейчас только о том, чтобы было высшее образование».

БЕЛИК АЛЬБИНА ЛЕОНИДОВНА¹

Дата рождения: 19.07.1943 г. 1967 – 1970 г. – старший преподаватель кафедры иностранных языков КГПИ. 1972 – 1974 гг. – старший лаборант кафедры немецкого языка. 1974 – 1984 гг. – преподаватель немецкого и французского языков кафедры иностранных языков. 1996 – 2003 гг. – старший преподаватель кафедры иностранных языков. С 2003 г. – на заслуженном отдыхе, пенсионер, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Семья и события XX века.

Родилась я в Ужуре 19 декабря 1943 года. В XX веке самое видное событие – Великая Отечественная война. Родилась во время войны, но ничего не помню. Дяди воевали, а отец нет – был заведующим районо, хотя и просился добровольцем, но его не взяли. Отец и мать – учителя. Было 4 ребенка в семье. Сейчас муж есть и дочка – закончила, как и я, факультет иностранных языков.

Учеба в школе

Была больше гуманитарием – точные науки знала на «3» и «4», а вот литературу и языки на «5». Очень, кстати, любила и до сих пор люблю историю – читала Соловьева, Карамзина, Ключевского.

Студенчество и работа в КГПУ (жизнь после школы)

Поступила в КГПИ, так как нравились иностранные языки, да и родители направили.

Училась я, естественно, на инязе. Профиль – английский и французский.

После в вузе нашем преподавала на межвузовской кафедре – на всех факультетах. Понравилось учить больше – на филфаке и истфаке, ибо интеллект, еще математики – они системники.

В институте работала с 1967, а на кафедре с 1975 по 2003 год. Преподавала в

¹ Интервью провели Луговская Мария Юрьевна и Щигельская Юлия Дмитриевна, студентки 3 курса исторического факультета

основном немецкий язык и французский, но его реже, хотя именно его больше люблю, правда, сложный он ... Имею награду почетную от Министерства.

Ушла из КГПУ, потому что тяжело заболела, да и возраст уже...

Еще в школе работала в Ужуре, но в институте мне больше нравилось – публика там поинтеллигентнее будет.

Отношение к власти и лидерам страны

В СССР было и хорошо (бесплатное образование и медицина), и плохо (народ совершенно зажатый), тяжело и с точки зрения быта – постоянные очереди и дефицит. Трудно жилось.

Сейчас больше отрицательного – хоть народ более раскованный теперь, зато преступность высокая и нравственность резко упала, и купить можно все, но только при наличии работы.

Короче в каждом времени есть свои «за» и «против».

Отношение к Сталину — когда умер поплакали, маленькие же были. Позже кульп личности его развенчали – шок был для всех...

Что касается Хрущева – в народе не имел авторитета. Много про него анекдотов ходило – «мужицкий царь Никита». А вещи делал хорошие – целину при нем вспахали, квартиры стали строить – повышал он благосостояние народа.

Общественная жизнь в вузе

В колхоз все ездили – I - III курсы, а в меде так вообще все 5 лет. Тяжело приходилось нам в колхозах-то – спать негде, есть нечего, но молодые были и как-то не замечали.

Потом уже как преподаватель выезжала в тот же колхоз с ребятами – в Назаровский район. Сдружились там очень.

В то время еще политинформацию постоянно всем надо было проводить – идеология повсюду господствовала, вот и говорили, но строго по установкам свыше и никакой «отсебятины»

Уровень студентов

Студенты во все времена одинаковые. Сейчас, пожалуй, больше блатных. В «Советах», напротив, отбор был тяжелый – строго по конкурсу. Раньше и диплом

купить было нельзя, а теперь не только диплом купить можно, вон сколько академиков да докторов наук развелось.

Научная работа

Писали на нашей кафедре чисто практические работы-пособия, методички. Как таковая, это все научно-методическая работа, а вот в своей отрасли исследований не делали – этим межвузовские кафедры особо и не занимаются. Да и не хотела я особо какие-то теоретические работы делать – мне больше практика нравится.

Отношение к своей научной области. Ее положение в мире

Дисциплину свою очень люблю — языки у меня в крови, поэтому даже сейчас, на пенсии, перевожу и иногда разговариваю на иностранных.

Сейчас все грезят США вот и учат – раньше такого не было. Языки учили для себя скорее, а если для работы, то только немецкий, как сейчас английский (хотя, как я уже говорила, и просто почитателей американской культуры у нас достаточно). В будущем, думаю, мировым деловым языком станет китайский.

Досуг

Была в Германии в качестве туриста – общалась там с населением. По музеем походила, посетили Бухенвальд, где Эрнста Тельмана сожгли – там теперь музей. (Э. Тельман был казнен в берлинской тюрьме Маобит – ред.)

В кино люблю ходить на исторические фильмы. Читаю на английском, испанском, итальянском, еще по-русски. Смотрю новости по всем каналам. Передачи исторические – научно-популярной тематики. Самый любимый канал «Культура». Там идет программа «Полиглот» — уроки по различным языкам мира, а ученики – звезды всякие, типа Артема Михалкова. Сейчас вот уроки испанского идут.

Еще люблю мистику, про катастрофы всякие для общего кругозора.

Пожелания студентам и молодым учителям

Совершенствоваться постоянно. Быть доброжелательным ко всем, особенно к детям. В коллективе со всеми дружить. Свою отрасль науки любить и уважать.

БУРМАКИНА НИНЕЛЬ АНАТОЛЬЕВНА¹

Дата рождения: 16.10.1937 г. 1965 г. – преподаватель кафедры медицинской подготовки КГПУ. 1968 г. – и. о. зав. кафедрой медицинской подготовки и гражданской обороны. 1977 г. – зав. кафедрой гражданской обороны. 1984 г. – старший преподаватель кафедры гражданской обороны. 1993 г. – старший преподаватель ОМЗ. 1997 – 1998 гг. – старший преподаватель кафедры БМОЖЧ. С 1998 – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Правительственные награды:

Награждена грамотами и медалью «Отличник Гражданской обороны».

Детство прошло в военные годы. Родители были без высшего образования. Дедушка из Енисейска, Бурмакин Сергей Михайлович – знаменитый фельдшер. В семье их было трое детей. Сестры тоже стали врачами. Три поколения врачей. Брат был изобретателем лазера. Дочь – врач педиатр. Детство прошло в Красноярске «на задах» театра Пушкина. Закончила школу № 11. Поступила в 1957 году в медицинский институт. После окончания стала работать участковым терапевтом.

Минусов в советской школе не было, скорее всего было больше плюсов. Любимый предмет – математика. Запомнилась учитель по физике Мария Пантелейева, она же была классным руководителем. Конфликтов в классе особых не было, только ссоры с девочками, но это, как в любой школе. Была в пионерском лагере.

В институте было интересно. Учеба в институте сильно отличалась от учебы в школе. В институте ездила в Дом отдыха «Таежный». Ездили в колхоз, все были дружные. В школе хотела стать артисткой. Любила ходить в народный театр. В Доме офицеров играла снегурочку в спектакле. Играла в драматическом театре в спектакле «Звезда Бродвея», которую поставила сокурсница. После этого у нее

¹ Интервью провели: Клокова Наталия Сергеена и Комбагир Надежда Васильевна, студентки 3 курса исторического факультета.

брали интервью из нью-йоркской газеты. Закончила в Доме пионеров три цикла бальных танцев.

Раньше сдавали макулатуру и на эти деньги покупали книги. Одна из ее подруг Наташа уехала в Москву и писала ей стихи Есенина, после этого она их очень полюбила. Смотрела все оперетты. Больше всего нравилась оперетта «Белая акация», которую часто ставили в советское время. Нравились артисты из музыкальной комедии.

Родители поддерживали ее всегда, профессию выбрала сама. Хотя повлиял на нее дедушка, который был для нее авторитетом. В школе занималась конькобежным спортом на стадионе Динамо.

Работала в поликлинике. После врачебно-терапевтической конференции расхвалили ее участковую работу. Сложно было устроиться узким специалистом, хотя она очень хотела. Отработала 2 года, после этого подруга попросила провести занятия в педагогическом институте. Отработала год в институте и после беременности уволилась, хотя ее просили перейти в штат. После этого ее взяли работать на полставки в первую поликлинику, работала терапевтом. После этого в Красноярском педагогическом институте и университете отработала 40 лет, из них 18 лет заведовала кафедрой по медицинской подготовке. Считает себя хорошим педагогом. Даже в младшем классе играла роль учителя, но в старших классах не хотела быть педагогом.

Наукой заниматься не стала, потому что ближе была практическая медицина. Работала очень много, но ей нравилось. Советской властью была довольна. Из лидеров запомнился Сталин. Раньше были бесплатные туристические путевки в профсоюзе. Ездила отдыхать на море. Получала повышенную стипендию. Ездила на 10 дней в Ленинград. Нынешней властью довольна, не жалуется.

Пожелания студентам

Быть более активными, любознательными. Быть смелее во всем. Обязательно смотреть все оперы и балеты.

БЫВШЕВА ЛИДИЯ ВЛАДИМИРОВНА¹

Дата рождения: 06.04.1931 г. 1956 – 1959 гг. – старший преподаватель кафедры французского языка КГПИ. С 1959 г. – старший преподаватель кафедры иностранных языков. С 1986 – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Почему я выбрала в жизни именно французский? По недомыслию, я Мопассана в школьные годы прочитала и захотела в подлиннике почитать. Вот в Ленинград в 1949 году и поехала поступать. Я закончила в Абакане школу, а до Абакана по медвежьим углам жили. Там на рудниках не было библиотек и радио. Училась в семилетней школе. В конце войны перевели в Абакан. Учителя были добросовестные и хорошо давали знания.

Когда сдавала литературу, у меня спросили, где вы учились, и я по наивности говорю: в Хакасии. Они не знали, где это, но у меня было желание учиться. Так, из «медвежьего угла» в 18 лет поехали в Ленинград. «А что вы так далеко уехали, как вы здесь будете жить?», – спрашивали меня при поступлении. После войны в технических вузах общежития были, но в гуманитарных не было общежития. Я говорю: «Как буду. Угол снимать буду». Говорят: «Ну вы понимаете, если вы с хозяйкой не уживетесь, будут конфликты, вы будете пропускать занятия и место пропадет, а лучше бы ленинградец место занял». Я им говорю: «Пусть столько же баллов, как я, набирают и поступают, а мы с чем приедем, с тем и уедем...». Больше ничего не сказали мне, зачислили. Училась хорошо, было очень строго, разрешалось пересдавать один раз, с тройками никаких стипендий. С троек пересдач не разрешали. Не разрешалось бесконечное количество пересдач. На зимние каникулы я домой не ездила.

На квартире я жила у Анастасии Георгиевны, хорошая женщина была. На III

¹ Воспоминания записали Костина Дарья Николаевна, Кондакова Анна Вячеславовна, Погорелова Марина Валерьевна, студентки 4 курса исторического факультета.

курсе нам дали общежитие.

У нас в институте хорошо было, на зимних каникулах жили в зданиях для фрейлин, там сделали из него Дом отдыха, а столовая была в Петровских конюшнях. Это была красота.

Отработав учителем после института 2 года в Бурятии, приехала я в Красноярск, и сразу пошла искать работу. Пошла в районно, там был обед. Мне сказали заполнить анкету и приходить после обеда. На улице встретила свою знакомую и рассказала, что в районно пишу анкету чтобы устроиться, она мне говорит: «Ты что дура? Куда-нибудь в деревню тебя отправят, а здесь столько мест, столько институтов». Все они на проспекте Мира. Мы пошли по институтам, первой была «техноложка». Там сказали, что штат ещё не пришёл, могут предложить вести английский, а как я его буду вести, он же второй язык. Потом знакомая говорит, а вот и педагогический есть. Он тоже был на Мира. Была зав. кафедрой французского языка Евгения Карловна Стейберг, она же декан иняза была, я при дипломе, она посмотрела, и говорит: «Ну все, идите в отдел кадров». Главный корпус был на Мира, там сразу говорят: «Выходите на работу, все в отпусках, будут вступительные там и привыкнете».

Тогда был еще педагогический институт, факультет иностранных языков. Три кафедры: английская, французская и немецкая. Я на кафедре французского языка оказалась. Там проработала 30 лет. Когда ввели в 1968 году 4-летние курсы иностранного языка на всех факультетах, я как раз была в декрете, и чтоб меньше нагрузки было да и подменить меня там могли, я пошла туда при образовании этой общевузовской кафедры, так до конца и проработала.

На кафедре английского была заведующей Ирма Матвеевна, на немецком Виктор Глебович Мысников. Очень хорошие отношения до сих пор, 7 лет в совете ветеранов состою.

В 1975 году на стажировку во Францию съездила, тогда был « занавес» ещё. Среди нас был человек, который никакого языка не знал, но был к нам приставлен. Преподаватели французы нам говорят: «Какой странный молодой человек». Потом он перестал ходить, кто-то передал ему. Вообще мне непонятно, зачем

отправлять такого человека, не знающего языка. Сами себя же подставили. Мы занимались с понедельника до половины пятницы, и в пятницу вечером нас вывозили по городам; 22 города Франции проехали.

Таким образом, я до пенсии доработала. В 1986 г. в 55 лет, ушла сразу. Почему? Потому что в то время был выбор: получаешь либо зарплату, либо пенсию, а разница была в 60 руб. У меня семья. Нагрузки хватало, с 8.00 до 16.00 работала, и я решила уйти на пенсию. Но с институтом не теряю связь.

Директором пединститута ещё тогда был Тетерев, потом Сафонов, затем [ректорами] О.Г. Пельмская, А.Н. Фалалеев, Н.И. Дроздов.

Какие были студенты тогда?

Были старательные студенты, мы с ними ездили на с/х работы, с 25 августа уже зачисляли и потом все в колхоз, были в Партизанском, Ужурском. В основном же у нас учились девчонки, уезжали налегке, обратно выезжали по снегу в санях до поезда. Были казусы там, женщины-колхозницы вочные не ходили. Вочные смены назначали нас.

В Шарыповском районе на подтоварнике, на ленте, где зерно, в 3 часа ночи девчонка задремала и ручонка попала... Руку ей разворотило, привезли её к фельдшеру, дочери бригадира, та, заспанная, обработала и забинтовала. Жили в клубе, она стонала от боли, мы там не одни были. С КрасМАШа шоферы на КамАЗах зерно возили, я их попросила увезти девчонку в Ужур. Ночью на КамАЗе поехали, там её прооперировали, и утром я её домой отправила. Там кости не переломились, потом я пошла и сказала, что больше студенты не будут ходить вочные. Мы выделили со своей группы поваров. Выделили нам продукты, и мы сами варили, и все нормально было, а камазисты с нами ели.

Только хорошие воспоминания обо всем.

Сейчас у преподавателей есть претензии, что студенту все безразлично. У меня такого не было. Конечно, были такие случаи, но очень редко. У меня был студент, тувинец кстати, он был с геофака, он вообще никак не знал язык, но у него был голос, как у Адамо, и я выучила с ним песенки Адамо. Он сам на гитаре аккомпанировал. Он выступал на олимпиадах, и я ему ставила зачеты, знала, что

он уедет домой и ему французский не сильно-то и нужен.

На кафедре работали Людмила Михайловна Худоногова (она впоследствии стала деканом), Максимова, Нищенко Инна Валерьевна, Зоя Романовна Лопатина и я. А латынь вёл уникум Станислав Тадыушевич. Он закончил томскую классическую гимназию, на инязе вел латынь, а на физмате вел практические занятия по математике, ему тогда было, как мне сейчас, 80. Очень хорошая кафедра в памяти осталась с тех времен.

ВАЙТУСИНА НИНА ИННОКЕНТЬЕВНА¹

Дата рождения: 01.06.1923 г. 1947 – 1956 гг. – средняя школа № 4. С 1956 г. – ассистент кафедры русского языка. С 1962 г. – аспирантура. Доцент кафедры русского языка. С 1988 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Зовут меня Нина Иннокентьевна Вайтусина. Родилась в городе Красноярске 1 июня 1923 года. Я верующий человек. Всегда сколько себя помню, хотела стать филологом, очень любила русский язык и литературу

После окончания школы, в 1941 году я хотела подавать документы в педагогический институт (на тот момент в городе было всего два института: педагогический и лесоинженерный). Но моим планам не суждено было сбыться. 19 июня мы получили аттестаты зрелости, 20 июня был выпускной вечер, а 22 июня объявили о начале войны. Нас отправили в военкомат, но я не прошла на службу по здоровью, зрение плохое.

Однако поступить в институт я пока не могла. Нас (тех, кто не попал на фронт) отправили учиться на курсы бухгалтеров. Математику я не любила ещё со школы, но мне дали ясно понять, что после войны я буду выбирать, куда пойти учиться, а сейчас – куда отправят.

¹ Интервью брали Карпенюк Екатерина Вячеславовна и Русак Мария Владимировна, студентки 33 курса исторического факультета.

В семье нас было четверо. Мама моя была домохозяйкой, а отец – Иннокентий Осипович – рабочим на вагоноремонтном заводе. В войну отец не выходил с завода месяцами, ночевал там. Электричества в войну не было, освещали комнаты коптилками, из-за этого все стены были черными, а когда сидишь возле неё, – так и сам черный был. Вся страна работала на фронт, ради Победы. Да и люди дружно в то время жили.

В 1943 году я все-таки поступила на филологический факультет педагогического института. Готовили уроки как раз перед этими коптилками, нос и всё лицо были ужасно черными. В самом институте было холодно до такой степени, что в чернильницах чернила замерзали. Лекции писать было не на чем, бумаги чистой не было, писали между строк в газетах и других книгах. Однажды я смогла найти и купить нотную тетрадь, так это на самом деле настоящее счастье было – столько свободного места.

Время было голодное. Когда я стала учиться в университете, мне стали давать 500 граммов хлеба (до этого иждивенцам выдавали 300 граммов), а маме меньше, уже точно не помню сколько. Хлеб был не очень хорошего качества, но он казался настолько вкусным из-за того, что его было очень мало. Продавцы в магазинах, которые хлеб нам выдавали, иногда жульничали, но мы внимательно следили за этим. Кроме хлеба, раз в день нам давали талон на суп в столовую, которая находилась на улице Мира. Суп был очень жидким, но главное, что это была горячая пища.

Стипендию давали маленькую, но мы даже ходили в кино.

В 1947 году я закончила университет. В это время в Красноярск приехали Оперные театры из Днепропетровска и из Одессы. Нам с подругой очень хотелось туда сходить. Мама в огороде вырастила огромный кабачок и велела нам его продать, чтобы на вырученные деньги сходить в театр.

Ещё кое-что про университет. Лекции нам читали просто превосходно. Вот, например, языкознание читал академик Тимченко. Преподавателем по педагогике был Хромов Петр Андреевич, античную литературу читала Цомакион Наталья Абрамовна. И так еще некоторые преподаватели. Все они были эвакуированы из

Ленинграда. Вечная память этим великим людям.

После окончания университета я 9 лет преподавала в школе № 4. Я работала в старших классах, но нагрузка была не полной – всего 15 часов. Первый раз я получила 40 рублей. Деньги не очень большие, но мне тогда, заработка плата показалась очень большой.

Школа на тот момент была женской. Я проводила литературные вечера. Детям это очень нравилось. На уроках мы пели. Они порой даже уходить не хотели, задерживались допоздна. Иногда приходили родители и спрашивали, где это такая учительница Вайтусина, из-за которой дети домой поздно возвращаются. Сразу в преподавании удивило то, что школьники встают перед преподавателем. С классом сложились очень теплые и дружеские отношения. В аспирантуру после окончания института не пошла, хотя училась я хорошо. Не хотела. Хотела работать в школе.

Работа в школе – это годы счастья! Я была руководителем городской секции учителей литературы, отличником народного образования.

В университет меня все равно приглашали. Я согласилась уйти из школы, но с условием, что доучу выпускной 10 класс. Я пришла на кафедру литературы, но в скором времени меня стали приглашать на кафедру русского языка. Я очень любила литературу, но на кафедре русского языка мне пообещали аспирантуру в первый год учебы. И я согласилась. На кафедре русского языка я проработала 33 года. Защищалась соответственно по теме «Развитие речевого слуха у учащихся средних классов». Честно, год я вам не скажу. Не помню. Всегда были проблемы с цифрами. Я не математик.

Мой муж учился в медицинском, там и работал на кафедре.

На самом деле с защитой диссертации связана очень интересная история. Я считаю, что меня всегда ведет Бог. Вот и тогда тоже. Чтобы защититься, нужно было ехать в Ленинград, но беда в том, что у меня было трое маленьких детей. Старший сын Женя и двое близнецов Ваня и Саша. Ваня и Саша на тот момент было два годика. Как же я могла их оставить? Я поехала в институт с просьбой отложить защиту хотя бы на год, но мне сказали, что в Ленинграде уже с

нетерпением ждут, когда же я, наконец, приеду. Я пошла домой. Вечером перед сном, я попросила Бога о помощи. И что вы думаете, мне на следующий день позвонили и сказали, что теперь появилась возможность защищать кандидатские здесь, в Красноярске. Это было такое счастье!

После защиты диссертации моя зарплата очень выросла, но тратить её было некуда. Муж тоже получал довольно много. Вся наша жизнь была в очередях. Но деньги куда-то девать нужно же. Я решила помогать людям. Был у меня один студент, так он в один из дней был настолько рассеян, что я это заметила. Девочки мне сказали, что он уже второй день ничего не ел. Я подозвала его к себе и предложила помочь, он не хотел брать и чуть ли не до слез. Но я все-таки его уговорила.

Не очень хорошо хвастаться, но я до сих пор помогаю людям. После 80 лет у меня прибавка к пенсии идет. Я решила отдавать 500 рублей в помощь моим соседям. Это счастье на самом деле помогать людям.

Как бы то ни было, я считаю себя счастливым человеком. Очень много у меня друзей и знакомых. Учителя до сих пор у меня консультируются. К моему дню рождения мы все вместе собираемся. Ко мне приходят мои ученики. Они уже сами люди в возрасте, некоторые уже умерли, а я все живу. Я счастлива, что прожила такую насыщенную жизнь. У меня 17 потомков. Мои дети и внуки в основном пошли по медицинской линии, по мужу моему.

После смерти мужа я стала чувствовать необходимость быть ближе к Богу. Я сначала причисляла себя к православным, была крещена по православному обряду, но после одного случая в церкви решила искать Бога в другом месте. При мне однажды православный священнослужитель очень сильно после исповеди нагрубил женщине из-за того, что она случайно пошла не в ту сторону. На мой взгляд, это было неприемлемо. Я стала искать. Свидетели Иеговы, адвентисты... В итоге я осталась у баптистов. Очень хорошие и добрые люди. Особенno меня поразило их пение – душевное и доброе...

Вот это и есть моя жизнь. Главное – не завидовать и не желать другим людям зла. И будешь счастлив...

ВЕЙНГОЛЬД ИРИНА МИХАЙЛОВНА¹

Родилась в Москве в 1930 году. В течение 25 лет с 1964 по 1989 год работала в КГПИ. Кандидат философских наук, доцент кафедры философии. С 2000 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран руда.

Мой отец Михаил Геронимович Вейнгольд окончил Московский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1933 году поступил на Коломенский паровозостроительный завод, который являлся старейшим предприятием в России, изготавливавшем паровозы, а позже тепловозы и электровозы. До поступления на завод отец 8 лет учился в Москве, где закончил рабфак, а потом институт. После занятий ходил в театры, музеи и выставки. Видел, как исполняли роли великие мастера искусства – артисты М. Чехов, (знаменитейший актёр, брат писателя), Качалов, Тарасова. Бывал на литературных вечерах в политехническом музее, слушал Маяковского. Видел Горького, ходил вместе с другими студентами встречать его на вокзал, когда он вернулся в 1929 из Италии, а также слушал его выступление в театре Красной Армии. Там же видел Тухачевского и Буденного.

Дела на заводе у отца шли успешно, работал он много, его труд находил оценку и поддержку. К 1941 году проработал уже начальником цеха и возглавил отдел технического контроля.

В июне 1941 началась война, завод в срочном порядке стал переходить на изготовление заказов для фронта. Кроме того, по заводскому почину построили мощный бронепоезд, который вскоре принял участие в боях.

Коломенскому заводу поступил ещё один важный заказ, важный и очень срочный. Необходимо было изготавливать платформы-повозки для пушек, выпускавшихся Коломенским артиллерийским заводом. В Коломне, что находился в

¹ Интервью провел Меркес Роман, студент 3 курса исторического факультета.

117 км от Москвы, было два градообразующих предприятия – Коломенский паровозостроительный, на котором работал отец, и ГАРОС – Российский артиллерийский завод.

До войны платформы-повозки делались в одном из западных городов Советского Союза. В начале войны немцы продвинулись на восток, и нужно было заново и срочно наладить производство повозок. Поручили производство платформ Коломенскому паровозостроительному заводу. Начальником цеха утвердили моего отца. Так отец получил сложное задание, важное для фронта. Начинать нужно было с нуля, но задание было выполнено.

Тревожное было время, над Коломной летали вражеские самолеты, частыми были воздушные тревоги, фашисты приближались к Москве. Положение на фронте настоятельно требовало, чтобы промышленность Московской области, в том числе и коломенские заводы, была эвакуирована с тем, чтобы на новом месте как можно быстрее приступить к выпуску военной продукции.

Отец, которому тогда было 34 года, был назначен председателем комиссии по эвакуации части машиностроительного и артиллерийского заводов в Красноярск. М.Г. Вейнгольду было дано ответственное поручение – эвакуировать кадры, основные средства, материалы, инструменты в этот город.

Отправляли эшелоны с людьми и оборудованием. М.Г. Вейнгольд оставался на заводе, пока не отправил последний состав. После чего выехал в Красноярск. Паники и неразберихи в Коломне не было. Комплектовались и отправлялись эшелоны с людьми и оборудованием. Люди ехали в переполненных теплушках и потому с собой брали минимум вещей, оставляя квартиры и имущество.

Михаил Геронимович впоследствии говорил: «Не думал я тогда, что на всю будущую жизнь стану сибиряком и вся она будет связана с заводом Красмаш до самой глубокой старости».

В войну завод выпускал пушки, а отец работал начальником сборочного цеха. Завод должен был выпустить, поставить на платформы и отправить на фронт определённое количество пушек. Многое зависело от сборочного цеха. Отец практически жил на заводе. Есть такая песня со словами, все мы её знаем: «дни и ночи

у мартеновских печей не смыкала наша родина очей». Это не просто поэтическая метафора, всё так и было. Михаил Геронимович практически не выходил с завода, ведь на сборочном сходилось всё и усилия всех. С завода должно было регулярно и постоянно выходить определённое количество пушек. Их ждали на фронте. «Всё для фронта всё для победы» – этот лозунг стал жизненным девизом и смыслом жизни в годы войны.

Жизнь и работа сотрудников Красмаша нашла своё отражение в книге директора завода Б.А. Хазанова «Подвиг одного завода». В ней помещён портрет отца и написано о его работе в войну. После выхода книги автор подарил её М.Г. Вейнгольду, подписав: «Дорогому другу Михаилу Геронимовичу в память о нашей совместной работе по созданию вооружения для фронта для нашей победы! С благодарностью за Вашу большую помошь по её созданию».

В 50-х годах М.Г. Вейнгольд был избран председателем заводского профсоюзного комитета. Его переизбрали на эту должность в течение 10 лет. Выбирали за инициативность, способность самостоятельно мыслить, самостоятельно принимать решения, скромность, честность и бескорыстие. Позже он возглавлял отдел труда и заработной платы и другие отделы. Его товарищи писали: «Где он возглавлял, там и был успех». Работал до 82 лет, а после возглавлял совет ветеранов завода.

Мой отец Михаил Геронимович Вейнгольд ушел из жизни в 1996 году.

Такой же замечательной и трудолюбивой была и мама. Вот такая семья. В Красноярске я выросла, сформировалась как личность. Училась в школе, закончила ее в 1957 году. И в том же 57-м поступила в Ленинградский государственный университет на исторический факультет. Поступить было непросто, конкурс был очень большой. Сдавать надо было 5 экзаменов (сочинение, русский и литература, история, иностранный язык и география). Я набрала 25 баллов, т. е. все экзамены сдала на «отлично». В списках зачисленных моя фамилия стояла первой, т. к. располагались фамилии поступивших не по алфавиту, а по числу набранных баллов. На все пятерки сдала со всего потока я одна и была зачислена.

В Ленинградском университете училась с 1957 по 1962 год. Это были годы

оттепели, что немаловажно, так как широта кругозора начала формироваться именно тогда. Училась на историческом факультете, деканом которого был знаменитый ученый В.В. Мавродин. Училась очень хорошо, и уже после первого курса, на котором нам читал лекции и вёл семинары сам Мавродин, получила от него приглашение специализироваться на истории Древней Руси. Дело было так. Он попросил меня остаться после последнего семинара на I курсе и сказал буквально следующее: «Давайте работать со мной, как я работал с покойным академиком Грековым». Было очень лестно получить такое предложение. Вообще отношение к студентам в Ленинградском университете было очень уважительным, в нас как бы рано начинали видеть будущих коллег. На всех конференциях, где бы они ни проходили, мы были желанными гостями: в университете, в Доме ученых, в институте археологии. Мы шли туда смело, зная, что нам будут рады.

Исторический факультет располагался в одном здании с философским и экономическим факультетами на Менделеевской линии рядом с Академией наук, напротив Зимнего дворца. На факультете было отделение искусствоведения, я посещала лекции, многие из них проходили в Эрмитаже, в Русском музее. Так начиналось знакомство с мировой художественной культурой, кроме того, очень славились тогда концерты симфонической музыки, которые проходили в Ленинградской филармонии. Дирижером тогда был Е.А. Мравинский. Сам город, с его архитектурой также воспитывал вкус, давал представление о красоте в архитектуре.

Летом в годы учебы ездила в археологические экспедиции. Первая была на Украину, под Шепетовку, в село Городище, где мы раскапывали поселение XIII в. Руководил экспедицией заведующий кафедрой искусствоведения Ленинградского государственного университета профессор М. Каргер, автор известной монографии «Искусство Древней Руси».

Из Ленинграда Каргер привозил отряд из 50 студентов и аспирантов, а на месте приглашал на работу еще старшеклассников из местной школы, раскоп был большой. Одним из аспирантов участвовавших в этой экспедиции, был А.М. Кирпичников, который впоследствии стал ректором Института археологии, он работал на раскопках

в Новгороде.

После III и IV курсов ездила в экспедиции под руководством И.И. Ляпушкина, профессора из института археологии. Это были экспедиции на Черниговщину, Брянщину и в Днепропетровскую область. Интересовали нас древнеславянские поселения. По результатам археологической экспедиции И.И. Ляпушкиным были изданы монографии. Эти экспедиции по составу были небольшие, по 7 человек. Один из товарищей по экспедиции впоследствии стал ректором Архангельского пединститута, другой, М.Б. Свердлов, сейчас является доктором исторических наук, главным научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории РАН (Российской академии наук).

Еще в университете заинтересовалась философией, которую тогда нам читал И.С. Кон, даже обращалась к ректору с просьбой разрешить параллельно учиться на философском факультете (тогда это не разрешалось).

Ректором тогда был А.Д. Александров, по специальности математик. Он ещё известен тем, что увлекался альпинизмом и участвовал в экспедиции по поиску «снежного человека». Ещё ректор организовывал соревнования между физиками и лириками, то есть соревновались студенты физического и математического факультетов с гуманитариями. Он к себе домой пригласил лучших студентов с этих факультетов для беседы-соревнования, кто сильнее, эрудированнее. От исторического факультета на эту встречу-соревнование факультет откомандировал меня.

После окончания университета получила приглашение В.И. Мавродина в аспирантуру, но только через год, так как в год моего окончания университета были места только для «целевиков» (аспирантов с мест), а на следующий год для выпускников. В Красноярске у меня были родители, я приехала к ним на каникулы без вещей (вещи остались в камере хранения общежития). Так как думала вернуться осенью в Ленинград, но с осени начала работать в сельскохозяйственном институте на кафедре общественных наук, которую возглавлял П.Н. Мешалкин.

Через 2 года (в 1964 году) поступила в аспирантуру в педагогический институт на кафедру философии к профессору В.Ф. Голосову. Вообще желание учиться было всегда велико. Как-то не думалось тогда о карьере. а вот только То, что буду

преподавать, знала еще со школы, что выберу специальность гуманитарную, все это понимала и представляла уже с 8 класса. Так всё и случилось. Мой стаж преподавательской работы в красноярских вузах составляет 48 лет.

Аспирантские годы практически прошли в Москве. Работала в Ленинской библиотеке и, кроме того, посещала лекции известных профессоров на философском факультете МГУ.

В 1970 году защитила кандидатскую диссертацию по философии, в 1975 стала доцентом кафедры философии в КГПУ и была оставлена для работы на кафедре философии. Здесь же стала доцентом. Награждена медалью «Ветеран труда». С Красноярским педагогическим университетом, тогда еще и Красноярским государственным педагогическим институтом, связано 25 лет моей жизни. После КГПУ 21 год проработала доцентом на кафедре философии СФУ. И в педагогическом, и в Сибирском федеральном университетах работала на многих факультетах. Читала лекции студентам, магистрам, аспирантам. Читала основные и специальные курсы. Принимала вступительные экзамены в аспирантуру и кандидатские экзамены.

Участвовала в двух всероссийских философских конференциях, в материалах которых опубликованы тезисы моих докладов. Принимала участие в 5 Всероссийском философском конгрессе «Наука, философия, общество» в Новосибирске в 2009 году.

Тезисы моих докладов посвящены этической составляющей философского знания. Я считаю этическую составляющую самой важной, ибо в философии, как писал Лев Николаевич Толстой в своих дневниках, «когда жизнь людей безнравственна и отношения людей основаны не на любви, а на эгоизме, то все технические усовершенствования, увеличение власти человека над природой... производят впечатление опасных игрушек в руках детей».

ВЕРБИАНОВА ЗОЯ ГРИГОРЬЕВНА¹

Дата рождения: 10.05.1932 г. 1956 г. – старший лаборант кафедры зоологии. 1959 г. – ассистент кафедры зоологии. 1963 г. – аспирантура. С 1964 г. – старший преподаватель кафедры зоологии 1967 г. – и. о. доцента кафедры зоологии. 1969 г. – доцент кафедры зоологии. 2003 – доцент кафедры зоологии и ВВС. 2003 – 2007 гг. – доцент кафедры зоологии и экологии. С 2007 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Родилась Зоя Григорьевна 10 мая 1932 года в Тверской области в городе Вышний Волочек. В 9 лет маленькая Зоя встретила Великую Отечественную войну. Во время нашей беседы было видно, что вспоминать о том времени Зое Григорьевне было неприятно. Брат Зои вырыл блиндаж, куда пряталась вся семья во время бомбежки. В войну ее семья голодала, ловили только в речке мальков и варили из них суп или жарили. Уже с 9 лет она помогала военным, с другими детьми собирала лебеду (сорняк), из которой варили еду, и несла в столовую. Добровольно, естественно, никто ей не платил за труд. Никто бы и не подумал просить за это деньги, все, от мала до велика, помогали солдатам бороться с врагом. Зимой вязали варежки и носки из расщепленных своих вещей. Все складывали в посыпочку, на ней писали записочку, рисовали сердечко и отправляли в воинскую часть.

В школе, а потом и в институте она занималась спортом – коньки и велосипед. К тому же Зоя Григорьевна была чемпионкой Тверской области! Еще в школе юная Зоя тяготела к преподавательской деятельности, с 6 класса она уже была куратором младших классов. Так продолжалось вплоть до института. Именно поэтому Зоя Вербианова поступила в учительский институт. В институте она продолжала заниматься спортом и музыкой, училась играть на аккордеоне. После окончания института она поехала преподавать в школу на Дальний Восток

¹ Интервью брали Онучина Юлия Александровна и Вохмина Ксения Петровна, студентки 3 курса исторического факультета

в город Хабаровск. Поездка была не такой комфортной, как сейчас, в плацкарте спали на боковушках по несколько человек: двое внизу, один наверху.

В Хабаровске она преподавала биологию, географию и физкультуру. Зоя Григорьевна всегда любила преподавать и всегда любила школьников и студентов. И что самое прекрасное, ученики и студенты отвечали ей тем же! Это видно из ее отзывов об учениках, которых она учила в Хабаровске. Зоя Григорьевна с любовью вспоминает то время и тех людей, дети были послушные, относились к ней с уважением. И Зоя Григорьевна все делала для учеников и их обучения. Она вкладывала в них все свои силы! Нам очень понравилась одна история. В то время, когда не было спортивного инвентаря, молодая учительница Зоя Григорьевна шла по лесу (дело было зимой) и нашла овраг со снегом, проверила его безопасность. И уже в следующий раз она пришла туда с детьми, там они устроили «прыжки с парашютом»! Дети разбегались и прыгали прямо в этот овраг со снегом! Дети двигались и преодолевали свой страх.

Когда Зоя Григорьевна рассказывала нам о природе, мы видели теплоту и нежность, с которыми она относится к природе. До сих пор она ходит на природу, да не просто ходит, а наблюдает... Наблюдает за деревьями, животными, за всем живым, что нас окружает. Она наслаждается, наполняет себя положительными эмоциями. Никогда не пройдет мимо воды, по возможности она обливается, а зимой даже купается в проруби! Эта хорошая привычка сохранилась у нее и до сегодняшнего дня, а ведь этой женщине уже 80 лет. Нельзя не восторгаться этим человеком!

После Хабаровска Зоя Григорьевна переехала в Спасск Дальний, где она преподавала в медицинском училище. Студенты были своеобразные, но относились они к Зое Григорьевне с уважением и до сих пор помнят своего преподавателя.

В 1956 году Вербианова Зоя Григорьевна переехала в Красноярск, и с тех пор началась ее работа в нашем университете на кафедре зоологии. Работала она с большим удовольствием и любовью к студентам. Двадцать лет она была куратором групп, отношения со студентами были прекрасные, связь с ними

сохраняется до сих пор. Зоя Григорьевна и сейчас встречается с людьми, куратором которых она была. Преподавателем она была строгим и требовательным, но справедливым, и студенты на нее не обижались. Но, по мнению Зои Григорьевны, в последнее время студент стал другой, пропал интерес к учебе. Кроме того, ее расстраивает форма проверки знаний, которая существует в наше время, а именно – тесты. Ведь они не отражают реальный уровень знаний. Устный экзамен развивает речь студента, учит правильно и логично говорить, а письменные тесты этому не способствуют.

Зоя Григорьевна не любит, когда о прошлой эпохе говорят плохо, было и много хорошего. Она считает, что образование во время СССР было на высоком уровне, что нельзя сказать об образовании в современной России. Тогда каждый человек читал, читающего человека можно было встретить и на остановке, и в автобусе. К тому же, отношение к труду было другим, и Зоя Григорьевна хотела бы, чтобы отношение, которое было, вернулось к нам. Но время идет, одно десятилетие сменяет другое, прошлое – это прошлое, а сейчас уже другое время.

В нашем университете Зоя Григорьевна проработала ровно 50 лет, и сейчас она находится на пенсии. Однако до сих пор она любит студентов и желает им никогда не унывать, использовать все возможности, чтобы овладеть своей профессией, постараться быть здоровыми, заниматься спортом и, наконец, любить природу и людей.

Зоя Григорьевна – приятный человек с очень интересной жизнью. Она очень любит людей, каждый человек представляет для нее интерес. У нее очень много друзей. В этой женщине нет злобы и зависти. Нам очень понравилось общаться с этим человеком, и на самом деле хочется, чтобы таких людей, как Зоя Григорьевна Вербианова, было больше на свете.

ВОЙЛОШНИКОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА¹

Дата рождения: 17.12.1943 г. С 1972 г. – старший преподаватель кафедры зарубежной литературы. Март – май 1985 г. – и. о. зав. кафедрой зарубежной литературы. С ноября 1985 г. – доцент кафедры зарубежной литературы. 1993 г. – доцент кафедры русской литературы. С 1994 – доцент кафедры зарубежной литературы. С 2009 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Родилась Валентина Ивановна 17 декабря 1942 года в г. Красноярске. Училась в 10 школе г. Красноярска. Любимыми предметами были литература и история, в первую очередь благодаря ярким и талантливым педагогам. Учительница литературы Галина Никифоровна Дукалина была яркой, красивой и очень увлекающейся, во многом именно она привила любовь к литературе. Не менее интересными были преподаватели по истории: Иван Филиппович Беляк и Валентина Никитична Макова, талантливые педагоги, увлеченные своим предметом и умевшие передать её детям. Большую роль сыграла и богатая домашняя библиотека, в которой было множество трудов по истории, поскольку собирали её отец, закончивший в 1929 году отделение экономики и истории Пермского университета.

Вопрос о том, куда поступать после окончания школы решился легко. Отец – Иван Андреевич Ушаков был директором первого рабфака при педагогическом институте, а определиться с факультетом помогла любовь к истории и литературе – Валентина Ивановна поступила на историко-филологический факультет, где училась с 1961 по 1965 год. Факультет был богат яркими преподавателями, сочетавшими дар педагога и талант исследователя. Из преподавателей литературы более всего запомнились Нина Александровна Самойлова, заведующая кафедрой литературы, и Раиса Абрамовна Сонькина, читавшая курс литературы XIX века.

¹ Интервью провела Ильерова Мария Сергеевна, студентка 3 курса исторического факультета.

Обе они были яркими личностями и умели заинтересовать в своем предмете. Большую роль сыграла Валентина Никаноровна Рогова, под руководством которой Валентина Ивановна писала дипломную работу по русским говорам и во время учебы два раза в год ездила собирать материалы в с. Шушенское.

Отдельно стоит сказать о преподавателях-историках. Запомнилась Людмила Венедиктовна Болтинская – строгая, эрудированная преподавательница, требовавшая от студентов настоящего знания материала. Её требовательность и стремление научить студентов как можно большему очень помогли впоследствии при изучении античной литературы, ведь после её семинаров те же труды Гесиода студенты знали назубок! Сложно было не только учиться, но и сдавать экзамен по древнему миру, зачастую последние студенты покидали аудиторию заполночь – беседовала с каждым Людмила Венедиктовна основательно.

Очень интересными были лекции Павла Николаевича Павлова, читавшего историю СССР. Он был достаточно строгим педагогом, и студенты боялись сдавать ему экзамен. Ии вот накануне Валентина Ивановна по своей студенческой традиции ровно в двенадцать отложила все книги и отправилась спать. Приснился ей экзамен и билет по реформам Петра I. Проснувшись наутро она повторила этот билет и … вытянула его на экзамене. Павел Николаевич был удивлен блестящим ответом студентки.

Помимо учебы было много интересного. Заполнились выезды в колхоз: работали в д. Глядень Назаровского района, помогали в уборочную кампанию. Молодость и задор студентов помогали сглаживать условия проживания – ведь жили на конюшнях, но это нисколько не мешало обычной студенческой жизни с её горестями и радостями. Стоит отметить, что в те годы студентов было мало и жили все словно одна большая дружная семья в атмосфере взаимопомощи.

Удалось Валентине Ивановне во время учебы и поработать – она была вожатой в детском лагере. Вернувшись осенью на учебу, она пришла к тогдашнему декану факультета Людмиле Александровне Шаферовой и сказала, что собирается уйти с факультета, настолько был силен контраст между легкой и непринужденной атмосферой детского лагеря и строгостью, царившей на

факультете. Людмила Александровна ответила: «Сядь, я сейчас покажу как «ухожу»! и Валентина Ивановна осталась на факультете, о чем ни капли не жалеет.

Отдельный интерес представляла практика. Её Валентина Ивановна проходила в первом интернате на ул. Ломоносова под руководством Владимира Петровича Синякова и Елены Петровны Умновой, которые сумели привить любовь к детям. Дети в интернате были трудные, у большинства не было родителей, но это не мешало дружному педагогическому коллективу прививать им важнейшие истины и знания. Однажды произошел забавный случай: на урок пришла методист Елена Сергеевна Сокоргина, смотрит, а дети и после звонка сидят на своих местах. Удивилась тому, как они увлечены предметом, а оказалось ... что мальчишки связали стулья между собой тонкой ниткой и никто попросту не может встать. Но несмотря на детские шалости, с ребятами было очень интересно работать, это был ценный педагогический опыт. Дети живо откликались на литературу, делали стенгазеты и, если тема урока их очень интересовала, зачастую оставались и после звонка.

После окончания в 1965 году института Валентину Ивановну в числе нескольких молодых специалистов направили на обучение в аспирантуру в Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской. Учиться там было всё равно, что попасть в сказку. Занятия вели те преподаватели, о которых до этого знали по их научным трудам, настоящие специалисты своего дела, талантливые исследователи. Научным руководителем Валентины Ивановны был Анатолий Волков, доктор наук, исследователь творчества Бунина. Среди преподавателей были такие величины, как Владимир Родионович Щербина, – председатель ВАК, директор института мировой литературы. Темой кандидатской диссертации Валентина Ивановна выбрала творчество Сергея Венедиктовича Сартакова, с которым неоднократно встречалась и после окончания аспирантуры долго переписывалась.

Окончив аспирантуру, Валентина Ивановна вернулась на родной факультет, но уже в качестве преподавателя. С теплотой она отзывается о сложившемся

крепком преподавательском коллективе и о добрых отношениях со студентами. На протяжении 44 лет работы она была близка со студентами, руководила курсом, была куратором групп. Первая встреча со студентами была ещё на I курсе, когда Валентина Ивановна читала лекции по теории литературы и на протяжении всех пяти лет обучения читала лекции, вела семинары, проводила спецкурсы. Из-за частой смены преподавателей (кто-то уезжал в аспирантуру, кто-то в другие университеты на время) часто менялись и читаемые курсы, и Валентина Ивановна читала студентам множество предметов, начиная от народного творчества и фольклора, заканчивая детской литературой и спецсеминарами по советской литературе. Был создан уникальный спецкурс по современному историческому роману, который в своё время предполагалось читать на историческом факультете.

На факультете было множество ярких студентов, которых сегодня можно встретить работающими в самых различных областях – от политики до преподавания. Одной из лучших студенток была Наталья Перова, работающая сегодня в школе и представляющая собой образец выпускницы факультета: образованная, яркая, прирожденная исследовательница умеющая вызвать в учениках интерес к своему предмету. До сих пор студенты звонят Валентине Ивановне, часто встречаются, поскольку она сопровождала их своими мудрыми наставлениями и потрясающими лекциями на протяжении всех лет обучения.

ВОРОБЬЕВ ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ¹

Дата рождения: 12.06.1938 г. С 1973 г. – старший преподаватель кафедры истории. 1976 г. – защита кандидатской диссертации (к.и.н.). С 1975 по 1983 год – декан исторического факультета
С февраля 1977 – старший преподаватель кафедры истории. С июля 1977 доцент кафедры истории. В 1983 – 1985 гг. – зав. кафедрой всеобщей истории. С 1988 – доцент кафедры всеобщей истории. С 2010

¹ Воспоминания записали Гурьева Алена Александровна и Кукинова Алена Игоревна студентки 3 курса исторического факультета.

– на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.
Правительственные награды: 2003 г. – Почетная грамота
Законодательного Собрания края. 2009 г. – «Отличник народного
просвещения».

Родился я 12 июня 1938 года, за три года до начала войны, в городе Саратове, но родиной, в том понимании, когда я осознал себя, первые человеческие впечатления получил, почувствовал Барнаул, когда мы туда переехали. До трех лет я ничего не помню. Мама была учительницей русского языка и литературы, отец юристом. На работу их послали в Барнаул. Там я прожил 8 лет.

В Барнауле жили на улице Партизанской, 164. Это был двухэтажный дом, бревенчатый, многоквартирный. В нашем крыле было 4 квартиры. Примерно было квартир 16 – 18. Туалетов не было. Канализации не было. Был большой двор, и удобства были в глубине двора. До воды ходили (на мой взгляд, я маленький был) чёрт-е куда. Колонки во дворе не было. За водой ходили на стационарное устройство, там сидел человек, к нему подходили, и он включал воду. Как носили воду: наша улица была сплошной песок, грязи у нас не было, был сплошной песок, улица шла прямо, потом она опускалась и снова поднималась вверх. Низина на улице во время дождя заливалась водой. Были роскошные лужи. Для нас пацанов развлечение было пускать кораблики, бродить по лужам. А когда она высыхала, было своеобразное место, там мальчишки играли в футбол. Как раз под окнами нашего двухэтажного дома. Ворота были из кирпичей. Яркое такое воспоминание. Во время одной из игр погиб мальчишка, то есть он был вратарем, он нагнулся, подобрал мяч и то ли он ударился о колено, то ли его ударили коленом в висок, его отвели домой и вскоре он умер.

Что еще, напротив дома было (мы ее называли ИндУстрия) какое-то промышленное предприятие, что оно производило, я не знаю, единственное – во время войны я видел, как из него вывезли длинные брички для армии, что меня поразило, у них колеса не крутились. Тащили так, волоком.

Дальше уже война. Самой войны я не помню, весь драматизм войны я не воспринимал всерьез. Я был ребенком, мне было «по кочану». До сих пор

вспоминается конечно быт. Сразу отключили свет. Помню, зимой в комнате (а комнаты были довольно большие) темень, за окнами темень. За окнами стоял репродуктор и из него исходила тревога, что говорили, я не помню. Но я понимал, что оттуда исходила какая-то тревога. Отчетливо помню, темень, репродуктор, тревога. Отец ушел в армию юристом. У него был физический недостаток – одна нога короче другой. Его вызвали в райком партии и сказали, что надо на фронт, он сказал: «Ну раз надо, так надо». И мы остались с матерью. Мать интеллигентная женщина, ничего делать не умеет. И почему то у нас не было лампы, у соседей была, а у нас не было. В то время их уже было не достать.

Мама работала учителем и брала на дом проверять тетради. Зимой садилась напротив печки, открывала заслонку и проверяла, в остальных местах пользовались лучиной, например, за столом. Потом кто-то из знакомых мужиков сделал нам светильник. Это была металлическая коробочка, в ней было три отверстия, три фитилька, а внутри был керосин, – ах, люстра!… Можно было читать уже, и так далее. У нас не было крючка на двери с внутренней стороны, снаружи был навесной замок. А в то время воровство уже было вовсю развито. Как же закрываться? Дальше двери стоял кухонный столик, за ним стояла моя кровать. Была палка, одним концом она упиралась в дверь, другим концом она упиралась в стол. Однажды мне наскучило весь день сидеть дома, и я ушел. Дверь закрыл и палка упала. Когда пришла мать дверь оказалась заперта, пришлось звать мужиков, они надавили на дверь и скинули палку.

Я не могу сказать, что я голодал, что это было несчастье, трудно было с питанием, но несчастьем не было, мать покупала молоко, не литр, не стакан, а так называемый молочник. Было очень дорого. Часто вечерами она наливалась мне в блюдечко подсолнечное масло, я макал туда хлеб и ел, было очень вкусно.

Далеко не все, конечно, жили плохо во время войны, в нашем доме жила интеллигенция, а дальше по улице шли крепкие избы, с огородами, садами. Рядом с нами жила семья Жиронкиных, я в детстве дружил с их девочкой, муж у них работал в снабжении, естественно, подворовывал. Следующий дом, там был товарищ, дом у них был прекрасный, отличный был сад. Когда повзросел, лазил

туда через забор, однажды меня поймали, помню, что страшно было, от испуга кричал. С тех пор я никогда не покушался на чужой сад, потому что кричал я страшно, конечно, меня никто не тронул. У них почему-то была машина, но служебная. Хорошо помню, что это был американский военный Додж крытый – предмет роскоши. Иногда их отец нас катал, это доставляло огромное наслаждение.

Еще любопытные штрихи войны, как война сказывалась: как водили арестованных в суд или на место преступления. Поскольку все машины забрали для нужд войны, арестованных водили прямо по улице. На них не надевали наручники, поскольку это считалось признаком капитализма, руки им стягивали специальным кожаным ремешком, их водили по улице, причем не по тротуару, а прямо по дороге. Сзади, в шаге от него, шел офицер с наганом и со взведенным курком. Такое я видел довольно часто. Наш сосед был милиционером. Он покончил жизнь самоубийством, застрелился, потому что упустил опасного преступника. Как он у него убежал я не знаю. В то время за побег давали большой срок. Его сын Иван, видимо, был kleptomаном, он воровал. Причем мать его смертным боем била и наказывала, а он все равно воровал. Чем закончилась судьба сына, я не помню, наверное посадили.

Под нами жила семья с керосиновой лампой, естественно, керосина не было. Но можно было достать бензин, а как его лить в лампу, если он взрывается? И кто-то как-то рассчитал, что если в бензин всыпать соль, то он не взрывается, но иногда все же взрывался. Так вот, в этой семье жила девочка-школьница. Однажды она делала уроки и откинулась на стуле, прикрыв руками лицо, чтобы глаза отдохнули, а лампа у нее взорвалась, все руки у нее были обожжены и в осколках. Мать потом ставила свечи, мол, что боженька тебя спас.

А один раз был пожар. Дом-то деревянный. Дело было зимой, мы с мамой сидим, занимаемся каждый своим делом, ничего не слышим. Вдруг забегает соседка и кричит, что Романовы под нами горят, мама схватила меня, вещи с собой не брали, только накинули теплое на себя. На улице все кричали и били стекла, спасла эта самая «ИндУстрия», там была своя пожарная команда, через

дорогу.

Еще по нашей улице проходила дорога на кладбище. А хоронили тогда не так, как сейчас: шла целая процессия через весь город, все торжественно. Когда с оркестром, даже и для нас это было целое событие, потому что гробы везли в грузовиках, а на грузовиках были ступеньки, мы, как галчата, рассаживались на эти ступеньки и медленно ехали на кладбище. Тогда, конечно, это все не воспринималось трагично.

То, что касается одежды: летом форма одежды была – одни трусы. Было даже соревнование, кто раньше всех разденется весной и кто позже всех наденет ботинки осенью. Естественно, грязные, как черти, были все. Мать приходила с работы ставила меня в таз, держала и мыла, потому что весь был, как в саже. А потом я валился спать от усталости. Все время, что-то жевали во время прогулок, росло очень много конопли, и мы ее постоянно жевали. Никакой наркомании мы не знали. Жевали и паслен, он рос в огромных количествах. Ну и, естественно, совершали набеги на грядки и огороды, жевали зелень и огурцы. Грядки удобрялись навозом, и никто не думал о грязи и дизентерии, я не помню, чтобы я болел.

В общем, жили легко, непринужденно, ни о чем не заботясь. Зимой я ходил в детский сад, там я ничего не помню, кроме того, что, в общем-то, кормили нас неплохо. Единственное что меня расстраивало, так это вареная капуста, ее я не любил лет до 50, но в любом количестве обожал сырую.

Сейчас пытаются приравнять работников тыла к фронтовикам, и льготы и пенсии им, я считаю ни в коем случае нельзя этого делать. Барнаул – это глубокий тыл. Сейчас будучи взрослым, я думаю, какая несправедливость – там за тысячи километров погибают ежедневно тысячи людей, ранения, инвалидности, а в Барнауле – кинотеатр работает, мороженое, скверы, парки, молодежь веселится. Молодежь играла в лапту, мальчишки гоняли в футбол. Еще играли в бабки. Работали, безусловно, много. С нами жила двоюродная сестра матери, Нина Александровна, она работала на заводе по производству танковых моторов. И часто не возвращалась домой по неделе. Она была очень красивая, и по вечером

вокруг нее вилась масса парней (не всех призывали). И иногда она меня посыпала сказать, что ее нет дома.

В тылу жилось спокойно. Не было чувства страха. Однажды мама повела меня на фильм о блокадном Ленинграде, показать все ужасы войны. Ну а что я? Я мечтал полазать по руинам и заброшенным машинам, которые показывались в фильме, никакого драматизма я не ухватил. В день Победы мама повела меня на вокзал встречать эшелоны с войны. Эшелоны приходили ночью. Ничего кроме огромной кричащей толпы, я не увидел. Эшелонов было много. Я любил ходить на вокзал. Однажды я видел, как солдаты держали огромную трофейную куклу, самое интересное было, что кукла отдавала честь и кланялась.

Отец одно время служил в Красноярске, и мы ездили из Барнаула в Красноярск. Однажды мы приехали к нему, поезд прибыл ночью, и мы долго шли вдоль Енисея. Жили мы в гостинице Енисей, возле театра имени Пушкина. Однажды отец приезжал к нам в Барнаул в отпуск, тогда началась хорошая жизнь, он привез американские консервы, они стояли у меня стопочкой под кроватью. Потом отца в перебросили в действующую армию, в Норвегию. Затем перевели на Дальний Восток на войну с Японией. После войны с Японией отец жил в Уссурийске, и мы переехали к нему. Там стоял штаб армии, в котором он служил. Дальше детство уже было обеспеченным, отец был майором, получал офицерский паек. После войны солдатам и офицерам, покидавшим фронт, разрешалось взять с собой определенное количество трофеев. Я был в домах генералов, там повсюду была трофейная роскошь, жены ходили в дорогих халатах.

Что я могу сказать про школьные годы? Никаких ярких воспоминаний у меня не осталось. Кроме одного случая. Мне тяжело давалась математика, а по гуманитарным предметам учился я хорошо. Даже если я хорошо учил урок, то не мог выйти и рассказать, не мог морально себя пересилить. В 6 классе я сам, добровольно, остался на второй год. Зато через год закончил его с благодарственным письмом. В то время я уже научился разбираться в себе. Затем, 7 класс закончил так себе, с тройками и четверками, а в восьмом завалился.

В 53-м году я бросил школу, отец в то время был уже полковником, и жили

мы в Москве.

У меня никогда не было ярко выраженного таланта, как у многих моих сверстников: кто играл на трубе, кто то занимался спортом. Я пробовал все, но ничего не вышло, но я знал, что не боюсь черной работы и в 18 лет я поехал осваивать Сибирь и Дальний Восток. Мать очень сильно плакала. Я собирался в Магадан, но отец сказал: «Нет». Тогда я поехал в Норильск. Все было очень хорошо организовано, нас хорошо материально обеспечивали, везли эшелонами, давали подъемные. В Красноярске нас высадили и подогнали пароход «Александр Матросов».

В Норильске я попал на стройку. Это были самые счастливые годы моей жизни. На стройке я работал землекопом-бетонщиком, техники не было никакой и мы все делали с помощью тачек. Тогда я думал, что определился в жизни и испытывал по этому поводу огромное счастье. Платили хорошо, в свой первый отпуск я поехал в 20 лет, и на книжке у меня было 20.000. Платили нам по 300–350 рублей, в то время как секретарь ЦК КПСС получал 400. Пришли уверенность и спокойствие. Там же я закончил школу рабочей молодежи, все-таки давала о себе знать интеллигентная закваска.

В армию меня не взяли из-за ранней близорукости, очки я не носил, поэтому она прогрессировала. В то время парень в очках считался альбиносом и белой вороной, каждый считал своим долгом ткнуть и указать, приходилось драться. Даже поэтому очки я не носил, переломал их бесчисленное количество, благо отец был военный, и достать очки было не проблемой. Когда же отец привел меня к врачу, зрение уже было –7. Это было еще в 16 лет до Норильска. Врач, когда проверил зрение, сказал: «Носи очки, как штаны! Снимать только ночью». Когда я надел очки, меня охватили два чувства: первое – это жуткий стыд и смущение, а второе – блаженство, каждая травинка, каждая трещинка были мне теперь видны.

Любил ли я читать? Читал я очень много. Читал я в основном классику; Тургенева, Толстого, Достоевского прочитал значительно позже. Очень любил читать про войну и имел большую тягу к военным вопросам. Бредилвойной,

рисовал про войну. Мы были действительно читающей нацией, читали все. Не стыдно было прийти на день рождения и подарить книгу.

В 22 года я четко определился с выбором профессии, поступил я на историко-филологический факультет Красноярского пединститута. Учился с наслаждением. Закончил институт и далее жизнь была связана с истфаком.

Что не нравится? Что я ненавижу? Это «халяву».

В бытность мою работы деканом исторического «халява» не проходила. Уж ректорат рвал и метал. Как же так, – говорили мне, – у Вас по 6–7 человек неуспевающих... На ректоратах деканы вставали, вдохновенно врали, что у них успеваемость 98–99 %... А тут встает декан вроде меня и докладывает, что у него успеваемость 85 % – измена Родине, агент ЦРУ. Вот какая была атмосфера. А мы марку держали, поэтому выпускали... ничего выпускали ребят. Не говорю, что это были все гении, но это были люди, как сказал один известный человек, люди, способные учиться. И брали их нарасхват: в КГБ, профсоюзы... Скандалы были, в школы некого было отправлять. А остальных разбирали всех сразу. И была даже однажды ситуация, это мне потом рассказывала Ю.К. Петухова, а ей студентка рассказывала: «Я пошла устраиваться на работу, меня расспрашивали: «Что Вы заканчивали?». Я заканчивала исторический факультет. Ну, что Вы время тратите, так с этого и надо было начинать!».

А мне парень рассказывал – он был троешник. Его тоже спросили: «Что заканчивал?» «Исторический факультет», ответил. И все на него посмотрели с уважением. Нужно привести более яркий пример. В университете, нашем, красноярском «классическом», не было истфака, и считалось, что все историки – трепачи. Даже такое было выражение: «У историков не точка зрения, а кочка зрения». И вдруг ректору Соколовскому (он был ректором тогда) захотелось иметь у себя исторический факультет. Он не стал долго думать и решил наше отделение от пединститута пристегнуть к университету (ныне СФУ – ред.). Многим, конечно, хотелось, лестно в университете быть. Так вот, было бурное партийное собрание институтское, по этому поводу решался вопрос. И выступил глава краевого отдела народного образования и сказал: «Если вы пристегнете исторический факультет

пединститута к университету, я буду жаловаться в ЦК. Меня выпускники университета совершенно не интересуют, но выпускники исторического факультета мне очень даже нужны».

Вот такое было. Этот период был лет восемь. Была была такая атмосфера, что исключали независимо от происхождения родителей. Я и Кангун, мы тогда в деканате работали, приходили в группу и говорили: «Ребята, вот такой-то итог, ваши такие-то, – на исключение за неуспеваемость. Ваше мнение?». Настолько был высокий уровень доверия, что нам говорили прямо: «Вот этого можете исключать, он ничего не делает, а вот эту оставьте, она старается». И мы никогда против этого не шли.

А дальше провал начался, как я считаю, образования. Тогда, когда начали брать по конкурсу, когда стали разрешать брать за деньги, начался обвал. Потому что эти люди в массе свой никогда бы и не пошли в институт. Они понимали, что это не их дело, но их стали принимать. И поскольку пошли большие деньги, это были уже не такие люди, когда я поступал. Стали и квоту постоянно увеличивать… А потом пошло…

И однажды набрали 175 человек и я поставил 65 «двоек» на экзамене. Половину из них я в глаза не видел, не было посещаемости на лекциях. Страшно… Сегодня компьютеры есть, все условия есть, но сама по себе атмосфера стала другой…

Высочайший уровень требовательности и бескомпромиссности начался у нас значительно раньше, с Л.В. Болтинской. Она никого не боялась. У нее успеваемость была 85%, 3 вопроса в билете, на сдаче экзамена – 45 минут с каждым человеком. Поэтому ей всегда деканы делили группу на подгруппы. В моей группе, когда я ей сдавал, только я получил «отлично». Она и то сказала: «Из уважения к вашей работе на семинарах». А я же учился с наслаждением, я все исполнял. И думаете, на нее злобились? Знаете, это удивительно, как ее уважали. Хотя ректорат тряслось от злости. Однажды ректорат интересную провел проверку «А какой из преподавателей вуза самый популярный среди первокурсников по институту?» на каждом факультете провели опрос. Так вот когда подвели итог, ахнули. в масштабах всего института наивысший рейтинг был у Людмилы Венидиктовны Болтинской. Ректор: «Если все будут принимать, как она, институт закроют». Сейчас, к сожалению, на всех уровнях

высшее образование – это халява.

Второе – это когда стали создавать филиалы. Ужас... Сейчас еще узаконили дистанционное образование, а это вообще халява... Об этом говорят все прямо, в газетах пишут. Я не сказал ничего криминального, все об этом уже всё знают. Если не проведут какой-то структурной перестройки, а никакой перестройки.

Я все-таки был деканом факультета 8 лет. Я сделал совершенно все по-другому, я дал людям возможность свободно работать именно с совестью. Вот вступительные экзамены – ставьте то, что зарабатывают, я беру на себя всю ответственность. И вот прикрыв всех собой, я дал людям возможность работать, и поэтому большая часть заведомых «двоешников» не попадала. Также и на экзаменах. И поэтому те, кого мы выпускали, – это были уже люди.

А я сам учился в аспирантуре в Ленинграде и я знаю, что там творилось, как профессура боится студентов. Был на стажировке в Ленинградском университете, я ходил к преподавателю 3 месяца на лекции, настоящему крупному ученому, не буду называть фамилию. Посмотрел, из 100 человек к нему ходило только 35. Я не уверен, что это одни и те же...

А.И. Панкратов часто говорил мне: «Славка, как тебя студенты терпят?».

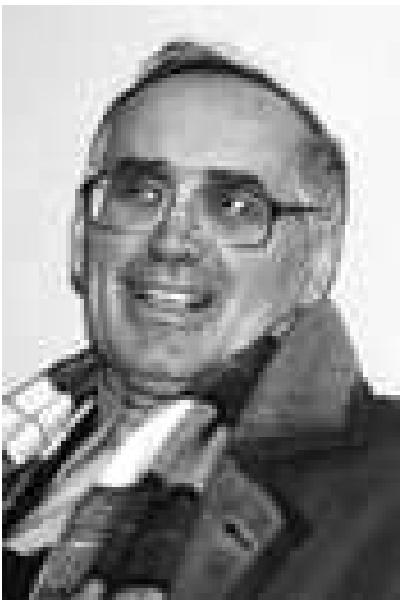
А я всем советую, кто заканчивали московские вузы, не трепаться, что «окончили Москву», я знаю, что у вас там делается. Поэтому в последнем обзоре о лучших институтах, – ни один российский институт в этот список не попал. Все кричат, все стонут, но не хватает духа признаться...

За все 40 лет я не поставил ни одной оценки по блату. И с обманом я боролся. Придет студент, сядет, я ему деликатно: «Поднимите волосы, покажите уши» (технологии эти недавно пошли). Или, сдаст блестяще, а я ему после серии вопросов ..., – ноль. Вот если бы так делали, даже миллиардных вложений не надо было бы. Но тогда могут быть протесты. Страх от преподавателя, ректора и до правительства. Моя философия, – вот уровень, или уходи. Вот по способности: «5, 4 и 3». Каждому нужно пройти свой путь. Те, кто проходил в вуз за деньги, расти не собирались.

Вещь была простая, – я жестко требовал. Как меня ненавидели! Я нарушал денежные потоки. Была еспощадная борьба с жульничеством. Зато какое

удовольствие доставляло это честным ребятам! Эта жесткая борьба против всякого жулья и создавала стимул. До сих пор считаю, что эта работа была направлена на то, чтобы спасти тех, кто может учиться, у кого есть божья искра, совесть и способности. Вот кого надо спасать...

Каждый свой курс я начинал так: «Ребята, предупреждаю заранее, оценки зарабатывать будете сами, все у кого мамы, папы начальники, руководители, кто знает ректора, у кого есть связи с преподавателями, выбросите все из головы». Результат был прекрасным. От 47 до 54 % было на «4» и «5»...

Вот и вся механика. Везде человеческий фактор. Деградация, по моему мнению, мы просто загибаемся. Сейчас, – это еще и последствия ЕГЭ. Началось все с того ..., который сказал, что должна быть 100 % успеваемость в школах и везде. В наше время второгодничество было обычное дело. Так было, и это никого не корежило.

В 1987 году мне, в составе туристической группы из преподавателей, повезло побывать на Мальте. И нам там организовали встречу с директором школы. Я задал ему только один вопрос: «У Вас второгодники есть?». «Да, конечно». «Ну, и что?». «Больше 2 лет не держим, это бесполезно».

Безусловно, у всех разные способности... Вот начнем с заочников. Люди «в годах», трудно учиться. Поэтому как им помочь? Вопросов у меня мало, 28-29. «Кому плохо так учить, давайте сдавайте частями». Вот прибежала: «Я выучила 5 вопросов». «Из них я 2 Вам задам». Сдала на пятерку, за все пять. И дело у многих пошло. И они стали прибегать. А то некоторые годами не двигались из-за Новой истории. Была одна студентка, видимо недалеко жила или работала, так она прибегала в обеденный перерыв и все сдавала.

Студентам стационара, чтобы их поощрить, говорил: «Давайте так: ведь экзамен это не просто соревнование памяти, вы должны показать, что владеете материалом и можете его объяснить. Все, что читалось на лекции, вы учите, а придет на экзамен,

вытаскиваете билет, и если этот вопрос есть в билете, я вам даю 10 минут заново пролистать лекцию, но ничего не выписывать». Вот тоже борьба с жульничеством. Но начинаю обращать внимание, что те, кто сдают по лекции, сдают хуже, чем по учебнику. «Что за чертовщина?». «Понимаете, Вы нас провоцируете, вот вашим разрешением, мы ничего поделать с собой не можем, мы не учим». Пришлось отменить.

Н.И. Дроздов «приволок» из Томского университета традицию «Геродота», и, тогда вообще на факультете создавалась семейная обстановка... Для всего нашего образования, главное сейчас, спасти все лучшее. Если этого не сделать, все остальное, – труха».

ГОРБУНОВА ТАМАРА ВАРФОЛОМЕЕВНА¹

Дата рождения: 05.01.1938 г. С 1960 г. – лаборант кафедры физиологии животных Красноярского с/х института. В 1960–1962 гг. – лаборант кафедры ботаники КГПУ. 1962 – 1964 гг. – ассистент кафедры ботаники. 1964–1967 гг. – целевая аспирантура. 1967 г. – защита кандидатской диссертации. В 1967–1968 гг. – старший преподаватель кафедры ботаники. С 1968 по 1974 год – доцент кафедры ботаники. В 1977–1981 гг. – помощник декана биогеофака. С 1981 г. – доцент кафедры ботаники. С 1999 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Правительственные награды:

1976 г. – знак «Победитель социалистических соревнований»

1977 г. – грамота Крайкома профсоюза работников народного просвещения за организацию НИРС на факультете.

1988 г. – грамота Министерства просвещения СССР за успешную работу по подготовке педагогических кадров.

- Тамара Варфоломеевна, расскажите пожалуйста про свои детские годы, какие воспоминания у вас остались с того времени?

¹ Интервью взяли Тетерин Роман Николаевич и Ларин Артем Валерьевич, студенты 3 курса исторического факультета.

- Я родилась в многодетной семье. Мне было 3 года, когда отец ушел на фронт и не вернулся. Мама осталась с пятью детьми на руках. В 1955 году я закончила Балахтинскую среднюю школу.

- *А учителя? Ваше к ним отношение?*

- Нас учили прекрасные учителя: интеллигентные и строгие, но в то же время и добрые. Именно они определили выбор моей профессии – быть учителем. И ни разу за всю свою жизнь я не пожалела об этом выборе.

- *Какие отношения у вас складывались в школьном коллективе?*

- Теплые... хорошие, класс у нас был дружный.

- *Какую роль в то время в вашей жизни играла книга и какова роль чтения в период вашего школьного обучения?*

- Огромнейшее, ничто не дает таких глубоких знаний о предмете, как теснейшее знакомство с книгой. Поэтому библиотека занимала большое место как в школьной жизни, так и в дальнейшей жизни в институте.

- *Расскажите о вашей студенческой жизни: учеба, мероприятия, внеучебная деятельность, какое место занял институт в вашей жизни?*

- После окончания школы я поступила в Красноярский пединститут на естественно-химический факультет. Началось преодоление трудностей, препятствий. Жить приходилось только на стипендию, которая составляла тогда 22 рубля. Было трудно, часто посещали дешевую столовую с/х института. Тогда на столах в выставочных вазах лежал бесплатный хлеб, который можно было брать в любом количестве, а запах 3-копеечных пирожков с ливером дурманит до сих пор. Жизнь студенческая была очень активна. Учились либо с 14.00, либо с 8.00. Была возможность бесплатно посещать курсы по игре на пианино в Доме учителя. До занятий ходили в читальные залы. Посещали много концертов приезжих чтецов, студенческих постановок, различных выставок и т. д. Важное место занимали выезды на полевую практику, там мы сплотились со своей группой. Мы до сих пор периодически встречаемся, вспоминая прекрасные годы, наших великолепных педагогов.

- *Можете вспомнить каких-то отдельных преподавателей, которые вам*

особенно запомнились и лекции которых вы слушали с особым трепетом?

- Все лекции – это праздник. До сих пор скучаю по ним. А среди преподавателей, которые запомнились особенно, выделю А.И. Кравченко, Н.Г. Чернышевского, Е.В. Васильеву, Е.М. Юдину.

- *Расскажите о вашей дальнейшей работе в институте. С какими трудностями вам приходилось сталкиваться, какие научные проблемы затрагивали в процессе своей деятельности?*

- После окончания института стала работать лаборантом, а затем поступила в аспирантуру, которую закончила в 1967 году, защитив кандидатскую диссертацию. Длительное время работала замдекана, а после, в течение 6 лет, заведовала кафедрой ботаники. 12 лет уже не работаю. Но связь с факультетом не потеряла. В трудную минуту не раз помогали, поддерживали словом и делом.

- *Как вы охарактеризуете современного студента, изменился ли его облик по прошествии нескольких десятков лет?*

- Изменился ли облик? И да, и нет. Молодежь все так же стремится к знаниям, хочет познать мир, но сами студенты стали более разноплановыми – круг их заинтересованности увеличился: политика, международные отношения и т. д.

- *А каково ваше отношение к современной власти и политической обстановке в стране?*

- Положительное. Главное – стабильность и порядок. Та оппозиция, что ныне существует, не делает ничего хорошего, а лишь развращает умы молодежи.

- *Современная система образования: идеальна ли она или требует доработок?*

- Я резко отрицательно отношусь к системе ЕГЭ, которая на даёт качественных знаний школьникам, что в дальнейшем осложняет жизнь будущих студентов. Система образования в вузе стала более варьированная, разноплановая, что, несомненно, является большим плюсом.

- *Какие пожелания, наставления вы бы передали нынешним студентам, преподавателям?*

- Пожелаю, чтобы в душе каждого было много-много любви к жизни.

Вспоминая слова Александра Герцена: «Пейте чашу жизни, которую природа Вам так щедро протягивает. Она долго потчевать и предлагать не любит! Она берет чашу из ваших рук и передает в другие».

Здоровья Вам, успехов и удачи.

Пользуясь случаем, Тамара Варфоломеевна хотела бы выразить огромную признательность председателю Совета ветеранов нашего вуза – Захаровой Т. К., которая вносит неоценимый вклад в заботу о ветеранах.

ЗЕЙБЕРТ ГАЛИНА ФЕДОРОВНА¹

Дата рождения: 06.01.1944 г. 1968 г. – ассистент кафедры химии. С 1988 г. – старший преподаватель кафедры химии. 1987 г. – защита кандидатской диссертации в МХТИ им. Д.И. Менделеева. В 1992 году присвоено звание доцента. С 1994 г. – зам. декана факультета естествознания. С 1996 г. – доцент кафедры химии. С 2007 г. на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Правительственные награды:

1994 г. – знак «Отличник народного образования». 2002 г. – грамота губернатора Красноярского края. 2005 г. – грамота Министерства образования и науки Российской Федерации

Галина Федоровна Зейберт родилась 6 января 1944 г. в селе Краснотуранском Красноярского края. Семейное положение: муж Зейберт Арно Генрихович, работал преподавателем на факультете физвоспитания КГПИ. Имеют 2 сына.

Семья Брагиных (ее девичья фамилия): мать — Брагина Анфиса Ивановна, учительница в сельской школе, отец — Брагин Федор Андреевич, воевал на Финской войне, ветеран Великой Отечественной войны. Офицер Панфиловской дивизии, защищал Москву, затем воевал под Старой Русой. В 1943 г. был тяжело ранен (потерял руку) и был комиссован. После чего его отправили в Сибирь для работы в районах, где есть заводы и фабрики, в том числе и «сыро-молочные

¹ Интервью провели Ензак Аржаана Аранчиновна, Гаврилова Юлия Александровна, Чепрасов Сергей Валерьевич, студенты 3 курса исторического факультета.

заводы». Поселен на квартиру его будущей жены Анфисы Ивановны.

Детство. Ранние воспоминания

Учились в Городокской средней общеобразовательной политехнической школе (с. Городок, Минусинского района). Класс был маленьkim, учились семеро учеников (сейчас в живых остались только трое). В этом году этому классу празднует юбилей — 50 лет окончания школы. Была одна из прилежных, целеустремленных, любознательных учениц школы того времени. Увлекалась точными науками. Очень нравились такие предметы, как математика, биология, химия, физика и др. Кроме учебы, занималась всеми видами спорта, включая и гимнастику, была лучшей легкоатлеткой, также увлекалась театром, принимала участие в театральных спектаклях, любила читать художественную литературу, слушать разные истории про войну и т. д. Каждое лето на каникулах все дети работали в колхозах..., это было обязательно для всех.

В 1961 г. вышел Закон «Об 11-летнем образовании». Класс Галины Федоровны был первым выпуском этого 11-летнего выпуска. Школу закончила с отличием, с серебряной медалью. Любимыми учителями ее были учительница химии Кудрявых Елена Ефимовна, директор школы Салеков Николай Васильевич, которые повлияли на выбор ее будущей профессии. Свою профессию педагога она считает самой благородной, уважаемой, почитаемой.

Жизнь после школы, «годы студенчества»

В 1962 г. поступает на только что открытое естественно-химическое отделение биолого-географического факультета КГПИ.

По словам нашей респондентки ее студенческие годы — «очень интересный, веселый, трогательный период в жизни.....». Студенты того времени были очень способными, целеустремленными, трудолюбивыми. Занимались научной деятельностью, читали много книг, так как информационных ресурсов было мало по сравнению с сегодняшним днем. Их студенческий коллектив находил время и на загородные поездки в каждые выходные дни на Столбы, в студгородок. Одним словом, студенты того времени были очень энергичными и сплоченными. Уезжали в колхозы на работу и выступали со своей концертной программой.

Галина Федоровна участвовала в различных конференциях с докладами, принимала участие в научной деятельности института и т. д. Кроме учебной деятельности, она занималась художественной самодеятельностью: выступала в хоре, танцевала в группе «Жарки». Занималась спортом, так же как и в школе, участвовала в соревнованиях регионального значения (по волейболу, гимнастике, теннису и т. д.).

Трудовая деятельность

После окончания института, в 1968 г., Галину Федоровну оставили на кафедре химии на должности ассистента. С 1994 по 2007 гг. работала заместителем декана факультета естествознания. Преподавала органическую и биологическую химию. Выполнила научное исследование под руководством профессора Л.М. Горностаева. Кандидатские экзамены сдавала в техническом институте (Ленинградский совет) в Ленинграде. Защищила диссертацию в химико-техническом институте им. Д.И. Менделеева в Москве.

Галина Федоровна Зейберт участвовала в различных конференциях, в том числе и в работе конференций международного значения по своей области (например, «Юнеско» в симпозиуме «Синтез органических веществ). «Конференций было очень много, в которых я участвовала ..., так как государство оплачивало командировочные. Очень сложно было найти химические вещества в Красноярском научном центре, и мне приходилось каждый вторник, как на свою работу, уезжать в Новосибирск на исследования по моей теме, после чего и защитила свою диссертацию» — вспоминает она.

Опубликовала 46 работ. Среди них 3 авторских свидетельства на изобретения, 2 рационализаторских предложения. В настоящий день ее изобретения применяются в медуниверситете и на техзаводах.

По словам Галины Федоровны, «советская наука очень в хороших темпах развивалась, так как были все условия для занятия научными исследованиями, особенно в области естествознания. Давали всем командировочные для поездок в столицу, Ленинград, для ведения своей научной деятельности.

Насчет современной молодежи, я считаю, что пока есть возможность надо

учиться и еще раз учиться — есть все условия для образования, при этом есть легкий доступ ко всем ресурсам. Ведь будущее нашей страны в руках молодых специалистов».

КОЗУЛИНА ЕЛЕНА СТЕПАНОВНА¹

Дата рождения: 16.05.1923 г. В 1961 – 1963 гг. – старший преподаватель истории КПСС кафедры основ марксизма-ленинизма Красноярского политехнического института. С 1966 г. – доцент кафедры истории КПСС Красноярского политехнического института. С 1977 г. – доцент кафедры истории КПСС Красноярского государственного педагогического института. С 1988 г. – доцент кафедры истории КГПИ. С 1990 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Елена Степановна Козулина является одним из составителей Краевой «Книги памяти», которая была опубликована в 1994 году. Работа осуществлялась в течение трех лет. Всего насчитывается 11 книг. Они содержат информацию о погибших во время войны солдатах и офицерах Красноярска и районов.

Правительственные награды:

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Медаль «За трудовую доблесть» (дважды). Медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Медаль «За отличные успехи в высшей школе».

Я, Козулина Елена Степановна, родилась 16 мая 1923 года в селе Каргино Енисейского района. В семье было четверо детей. Родители были колхозниками. Младший брат Александр был участником Великой Отечественной войны. Был ранен. Лечился в Хабаровске. Затем служил на востоке страны. Вернулся домой в 1948 году.

С раннего детства я активно занималась общественной деятельностью: была пионеркой, комсомолкой, затем членом партии. Еще со школы захотела быть

¹ Интервью провели Юшкевич Юлия Сергеевна и Кузьмина Диана Олеговна, студентки 3 курса исторического факультета.

учительницей.

В 14 лет я поступила в Енисейское педагогическое училище по специальности «Учитель начальных классов². Училась в течение 3 лет. Единственная во всем педучилище была отличницей. В 15 лет приняли в комсомол. Стала членом комсомольской организации педучилища. Хорошоправлялась со своими обязанностями и была уверена, что нельзя сдавать позиции, продолжала отлично учиться. В 1940 году закончила обучение. В возрасте 17 лет получила предложение обучаться в Ленинградском педагогическом институте за счет государства, но отказалась, так как семья жила скромно и необходимо было помогать. Затем была направлена на работу в Енисейский детский дом. В течение года работала в детдоме. 18 июня 1941 года, за 4 дня до начала войны, получила отпуск и поехала отдохнуть в Каргино, на свою малую родину. Но отпуск не состоялся. Приказом советского руководства все отпуска были прекращены, люди возвращены к рабочим местам. В октябре 1941 года вступила в кандидаты партии, и сразу же райком партии направил на работу на машинотракторную станцию (МТС) в политотдел, который просуществовал до июня 1943 года и был ликвидирован.

Что касается комсомольской работы, то ездила по деревням: создавала комсомольские организации, принимала ребят в комсомол, готовила в армию. Дважды военком видел ее в работе, деятельность была замечена. И военкомат попросил ее на должность начальника II части, в которую я вступила в возрасте 20 лет. Выполняла обязанности бухгалтера, инспектора по обеспечению состава. Работать приходилось с раннего утра до глубокой ночи. И все-таки сердце тянуло на работу в детдом. С определенными трудностями Военком отпустил меня.

И вот снова работа в Енисейском детдоме, правда, в другом. Здесь приняли очень хорошо. Помню, как-то раз привезли множество детишек-калмыков, голеньких, в одних только шубках... вшивых. Вот затопили баню, а я их мою, стригу, мою, стригу. Нашла с детьми общий язык, они очень ее полюбили. И только все наладилось, как меня снова вызывают на новую работу: в ремесленное училище на должность заместителя директора по политчасти. Потом была

утверждена пропагандистом в райком комсомола в 1945 году. Проработала в течение месяца. Затем стала секретарем райкома.

В это время в Красноярске открылась партийная двухгодичная школа. Меня отправили учиться туда. Затем была работа в должности заведующей партийным кабинетом в Рыбинском районе в течение пяти лет. Наряду с учебой в партийной школе и работой в период с 1947 по 1953 гг. я заочно училась в КГПИ на историческом факультете по специальности «Учитель средней школы».

В 1957 году поступила в Академию общественных наук при ЦК КПСС в Москве на специальность «Международное коммунистическое и рабочее движение». В 1961 году защитила диссертацию по теме «Роль Коминтерна в борьбе против фашистской агрессии в Испании», для работы над которой необходимо было знание испанского языка. Изучила его. Так же знаю английский и немецкий язык, которые освоила еще в годы учебы в Красноярском государственном педагогическом институте. Одним из оппонентов на защите был племянник испанской коммунистки Долорес Ибаррури Гомес. 31 марта 1962 года получила степень кандидата исторических наук. Затем была распределена на работу в Международный отдел ЦК. Но и в Красноярске, чувствовала, была очень нужна своим. Подумав о том, что «не было бы Красноярской партийной организации, меня бы никто не послал учиться в Москву», я вернулась обратно.

Меня рассчитывали отправить в Норильск по распределению, но из-за семьи, двух маленьких дочек, отказалась. Первый раз отказалась парии... (шутит). Начала преподавать в политехническом институте. И вот – снова перемены. Поставлена на должность секретаря горкома партии. Работы было много. Семья практически меня не видела. Стала просить отпустить на другую работу, чтобы было больше свободного времени, которое я могла бы уделять семье. Снова вернулась в политехнический и проработала там около 13 лет. В этот период было присуждено звание доцента по кафедре истории рабочего и коммунистического движения.

С 1976 по 1990 год я преподавала в КГПИ на факультете иностранных языков, а также биологическом, географическом, историческом факультетах.

Резко сменилась аудитория, ведь в политехническом преобладали слушатели мужского пола, очень интересен был студентам предмет «История партий», а в педагогическом институте женский пол, признаюсь, совершенно равнодушно относился к данному предмету. Мне пришлось ломать мнение девочек в отношении своей дисциплины. И, как преподавателю, удалось. Я нашла способы, благодаря которым заинтересовала студенток. Рецепт прост. Человеческое отношение и индивидуальный подход сделали свое дело. И преподавать стало гораздо легче.

В течение трех лет была проректором филиала вечернего отделения университета марксизма-ленинизма на базе пединститута. Без заработной платы, на общественных началах. Это было хорошим делом, подспорьем для преподавателей различных вузов, которые повышали квалификацию и несли новые сведения и информацию своим студентам.

Общественная жизнь пединститута была разнообразной во времена преподавания. Вспоминаю, что хор на базе института под руководством Краверской совершал гастрольные туры в Прибалтику. Имели место и ярмарки прикладного искусства, сопровождавшиеся концертами художественной самодеятельности и торговлей поделками, вязаными и вышитыми вещицами.

Нынешнее руководство вуза считаю достаточно хорошим. Хочу отметить большую роль и энергию преподавателей в совместной научной деятельности со студентами. Очень хочется, чтобы КГПУ им. В.П. Астафьева процветал, чтобы государство не забывало о нем, ведь очень многое он дает студентам в плане учебных знаний и жизненных перспектив. Именно такие университеты, по моему мнению, должны развиваться.

Что касается моей точки зрения на события 90-х годов, то считаю, что хотя у коммунистической партии и была масса ошибок, но если бы она продолжала руководить страной, возможно, имел место бы другой путь развития. Никогда не отказывалась от идей партии, ведь я в течение 50 лет была ее пропагандистом и представителем. Но сейчас, убеждена, нет сильной личности на политической арене, которая бы смогла с великой долей альтруизма совершить перелом.

Современную программу компартии считаю неплохой, но единственный недостаток – отсутствие реализации идей на практике. Несмотря на это, продолжаю сохранять твердую веру в то, что положительные и позитивные моменты советского прошлого найдут свое отражение в реальности

История – это великое дело, Я не могу представить себя без истории. Ведь только зная прошлое, можно предвидеть будущее. История показывает, что было сделано ошибочно и дает возможность идти по иному пути. Никакая наука не мыслится вне истории, в любой науке есть история.

Говоря о вузе, по моему мнению, случайных людей в нашем педагогическом институте (т. е. университете – ред.) нет. Это люди, подающие надежду. Признаюсь, что очень любила и продолжаю любить студентов, молодежь.

Говоря о своем выборе профессии, я постоянно вспоминаю свою учительницу Глафиру Ивановну Корнилову. Она была дочерью купца. Я со школы старалась подражать ей во всем и чем дальше, тем больше понимала, что хочу в профессии быть похожей на своего учителя. Всю жизнь мне везло с учителями, преподавателями – они сделали из меня учительницу.

КРЫЛОВА АНЕЛЬ АНАТОЛЬЕВНА¹

Дата рождения: 14.01.1940 г. С 1968 г. – преподаватель кафедры иностранных языков КГПИ. С 1975 г. – старший преподаватель кафедры иностранных языков. С 1984 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

— Про семью и родственников я мало что могу рассказать... Лишь то, что я почти сирота. Отец, участник Великой Отечественной войны, погиб в 1941 году. Родилась я здесь, в г. Красноярске.

Оценка советской школы у меня очень высокая. Наш класс был достаточно

¹ Интервью взяли Терешина Анна Николаевна и Козлова Юлия Сергеевна, студентки 3 курса исторического факультета.

слабым, так как дисциплина была, мягко говоря, не очень хорошая. Уроки зачастую срывались, хотя в плане знаний наш класс был не самый худший. Вообще, именно мой класс произвёл на меня очень сильное впечатление. В будущем, когда я уже училась в институте, я боялась идти на школьную практику, боялась, что мне попадётся такой же класс, в плане дисциплины.

В перечне предметов на первом месте у меня стояла химия, и я думала, что в дальнейшем буду заниматься именно ей. А вот на втором месте стоял иностранный язык. Я очень любила читать, я всю жизнь читаю книги, хотя литературу я терпеть не могла. В большей степени из-за учителя. Бывает так, что класс с восторгом выходит из кабинета, если учитель умеет интересно и своеобразно подать свой материал. Но наш учитель был совершенно неэмоционален. Часто он просто зачитывал нам материал по абзацам. А в целом, у меня сложились очень хорошие впечатления об учителях. Одним из главных качеств у них было знание своего предмета. На уроке у нас, у учеников, и мысли не возникало, что учитель может чего-то не знать, на любой заданный вопрос всегда следовал точный и содержательный ответ. Ещё одно важное качество, которым должен обязательно обладать учитель, на мой взгляд, — это уважительное отношение к классу. Если дети будут видеть, что учитель относится к ним уважительно, то они тоже будут уважительно к нему относиться.

Я постоянно вспоминаю свою учительницу по иностранному языку. Она превосходно вела уроки, и что бы ни случилось в классе, какая бы дисциплина ни была на уроке, она никогда не позволяла себе ругаться и кричать. И самое удивительное то, что наш класс, с такой жуткой дисциплиной, никогда не срывал её уроки.

После школы я поступила в Красноярский педагогический институт на факультет иностранных языков, англо-немецкое отделение. В принципе, никто на мой выбор влияния не оказал, я ещё в школе выделяла этот предмет. Группа у нас была сильная, но очень разрозненная. Сейчас я, например, общаюсь только с двумя людьми из моей группы, а бывает, что даже в шестьдесят лет собираются большой гурьбой одногруппники... Так вот, у нас такого нет.

В институте мы всегда любили вечера. Там все очень весело проводили время. Сначала выступали с номерами самодеятельности, затем уже вечер продолжался танцами. Бывали даже разные казусы. Так, однажды на одном из таких вечеров парни выбили дверь из-за того, что их не пускали на мероприятие. Бывало всякое, но, в общем, всё проходило довольно спокойно и хорошо.

Ещё в институте я заведовала культурным сектором. И со стипендии я собирала в месяц с каждого студента из своей группы по 1 рублю. Затем шла и покупала на эти деньги всем билеты в театр и кино. Иногда даже хватало, чтобы сходить дважды.

Про общежитие я, к сожалению, ничего сказать не могу, так как была красноярская. Иногда я приходила туда, когда проходила курсы по повышению квалификации. Атмосфера там была благоприятная. Особенно в конце года, когда все комнаты уже были сформированы из студентов...

Одно могу сказать точно, отношения с физкультурой у студентов моего времени были почти такими же, как и у современных. Почти весь семестр мы не посещали физкультуру. И в итоге, когда мы приходили на последнее занятие, преподаватель устанавливал жёсткие требования к получению зачёта. Мы должны были пройти 5 км на лыжах. Это было очень трудным заданием, особенно для меня, я на лыжах стояла очень плохо с самого детства, да ещё и расстояние такое большое. В общем, многим из нас становилось плохо во время прохождения дистанции, возникало даже чувство тошноты. А преподаватель всё подгоняла и подгоняла нас вперёд.

После окончания института я попала по распределению в Курагино. Именно там началась моя трудовая деятельность. Школа там была очень хорошая, дисциплина у детей отменная. В ней мне нужно было отработать 3 года. Каждые каникулы я ездила домой. Только вот вовремя вернуться на работу у меня не получалось, всегда опаздывала на три дня. Раньше в Курагино добирались на самолёте, точнее на обычном «кукурузнике», поэтому приехать в срок было проблематично. Любая непогода – и вылет отменяли. Всегда перед тем, как зайти в кабинет директора, мне было очень страшно. В конце концов мне предложили

перейти в школу г. Абакана.

В Абакане школа была совершенно иная, нежели в Курагино. Она находилась на окраине, и дети там учились разные. И здесь-то как раз мне и попался класс, похожий на мой. Дисциплина в нём оставляла желать лучшего. Был даже такой случай: когда я зашла в кабинет в начале урока, то увидела, что весь класс выстроился около моего стола, загораживая тем самым мне проход. Уговоры и угрозы мои на них не действовали. Тогда мне пришлось подойти и просто раскидывать их из этой кучи, брать руками за одежду и растаскивать. Но в результате я всё-таки смогла организовать дисциплину.

Затем я работала в Дудинке. Там меня определили в вечернюю школу. Я придерживалась достаточно демократичной манеры общения с учениками, не обращала внимания на многие их выходки, пока не поняла, что они сели мне на шею. После чего мне пришлось вновь восстанавливать дисциплину. Затем я уже поняла, что мне стоит вести себя с учениками строже.

Самые добрые, светлые и тёплые чувства у меня остались со времени работы в институте. Здесь я проработала 26 лет. Тогда деканом исторического факультета был Самуил Ильич Кангун. На факультете в те времена всё было идеально. Даже сейчас, до сих пор, факультет заботится о своих пенсионерах. Всегда приходят приглашения на разные встречи, банкеты, вручаются подарки в честь праздников. Так, хорошее отношение к историческому факультету у меня осталось до сегодняшнего дня.

Сейчас, к сожалению, учебный процесс ушёл на десятый план. Из-за демографической ямы в университетах стало частым явлением «натягивание троек» малоспособным студентам, только лишь бы они не отчислились. Да и отличники сейчас не все тянут на пятёрку. Раньше, в советское время, у студентов не было цели получить «автомат», чтобы не идти на экзамен. А сейчас многие студенты сдают все задания на пятёрки, получают автоматы, а реально знают материал на тройку.

Хотя, чего ещё следует ожидать от наших министров образования. Программы, доходящие порой до абсурда, говорят лишь о том, что в нашей стране

никто сейчас не думает об учебном процессе.

Хочется верить, что новое поколение всё-таки выберется из этого интеллектуального кризиса, вновь возникнет подъём интереса к знаниям, к изучению разных наук. И главное, хочется верить в то, что государство будет в этом заинтересовано и будет пытаться создать условия для успешного развития образования в России.

КУТАКОВА ЛЮДМИЛА ИОСИФОВНА¹

Дата рождения: 04.07.1931 г. С 1966 г. – ассистент кафедры химии. С 1970 г. – старший преподаватель кафедры химии. С 1974 г. – и. о. доцента кафедры химии. С 1983 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Родилась Людмила Иосифовна в городе Красноярске в 1931 году, в небольшой и небогатой семье. Отца Людмилы Иосифовны арестовали и обвинили в измене Родине, приговорив к расстрелу, когда девочке было всего 6 лет. Они остались втроём: Людмила Иосифовна, её мама и брат.

Жили они недалеко от кирпичного завода, куда в скором времени мама Людмилы Иосифовны устроилась на работу. Сначала её не хотели никуда брать, потому что считали женой врага народа. Наконец, в 1938 году, маму взяли на работу на кирпичный завод. Зимой она долбила помойки около заводского туалета, а летом работала на заводе укладчиком кирпичей. Женщины, работавшие вместе с ней недолюбливали её и сторонились, но, несмотря на это, мама Людмилы Иосифовны работала очень усердно и на неё впоследствии все равнялись.

Потом, когда началась война и немцы заняли Харьков, оттуда приехал Григорий Осипович, новый директор кирпичного завода. Людмила Иосифовна

¹ Воспоминания записали Лексикова Дарья Олеговна и Смирнова Дарья Александровна студентки 3 курса исторического факультета.

вспоминает его как добрейшей души человека, не давшего бедным женщинам и детям, оставшимся без мужей и отцов, погибнуть с голоду. Вскоре после своего приезда Григорий Осипович заметил усердную труженицу – маму Людмилы Иосифовны – и взял её работать в контору. Так, мама Людмилы Иосифовны от простой укладчицы постепенно дошла до должности главного бухгалтера кирпичного завода.

Шла война, продуктов было мало, люди голодали. Но новый директор оказался «не промах», и как только занял свою должность, организовал на кирпичном заводе цех по копчению рыбы, которую потом продавали сотрудникам завода. Летом стали варить патоку из сахарной свеклы. Потом открыли третий цех по производству керамики: делали крынки, горшки и продавали работникам. Люди ходили с этими крынками в деревню Кузнецовку и меняли их на продукты.

Людмила Иосифовна хорошо запомнила это, потому что сама, будучи маленькой девочкой, ходила с бабушкой в деревню пешком, пока мама была на работе. Девочке Люде вешали на плечи макитру; в деревне хозяйки-крестьянки её заполняли картошкой или квашеной капустой. А маленькой Люде всегда давали какой-нибудь гостинчик за то, что такой путь большой прошла. Ещё ребятня собирала с поля колоски, но оттуда прогоняли объездчики на конях. В общем, с приездом Григория Осиповича на кирпичный завод женщинам, работающим на нём, и их семьям стало жить сытнее.

В первый класс Людмила Иосифовна пошла всё здесь же, в Красноярске. В четырёхклассную школу недалеко от кирпичного завода. Первую учительницу помнит и любит до сих пор, звали её Мария Филипповна. Она вспоминает, что тетрадей тогда не было и мама набрала где-то листов в клеточку, из тетрадей по математике. Из этих листов и делали тетради. Любимыми предметами в школе были литература, математика и в старшей школе – химия и физика. Людмила Иосифовна 4 года проучилась в Красноярской школе. Затем 5 класс и полторы четверти 6 класса отучилась в Торгашинской школе. Но там не было учителя математики и мама Людмилы Иосифовны решила переехать в Ужур к знакомым. Там и жизнь была получше и посытнее. В 6 класс пришла в Ужуре, а т. к.

математику долго не изучала, стала отставать. Но ребята из класса помогли: оставались после занятий и подтягивали как могли. После этого математика у Людмилы Иосифовны стала любимым предметом. Конфликтов в классе у Людмилы Иосифовны никогда не было. Все одноклассники помнят друг друга и до сих пор общаются. Каждый год собираются на параде в честь Победы и на Новый год.

Правда, вспомнила Людмила Иосифовна один конфликт с преподавателем был у её класса, но вот из-за чего, уже не помнит. Школу закончила в 1949 году в Красноярске, куда вернулась после 7 класса.

Школьная жизнь у Людмилы Иосифовны была очень насыщенной. Была и в октябрьатах, и в пионерах, в 8 классе была пионервожатой, а в 10 — комсоргом класса. Состояла в комсомоле, перед вступлением туда все боялись, тряслись, как перед экзаменом, потому что задавали разные вопросы о политике. Помимо учёбы, в школьные годы постоянно ходили в театр — в пушкинский и в музкомедию. И с тех пор у Людмилы Иосифовны остался театральный бинокль, который ей подарили её друг.

Людмила Иосифовна любила очень много читать, и читает до сих пор. Особенно ей нравится поэзия, раньше очень много стихов знала наизусть. И сейчас у неё есть любимый поэт — Игорь Губерман. Впервые его стихи Людмила Иосифовна прочитала лет 5–6 назад. Его в 1979 году арестовали как политического преступника и дали пять лет тюрьмы с последующей высылкой, он отбывал ссылку сначала в Канске, потом в Красноярске. А после освобождения он с семьёй уехал в Израиль. Сейчас живёт в Москве, а в Израиль ездит в гости. Игорь Губерман пишет в основном юмористические стихи. Стоит только удивляться, насколько много знает о своём любимом поэте уже немолодая его поклонница.

Когда Людмиле Иосифовне было 6 лет, её отец говорил, что дочь будет учёной. Может быть, эти слова, а может, какая-то другая причина повлияли на то, что Людмила Иосифовна ещё до окончания школы решила пойти в пединститут. Но до самого окончания школы не могла определиться с факультетом. Хотела или

на физмат, или на естественно-научный факультет. И только когда пришла подавать документы, девушка принимавшая у Людмилы Иосифовны их, посоветовала ей идти на химика, т. к. сама была с этого факультета.

О своём факультете и университете у Людмилы Иосифовны остались самые светлые воспоминания. И сейчас, когда встречает своих знакомых студентов, то говорит: «Мы учились у таких преподавателей, каких сейчас нет». Всех своих преподавателей Людмила Иосифовна помнит поимённо. Училась Людмила Иосифовна на «отлично». Но на каждый экзамен шла, как на каторгу, очень боялась не сдать. Шпаргалками никогда не пользовалась, всегда учila сама. Но был один в её жизни случай. На экзамене по анатомии девочка-одногруппница кинула на стол Людмилы Иосифовны шпаргалку, хотела помочь, наверное. Но шпаргалка получилась очень уж большой и громко стукнула по столу, преподавательница это увидела и выгнала Людмилу Иосифовну с экзамена. Это была первая и единственная пересдача Людмилы Иосифовны.

В институте у Людмилы Иосифовны любимым предметом была химия, а вот биология немного «западала». На госэкзамене по биологии она ответила на «четыре» и преподаватель стал задавать дополнительные вопросы, чтобы вытянуть на «пять». Но Людмила Иосифовна отказалась отвечать, сказав, что не знает на «пять». Из-за этого случая Людмила Иосифовна не получила красный диплом. За что её потом сильно корили преподаватели, что лучшая студентка отказалась от красного диплома.

Также Людмила Иосифовна активно участвовала во всех общественных мероприятиях вне стен университета. Очень они с ребятами любили выезды на картошку, когда всех снимали с занятий и увозили копать картошку на колхозные поля. Группа у Людмилы Иосифовны была большая и дружная. При поступлении на химический факультет Людмилы Иосифовны конкурса не было, а на другие факультеты был. И тех, кто не прошёл по конкурсу на математический факультет, на географию, их всех зачислили на химический факультет. И в группу Людмилы Иосифовны набралось 63 человека. А так как очень многие не собирались учиться на химическом факультете, им было трудно, то они отчислялись. До конца

доучились, до госэкзаменов, только 38 человек.

Жила Людмила Иосифовна во время учёбы дома, но часто ночевала в общежитии. Так как в институт надо было ездить на другой берег, а мост ещё только строился и пассажиров перевозили на теплоходе, который ходил по расписанию.

Очень хорошо Людмила Иосифовна помнит с институтских лет практику: полевую и школьную. Полевую практику Людмила Иосифовна проходила на Бирюсе. Ребята жили в лагере, на природе, и собирали информацию о растущих там растениях, по которой потом писали работы. Школьную практику Людмила Иосифовна проходила в 11 женской школе в 6 классе. На IV курсе Людмила Иосифовна вышла замуж за юношу, с которым была знакома ещё со школьных лет. Впоследствии она родила двух сыновей.

После окончания института Людмила Иосифовна работала в 46-й мужской школе. А муж её ещё доучивался в технологическом институте. В то время студентку, у кого муж имел высшее образование или получал его, оставляли в городе, а не отправляли по направлению. Первый год работы был очень тяжёлый, Людмила Иосифовна нередко домой со слезами приходила. Потом стало полегче, Людмилу Иосифовну сделали классным руководителем. Она водила своих ребят на разные экскурсии, а те в благодарность учили её, как с ними лучше справляться. Когда Людмила Иосифовна довела своих ребят до восьмого класса, в школу пришли девочки, она стала общей. Забот прибавилось, но Людмила Иосифовна уже была во всеоружии, наработала кое-какой опыт.

После того как муж Людмилы Иосифовны закончил институт, его направили в Омск. Там не было ни жилья, ни работы для Людмилы Иосифовны. И один знакомый мужа помог им, разузнал, где требуются учителя, и молодая семья отправилась на барже в леспромхоз. На новом месте Людмила Иосифовна быстро нашла общий язык с людьми: и со своими учениками и с коллегами. После ликвидации леспромхоза Людмила Иосифовна с мужем ещё некоторое время работали там, а потом вернулись в Красноярск.

Но в городе Людмила Иосифовна долгое время не могла найти работу. И

случайно встретила декана своего химического факультета, который предложил Людмиле Иосифовне работать ассистенткой. Так, в 1966 году она начала работать в КГПИ; совмещала работу с учёбой, читала лекции для вечерников и писала диссертацию. Имела 6 нагрузок, кроме своих лекций. Впоследствии Людмила Иосифовна благополучно защитила диссертацию. В институте работала очень долго. Пока в 1983 году не пришлось уйти с работы по семейным обстоятельствам. Нашему университету Людмила Иосифовна желает процветания и дальнейшего развития.

ЛОПАТИНА ЗОЯ РОМАНОВНА¹

Дата рождения: 23.11.1929 г. В 1962 – 1967 гг. – ассистент кафедры французского языка МОПИ им. Н.К. Крупской. Февраль 1967 – август 1967 г. – ассистент кафедры французского языка Кемеровского государственного педагогического института. С 1967 по 1976 гг. – зав. кафедрой французской филологии Кемеровского государственного педагогического института. С 1976 г. – доцент кафедры французского языка КГПУ. В 1990 – 1993 гг. – и. о. зав. кафедры французского языка КГПУ. С 1993 г. – доцент кафедры французского языка. С 2007 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Правительственные награды:

Медаль «За освоение целинных и залежных земель».

Медаль «Ветеран труда».

Детство. Ранние воспоминания

Зоя Романовна Лопатина родилась 23 ноября 1929 года. Семья Лопатиных была большая: Лопатин Роман Георгиевич (1900–1986) и Лопатина (Зыкова) Пелагея Алексеевна (1899–1951) и три дочери.

Родители Зои Романовны были раскулачены в 1931 году без суда и следствия и высланы в тайгу, в трех километрах от деревни Стрелка. В том месте ширина Енисея достигает 3 км, а немного дальше течет приток Енисея – река Шар. На берегу этой реки, за лето 1931, был построен поселок, который впоследствии

¹ Интервью провели Кожанова Елизавета Альбертовна и Мартынец Наталья Александровна, студентки 3 курса исторического факультета.

получил название Ворогово. Там и прошли детство и юность Зои Романовны.

С точки зрения коммуникации, получить образование было достаточно сложно. В поселке была единственная школа – четырехлетняя, начальная. И закончив ее, с 5 класса Зоя Романовна ходила за 3 километра в неполную среднюю (семиклассную) школу деревни Стрелка. Затем продолжила обучение в районной школе села Ярцево, которая включала в себя 10 классов. Тут не обошлось без трудностей, потому что пришлось уехать из дома, где за счет своего хозяйства удавалось прокормиться. Шла война, с продовольствием были серьезные проблемы. И осенью не дали карточку на хлеб, а вместо этого выдали полностью позеленевшую от солнечного света картошку. Пришлось питаться ей, пока Зое Романовне не стало от нее совсем плохо. Положение спасла директор школы, благодаря которой карточку на хлеб все же выдали.

Таким образом, в 1947 году Зоя Романовна получила полное среднее образование.

Нужно отметить, что семьям репрессированных запрещалось выезжать из деревни. Исключение составляло только получение образования. Закончив школу, Зоя Романовна отправилась в Красноярск для получения высшего образования.

Жизнь после школы

Больше всего Зоя Романовна интересовалась химией, хотела стать химиком-инженером. И изначально у нее была мечта поехать в Томск и поступить на химический факультет Томского университета. Но это был второй год после войны, семья была большая, работал только один отец в леспромхозе, и материальной возможности поехать в Томск не было. К тому же, в 1947 г. еще оставалась карточная система. Карточки давали только тем, кто учился или работал. Старшая сестра, которая в то время училась на историческом факультете КГПИ, уговорила ее поступить на открытый в 1946 году факультет иностранных языков КГПИ и отучиться хотя бы год, пока не появится возможность поехать в Томск.

Вступительные экзамены уже прошли, но на факультете оказался недобор. Отделение французского языка предполагало 20 студентов, а набрали всего 15.

Нужно было ликвидировать недобор, и поэтому экзамены прошли по второму кругу, правда, в очень ускоренном порядке. Чтобы поступить, Зое Романовне пришлось сдавать по два экзамена в день (историю, сочинение, немецкий язык, устно русский и литературу). Тем не менее она успешно их сдала и поступила на факультет иностранных языков.

Студенческие годы

Занятия проходили в старом здании, на Мира, 83. Так как там находился не только факультет иностранных языков, учились во вторую смену и домой приходилось возвращаться достаточно поздно.

Зоя Романовна в подробностях помнит события того времени и всех своих преподавателей. Перед глазами возникает картина КГПУ того времени.

В 1947 году ректором института был Борис Федорович Райский. Проректором – Анатолий Николаевич Кривошея, преподаватель химии. У Зои Романовны остались воспоминания, что когда они шли на демонстрацию, ее будто возглавляли «два витязя» – Борис Федорович и Анатолий Николаевич.

Изначально факультет был при литфаке. На французском отделении было 3 группы и всего 3 преподавателя по французскому языку: Коппен-Дергачева Людмила Васильевна, доцент. Она закончила парижскую Сорbonну и обучала азам французского языка, ставила произношение. Зимой на I курсе появилась Евгения Карловна Стейнберг, которая стала вскоре деканом факультета и заведующей кафедрой. II курсе – Коломбо Екатерина Владимировна. И еще особо запомнился Зое Романовне латинист – Станислав Тадеушевич Нейман. Предмет давался достаточно тяжело, но это был хороший преподаватель, благодаря которому она помнит латынь до сих пор.

Отучившись год, Зоя Романовна поняла, что полюбила французский, и решила остаться. Она даже забросила читать по-русски и стала читать только по-французски. Химия исчезла из поля зрения. Тем более, были такие прекрасные преподаватели, что было бы очень жалко взять и бросить.

Когда Зоя Романовна училась на II курсе, поселок открыли и разрешили свободный выезд. Семья перебралась в Красноярск, где им дали комнату-барак.

Одноэтажное деревянное здание находилось на ул. Ады Лебедевой, там, где сейчас находятся два университетских общежития. Барак представлял собой одну длинную комнату, в которой и жила семья из 5 человек.

На IV курсе уехал в Сталинград ректор Борис Федорович Райский, а приехал преподаватель философии, который впоследствии стал ректором – Голосов Виктор Федотович. И когда уже Зоя Романовна работала преподавателем на кафедре, он читал для аспирантов лекции по философии, которые она решила посещать для общего развития. Оказалось, что не зря Когда потом она учились в аспирантуре в Москве, нужно было сдавать кандидатский экзамен по философии. Но Московский преподаватель был совершенно никудышный и спасли только эти самые лекции Виктора Федотовича.

На II курсе на кафедру по распределению из Москвы приехала работать Роза Григорьевна Гуськова. Когда Зоя Романовна заканчивала IV курс, она отработала положенный срок и должна была уехать обратно в Москву, предварительно найдя себе замену. По распределению Зою Романовну должны были отправить в Уяр, но была очень больна мама, поэтому она просто не могла уехать. И так как она учились хорошо, ее рекомендовали на замену. Таким образом, окончив университет в 1951 году, Зоя Романовна осталась работать при кафедре. Она была к тому времени уже 10 преподавателем. После нее прибыла выпускница Ленинградского института иностранных языков, Елена Евгеньевна Корди, с которой они дружат вот уже 53 года.

В 1959 году Зоя Романовна уезжает в Москву, где поступает в аспирантуру, защищает диссертацию, работает там некоторое время. Нужно сказать, что в 1961 году ее пригласили в Министерство образования РСФСР и предложили поехать переводчиком в системе ООН в Париж или Нью-Йорк. Но когда она заполнила автобиографию, где указала, что ее родители были раскулачены, кандидатура была снята с дальнейшего рассмотрения. В то время права еще ущемлялись под различными предлогами, а причины не обосновывались.

В 1967 году из-за мужа вынуждена была уехать в Кемерово. В кемеровском институте на факультете не было кандидатов наук. Зоя Романовна была первая, и

ее сразу же назначили заведующей кафедрой французского языка. Там она проработала 9 лет, и в 1976 году снова вернулась в Красноярск.

Когда началась перестройка, одно время министерство расширяло французское отделение. В 90-х годах Зоя Романовна была председателем предметной комиссии. Она вспоминает, что один год был огромный конкурс – 7 человек на место. Было очень тяжело проводить отбор, и Зоя Романовна выпросила еще 1 группу. Тогда набрали 52 человека. Группы были сильно перегружены. Сегодня — в одной группе семь человек.

Стаж работы Зои Романовны составляет 56 лет (с 1951 по 2007 год). Вспоминая свою преподавательскую деятельность, она отмечает, что сегодняшним преподавателям намного легче в плане технических средств. Раньше было очень тяжело ставить произношение. Был патефон и старая затертая пластинка с наговоренным текстом не француза, а какого-нибудь преподавателя из Москвы. Тем более, из-за помех ничего не слышно. Живых французов они не видели. Впервые на стажировку Зоя Романовна поехала в 1982 году, когда ей было 52 года. Сын, учась в Венгрии, рассказал друзьям, что его мама преподаватель французского языка. Те завистливо спрашивали, что, наверное, она часто ездит во Францию. «Да», — отвечал сын, — «каждые 52 года обязательно ездит».

В 1991 году на кафедру приехала француженка Сорфи, но, эта практика не получила дальнейшего продолжения, т. к. у французов совершенно другая система обучения.

В 2006 у Зои Романовны случился инфаркт. И в 2007 она вынуждена была по состоянию здоровья уйти из университета. Тем не менее, она по сей день не теряет связь с университетом.

ЛЫЖИНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА¹

Дата рождения: 18.11.1930 г. С 1956 г. – старший лаборант кафедры зоологии КГПИ. С 1957 г. – ассистент кафедры зоологии КГПИ. 1971 г. – старший преподаватель кафедры зоологии КГПИ, защита кандидатской диссертации. С 1975 по 1985 гг. – доцент кафедры зоологии КГПИ. В 1976 – 1977 гг. – зам. декана биогеофака. С 1987 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Лыжина Галина Михайловна родилась 18 ноября 1930 года в деревне Торгашино. Ее дед был крестьянином, который привык всю жизнь трудиться не покладая рук. Но он, как говорили, в то время относился к числу зажиточных крестьян, которые могли за деньги нанимать себе помощников. И с началом коллективизации его раскулачили, и дед с семьей были вынуждены переехать из деревни в город.

Прожила Галина Михайловна всю жизнь в Красноярске. Сначала жили на улице Кирова, а после переехали на проспект Красноярский рабочий. Ее детство было не таким уж и легким, так как, когда Галине Михайловне исполнилось 11 лет, началась война. Делясь с нами впечатлениями, она рассказала о том, как неожиданно и страшно рупор, который висел на высоком столбе возле дома, объявил о том, что 22 июня в 4 часа утра фашистская Германия без объявления о войне напала на Советский Союз.

В этот же день в городе открылись призывные пункты, и все мужчины из семьи Галины Михайловны отправились на войну. Кругом была скорбная суeta и слезы. Маленькая Галя осталась жить вместе с мамой, сестрой, бабушкой да дедушкой. Это были тяжелые времена, все время хотелось кушать, но грустить и лежать на боку было некогда. Надо было делать все для фронта, и она тоже принимала в этом активное участие. Вместе с классом ездила в колхоз копать

¹ Воспоминания записали Богомолова Наталья Андреевна и Шугаева Лидия Петровна, студентки 3 курса исторического факультета.

картошку, которую отправляли на фронт. Но всему есть свой конец и этой жестокой и кровопролитной войне тоже.

Со слезами на глазах Галина Михайловна вспоминает день Победы, когда по улице шли солдаты, а все те, кто находился в тылу, радостно их приветствовали, бросались им на грудь, обнимали и целовали. Благодарили за то, что они спасли от фашизма нашу родину. Семье Галины Михайловны повезло, все мужчины, которые ушли на фронт, вернулись целые и невредимые. Воспоминания о военном Красноярске у нашей собеседницы остались скромные в силу ее юного возраста. Единственное, что она запомнила, что районов тогда было очень мало и что весь Красноярск был деревянным. Она знала лишь свой район, в котором жила, и Покровку.

Несмотря на войну и голод, Галина Михайловна, как и все дети того времени, продолжала получать образование. С 1 по 4 класс она училась в школе № 2, которая находилась и находится по сей день на углу улиц Перенсона и К. Маркса. Обучения проходило вместе с мальчиками, что для того времени было достаточно несвойственно. Самое большое впечатление из того времени – это первая учительница. Она была воспитана в духе старой интеллигенции и то же самое воспитание прививала своим ученикам. Больше всего она учила мальчиков быть джентльменами.

С переходом в среднюю школу, Гая сменила не только место обучения, но и привычное окружение. Теперь она обучалась в школе № 20, которая находилась напротив пединститута, стоящего по улице Мира. Здесь уже обучались девочки отдельно от мальчиков. Но она в этой школе тоже не задержалась и уже заканчивала в 19-й. Училась Галина Михайловна всегда хорошо, что было совершенно сознательно, потому что маме было некогда делать с ней уроки, а папа – на войне. Единственное, что мама делала каждый вечер после работы, так это проверяла дневник своей дочери.

Но, скорей всего, не давало учиться плохо также и то, что Гая была пионеркой, затем октябренком, а после – комсомолкой. Эти организации расслабиться не дадут, по словам Галины Михайловны, если ты плохо учишься, «в

комсомоле обязательно тебе сделают выговор, «вправят мозги» и ты хочешь того или нет, а учится хорошо все равно будешь». На наш взгляд, это очень хороший стимул.

В школе Галина Михайловна встретила двух своих замечательных подруг, с которыми дружила очень долго, но на сегодняшний день они, к сожалению, уже умерли.

Окончив школу, Галина Михайловна стала думать о том, куда бы ей поступить. Так как в школе ей больше всего нравилась биология, то она начала колебаться между двумя институтами – педагогическим и медицинским. Как вспоминает Галина Михайловна, в медицинский она очень хотела поступить, но даже не попыталась этого сделать, потому что побоялась, что не сдаст физику. Хотя конкурс в то время был не такой бешеный как сейчас и у нее были все шансы поступить. Но вот парадокс. В педагогическом на факультет биологии физику тоже нужно было сдавать, и она успешно справилась с этим экзаменом. «Вот дура» – говорит, – «чего тогда боялась, не знаю!». Видимо не судьба. Потому что если бы она не поступила в наш вуз, то никогда бы не познакомилась со своим мужем и не подарила нашему университету такого замечательного педагога в своем лице.

И вот она студентка I курса педагогического института. Ее группа в основном состоит из девчонок при наличии лишь одного парня. Но и от него они потом «избавились», так как парень не проявлял особого интереса к изучению биологии и его вскоре отчислили. Студенческое время, как известно, самое веселое и беззаботное. И самое приятное, что было в нем для Галины Михайловны, так это полевая практика. На ней студентки собирали жучков, червячков для изучения, стреляли птичек, делали из них чучела и, конечно же, отдыхали, загорали и купались, потому что никто там за ними так строго не следил, как в институте. Также в институте наша героиня занималась гимнастикой. Стала заниматься ей по совету своего преподавателя по физической культуре и даже участвовала в соревнованиях. Однако к культурным мероприятиям у нее душа не лежала, говорит, что с творчеством дружбы у нее не

получилось, но на демонстрации в честь 1 и 9 мая ходила. В часы, свободные от учебы, Галина Михайловна очень сильно любила вязать, еще в юношестве ее научила мамина подруга и с тех пор она предана этому занятию. Правда больше всего ей нравится вязать красивые узорчатые салфеточки, чем вещи. Будучи студенткой, Галина Михайловна встретила своего мужа. Он был студентом исторического факультета, и, как-то раз оказался в главном корпусе, на общей лекции для студентов всех факультетов по истории КПСС. Там-то они друг другу и приглянулись. Повстречавшись недолгое время, он сразу предложил ей выйти за него замуж, а она не смогла отказать. Так и прожили всю жизнь вместе.

После окончания института Галина Михайловна осталась работать на кафедре зоологии. Сначала в должности лаборанта проработала 2 года, затем была старшим преподавателем, а после защиты кандидатской стала доцентом. Вспоминает, что впервые идти преподавать к студентам было страшно и волнительно, так как она переживала, что они ее что-нибудь такое спросят, а она не знает и будет стыдно. Но спасало ее то, что в те времена, несмотря на то что студенты были практически с ней одного возраста, они имели большое уважение к преподавателю. Не важно, какие у него ученые степени, главное, что он уже получил образование и стоит здесь перед ними, готовый давать им знания, которыми они еще не владеют.

Особенно за все время преподавания Галине Михайловне запомнился студент, которого звали Геннадий Новиков. Он был старше всех в группе, потому что уже побывал в армии и после нее пришел получать высшее образование. Этот парень был очень музыкальным, играл на баяне и выделялся среди общей массы. Между ними завязалась дружба, которая длится и до сегодняшнего дня.

Сегодня Галина Михайловна находится на пенсии, занимается хозяйством на даче и воспитывает внуков. Нам на прощание она пожелала уважительно относиться к старшему поколению, всегда и во всем быть честными, а также хорошо учиться. Самое замечательное, что в свои 82 года она выглядит очень бодро и жизнерадостно. Галина Михайловна Лыжина, на наш взгляд, является примером открытого, доброго и отзывчивого, как преподавателя, так и человека.

МАЛОБИЦКАЯ ЗОРЯ СТЕПАНОВНА¹

Дата рождения: 10.03.1930 г. С 1968 по 1993 гг. – преподаватель кафедры педагогики КГПИ. 1993–2001 гг. – школа № 84 г. Красноярска. В 2003 г. – доцент кафедры коррекционной педагогики КГПИ. С 2003 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Малобицкая Зоря Степановна, родилась 10 марта 1930 г. в с. Абан Канского района. Мама Зори Степановны, уроженка Архангельской губернии, после раскулачивания была вместе с родителями сослана в Сибирь, отец родился в Самаре, но в силу определенных обстоятельств тоже оказался в с. Абан, где они и познакомились.

Практически после рождения маленькая Зоря вместе с родителями уехала в Ставрополь. Мама работала в школе учителем начальных классов и завучем. От школы они получили огромный дом с большими и светлыми комнатами и красивым приусадебным участком, в этом доме Зоря провела лучшие дни своего детства.

Мама проводила все время в школе, воспитанием Зори занимался пapa, именно он привил ей любовь к животным (они всегда окружали ее в детстве и до сих пор). Все знакомые и друзья несли к ним в дом котят, щенят, зная, что отдают их в надежные руки. Батя (как сама Зоря Степановна называла его) был мастер на все руки, все домашние дела были на нем: он и обед приготовить мог, знал, чем занять ребенка и как заинтересовать.

В 1937 году семья переехала в Красноярск. Маленькая Зоря пошла в школу с 6 лет, точнее, приходила к маме в школу и сидела на уроках. Отец стал фотокорреспондентом ТАС по Красноярскому краю. В доме всегда было много журналов, газет, различной литературы. На развороте журнала «Огонек» печатали репродукции картин различных художников и маленькая Зоря уже тогда

¹ Интервью провели Шумилова Татьяна Евгеньевна и Голицына Анжела Юрьевна, студентки 3 курса исторического факультета.

полюбила искусство.

Когда началась война, Зоря жила в Большой Ярбе, с бабушкой. В 1944 году снова вернулась в Красноярск и пошла учиться в 28 школу. Училась хорошо, прилежно, проблем с постижением наук не испытывала, как считает сама, лучше проявлялись способности в гуманитарных науках.

В 6–7 классах Зоря заинтересовалась советским кинематографом. По словам Зори Степановны, фильмы того времени очень сильно отличаются от современного телевидения.

Приближалось окончание школы, Зоря мечтала поступить в МГУ на искусствоведческое отделение, да и поступила бы, но родители побоялись отпускать девочку в чужой город. И в 1947 году Зоря поступила в КГПИ на филфак, но учителем она не хотела быть, так как всегда вспоминала свою маму, которая вся отдавалась своей работе, переживала за судьбу своих учеников... Маркова Елена Сергеевна поспособствовала ее любви к литературе, институт был закончен в 1951 году.

Сразу после окончания института Зоря Степановна пошла работать в школу № 11. Свою работу полюбила сразу, очень интересно и занятно вела уроки, дети всегда ее слушали с большим интересом. Лучший комплимент звучал так: «У вас на уроке ученики наслаждаются текстом». За время работы в этой школе у нее было три прекрасных выпуска, с которыми она встречается и сейчас ежегодно. Жизненное кредо – «Главное воспитать любовь к чтению, к книге». В общей сложности Зоря Степановна отработала 15 лет в 11-й школе, потом по конкурсу пошла преподавать в педагогический институт, на кафедру педагогики.

В нашем вузе она вела киноклуб для студентов «Молодой педагог», в котором смотрели и обсуждали кинофильмы педагогического содержания. Просмотр проходил в главном зале кинотеатра «Луч».

В 1979 году защитила диссертацию на тему «Художественный кинематограф как средство нравственно-эстетического воспитания старших школьников». Через два года получила звание доцента и продолжила работать на кафедре педагогики до 1993 года.

С 1993 по 2005 год по приглашению директора школы № 84 работала в должности заместителя директора по научно-методической работе. Там же вела лекторий «В мире прекрасного» для старших школьников.

Больше всего она всегда любила учить именно детей и считает профессию педагога благородной и говорит, что наша профессия будет востребована во все времена и у всех народов.

Зоря Степановна опубликовала три статьи на темы воспитания из опыта работы школы № 84 в педагогических журналах «Директор школы» и «Советская педагогика».

Пожелания студентам: «Не уходите из своей профессии».

ПАКУЛОВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ¹

Дата рождения: 13.01.1925 г. В 1957 – 1958 гг. – старший лаборант кафедры зоологии. В 1958 – 1964 гг. – ассистент кафедры зоологии. С 1964 по 1967 гг. – старший преподаватель кафедры зоологии. 1966 г. – защита кандидатской диссертации (к.б.н.). С 1967 по 1972 гг. – доцент кафедры зоологии. В 1972 г. утвержден в ученом звании доцента, доцент кафедры МБОФВиВ. В 1981–1994 гг. – доцент кафедры зоологии. В 1995–1996 гг. – доцент кафедры МБОФВ. С 2000 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Правительственные награды:

Орден «Отечественной войны» II ст.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Юбилейные медали СССР и РФ.

Василий Алексеевич Пакулов, родился в 1925 году в селе Шундуя Читинской области, в большой и дружной семье. Из одиннадцати детей Василий Алексеевич был восьмым.

Когда стало известно о нападении нацистской Германии на Россию, как вспоминает Василий Алексеевич, первая мысль его была – «я русский, и завтра

¹ Интервью провели Выротникова Нина Михайловна и Масютина Маргартия Егоровна, студентки 3 курса исторического факультета.

мы тебя, фашист, погоним с земли нашей». На фронт ушел восемнадцатилетним юношей в 1943 году. До этого призывали девять раз, но заворачивали обратно. «По возрасту не подходишь, — говорили на призывном. — Вдруг в плен попадешь, немцы увидят, что молодой, и скажут, что, мол, давим мы Россию, все соки из нее выжали, раз таких детей отправляют воевать». Отец Василия, Алексей Пакулов, был репрессирован. Это стало причиной недоверия к Василию, которое он испытал уже будучи на курсах военной подготовки. От такого недоверия было больно, но он знал, за что воевал.

Василий Алексеевич прошел боевой путь от Западной Украины до Австрии и Чехословакии. Как-то в Австрии попал в засаду, успел проскочить, но внезапно почувствовал невыносимую жажду, воздуха стало не хватать. Вышел за бугорок, на болото. А там немец лежит убитый, в одном сапоге. Из под него лужа крови, прямо в воде. Но что делать — снял пилотку, зачерпнул и выпил.

Конец войны Василий Алексеевич застал в Венгрии, в штабе зенитного полка, в звании гвардии старшины. Родина наградила его орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией», а также юбилейными медалями.

После войны окончил факультет естествознания Красноярского государственного педагогического института. В 1956—1957 гг. работал учителем в школе № 11 г. Красноярска. Затем был приглашен на работу в КГПИ на кафедру зоологии, где проработал более сорока лет. С 1957 года преподавал анатомию человека и основы биомеханики на факультете физического воспитания КГПИ.

Известен как педагог-новатор. Разработки В.А. Пакурова вошли в программы и методические рекомендации, которые использовались в учебном процессе в школах и вузах СССР. За большой вклад в развитие физкультуры и спорта награжден благодарственным письмом главы Красноярска. Добиться успеха в профессиональной деятельности Василию Алексеевичу помог вдумчивый подход к каждому ученику.

«Многие студенты из Тувы, учившиеся на первом курсе физвоспитания, еще слабо знали русский язык», — вспоминает Василий Алексеевич. — «Поэтому

приходилось видоизменять методику преподавания. Я обратил внимание, что почти все тувинцы неплохо рисуют, поэтому для освоения материала использовал их способности, предложив схематично изображать кости, суставы, расположение мышц на конечностях. Некоторые преподаватели посмеивались: мол, вы, Василий Алексеевич, хотите из них Леонардо да Винчи сделать. Однако главного я достиг: плохо понимая русский язык, в основах предмета тувинцы ориентировались правильно и понимали функции тех или иных звеньев опорно-двигательного аппарата. И многие студенты из Тувы, получив образование на нашем факультете, стали впоследствии видными людьми в своей республике, заняли высокие посты в государственных органах власти».

В преподавании Василий Алексеевич исходил из правила действия всех мыслительных процессов учеников: не только памяти, но и воображения, логического мышления.

Вот что он рассказывает об одном из таких приемов: «Традиционно кости человеческого скелета изучали в вузах, как изучают памятники архитектуры: с точки зрения их форм, месторасположения фрагментов фасада, форм украшающих здание башенок... А я скелет разбирал по косточкам, складывал на стол и накрывал простыней. Когда студенты рассаживались по местам, я вызывал одного из них и просил вытащить мне, допустим, левую лучевую кость. Данный прием вынуждал студента думать не только о том, как выглядит нужная косточка, но и в чем ее отличие от правой лучевой кости. Когда студент отыскивал нужную ему кость, я всегда требовал, чтобы он мне объяснил и доказал, почему это лучевая кость левая, а не правая».

Идя к В.А. Пакулову на экзамен, бесполезно было учить билеты. Зато надо было хорошенько знать свой вид спорта и то, при каких движениях какие задействованы кости и мышцы. Василий Алексеевич брал в руки учебную программу общеобразовательных школ по физкультуре и, быстренько пролистывая ее, обращался к студенту: «Скажешь, когда остановиться». Получив команду «Стоп», зачитывал из программы раздел, на который пал жребий. К примеру, 9 класс, «Гимнастика», упражнения на брусьях. Спрашивал: «Какое

упражнение будете выполнять?» А потом просил описать движения с точки зрения анатомии и биомеханики. Пробивалась подобная система приема экзаменов в 1960-е годы непросто, но в конце концов ученый совет вуза принял решение о внедрении данной системы. На конференции в Белгороде было принято решение о необходимости распространения во всех институтах физкультуры СССР и на факультетах физического воспитания педагогических вузов страны опыта факультета физического воспитания КГПИ.

Цель, которую ставил В.А. Пакулов перед собой, – чтобы учеба в вузе недавних школьников не отвратила их от процесса получения новых знаний, чтобы они не бросили институт после первых трудностей. Когда Василий Алексеевич чувствовал, что у студента на экзамене наступал какой-то психологический ступор, ответить ему мешает мандраж, он мог отправить студента в кино: перед экзаменом специально узнавал расписание сеансов в «Октябре» и «Совкино». Предупреждал, что расспросит про фильм в подробностях: сбивал стресс с помощью важнейшего из искусств. Если у студента не было денег на кино, отсыпал того на центральный рынок к бабе Капе — передать персональный привет и расспросить про цены на продукты.

Можно долго рассказывать о его педагогических приемах, вспоминать множество занимательных историй, но важно и то, что анатомию знали все его студенты. А многие из них учились на дневном отделении факультета физвоспитания и при этом месяцы проводили вне вуза. Участвовали в тренировочных сборах российских и национальных команд по различным видам спорта, участвовали в соревнованиях.

Василий Алексеевич вспоминает своего воспитанника, знаменитого борца Ивана Ярыгина. «Ярыгин пришел ко мне сам, без всякого предварительного разговора с деканом», спросил, как ему сдать экзамен. Я ответил, что, мол, вы же не сутками тренируетесь, дам вам вопросы к экзамену. Появится время, выучите билет, потом другой. Не скажу, что Ярыгин потом отвечал мне на «отлично», но он в своем труде был честен. Все, что было необходимо, он знал и разбирался в предмете вполне хорошо. Ярыгин и Миндиашвили даже на основе той

биомеханики и рычагов, что я им преподавал, разработали совершенно новый прием. И Иван успешно им воспользовался. Никто из супостатов-противников не знал этого приема и поначалу ничего противопоставить действиям Ярыгина не мог».

Пожелания Василия Алексеевича современным преподавателям: «Уроки жизни воспитали меня таким образом, что каждого человека надо уважать. И во всем надо идти от жизни — не от приказов, методик, программ: в документах всего не предусмотришь. А строить свою преподавательскую работу следует таким образом, чтобы тебя понимал каждый студент. Не гонять его раз за разом на зачет: он возненавидит твой предмет или учебу бросит. Успех или неудача ученика — это либо ваш успех, либо ваше поражение, коллеги».

ПАКУЛОВА ВЕРА МИХАЙЛОВНА¹

Дата рождения: 14.09.1935 г. С 1969 г. — старший преподаватель кафедры ботаники КГПИ. 1980 г. — присуждена степень кандидата педагогических наук. С 1981 г. — доцент кафедры ботаники. С 1983 г. — и. о. зав. кафедры ботаники. 1988 г. — перевод на кафедру м/б и основ с/х. Июль 1991 — присвоено звание профессора кафедры м/б и основ с/х. С 1994 г. — зав. кафедрой м/б и основ с/х. С 1999 г. — профессор кафедры м/б и основ с/х. С 2009 г. — на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Правительственные награды:

1976 г. — знак «Победитель социалистических соревнований 1975 года».
1996 г. — Медаль К.Д. Ушинского.
1999 г. — нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования России».
1987 г. — знак «Отличник народного образования».
2006 г. — знак Законодательного собрания Красноярского края «Признание»

— *Вера Михайловна, призвание учителя. В чем оно?*

¹ Провели интервью и обобщили материалы о В.М. Пакуловой студентки 3 курса исторического факультета Масютина Маргарита Егоровна и Воротникова Нина Михайловна.

— А разве только у учителя есть призвание? Разве это не что-то общее для всех, кто любит свою работу, находит в ней удовлетворение? Я не мыслю себя без методики биологии, без университета, без своих учеников и коллег.

— Призвание – это найти себя, свое место в жизни.

Родилась Вера Михайловна в сентябре 1935 года в с. Нижний Манут Иркутской области, а через несколько месяцев, весной 1936 г., вместе с мамой переехала в город Красноярск. Трудное это было время, суровое и голодное: война, нищета, болезни. Мама, Евдокия Георгиевна Ульянова, работала с утра до ночи на эвакуированном с запада заводе Красмаш.

Но даже в то тяжелое время поколение детей 30–40-х годов стремилось к знаниям, желая всему научиться, разобраться, чтобы понять смысл жизни. Именно мама дала Веру первые уроки жизни, она научила ее терпению, добросовестности

во всем, умению преодолевать трудности, решать простые жизненные проблемы, общаться с детьми. Всю свою жизнь Евдокия Георгиевна была для дочери главным советчиком и помощником в жизни.

В 1952 году Вера Ульянова закончила девять классов школы № 40, которая и сейчас находится в Кировском районе г. Красноярска, а последний год учебы она совмещала с работой счетовода и обучением в вечерней школе. Уже тогда Веру увлекала биология.

Поэтому после окончания школы в 1953 году она решила поступать на биолого-химический факультет Красноярского педагогического института. Став студенткой, Вера показала себя творческой личностью, вдумчивым и терпеливым исследователем. Полученные в институте знания, опыт общения с маститыми преподавателями помогли ей в будущем выработать свою манеру преподавания, разработать свои подходы к обучению учащихся.

После окончания вуза была работа в школах, школах-интернатах города Красноярска сначала учителем, потом завучем. 12 лет в школе. Здесь творчески раскрылся ее широкий кругозор, умноженный на любовь к детям, к профессии учителя. Вера Михайловна всегда была сторонником педагогики сотрудничества с учащимися, всегда находила с ними общий язык, умела заинтересовать их, увлечь. На личном примере она воспитывала неутомимых, целеустремленных, любящих свое дело людей. Многие бывшие воспитанники школы-интерната № 3 до сих пор ищут поддержку у Веры Михайловны, просят совета и участия, и никогда она им в этом не отказывает.

Именно работа в школе помогла Пакуловой В.М. сформировать окончательно педагогическое кредо – помочь ученикам обнаружить свои склонности, воспитать

в каждом жажду поиска, силу воли и в дальнейшем решить целый ряд важных методических вопросов, отразить свои педагогические взгляды в диссертации, многих научных и учебно-методических работах.

С 1969 года судьба вновь связала Вера Михайловну с Красноярским педагогическим институтом, на этот раз навсегда. За эти годы она прошла путь от старшего преподавателя до профессора кафедры методики биологии и основ сельского хозяйства. На протяжении 18 лет Пакурова В.М. заведовала сначала кафедрой ботаники, а потом – кафедрой методики биологии и основ сельского хозяйства, которую она создавала.

В конце 70-х годов Вера Михайловна поступила в аспирантуру Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской, которую успешно закончила в 1980 году защитой кандидатской диссертации и получением ученой степени кандидата педагогических наук.

Для каждого начинающего ученого важно, кто станет его научным

руководителем, кто поведет его в мир научного исследования. Замечательно, если на жизненном пути встречается такой человек. Повезло и Вере Михайловне. Ее научным руководителем был удивительный ученый и педагог Дмитрий Илларионович Трайтак. Это он научил Веру Михайловну честному, скрупулезному подходу в проведении научного эксперимента, творческому мышлению, умению отбирать нужный материал для исследования, привил любовь к изучению истории методики биологии. И позднее, когда Вера Михайловна сама стала руководителем аспирантуры, она постоянно советовалась с ним, обсуждала педагогические проблемы. Она всегда будет благодарна ему за помощь, понимание и участие.

По совету Трайтака Д.И., основной темой научного исследования ученого

Пакуловой явилась терминологическая работа с биологическими понятиями. «Прочное усвоение понятий может осуществляться только в случае, если учащиеся своевременно и систематически овладевают необходимым словарным запасом, познают язык науки через усвоение специальных терминов. Точное понимание терминов дает возможность глубже проникать в определенную область науки, сознательно усваивать ее». По ее мнению, качество усвоения научного языка биологии связано с системой терминологической работы, которая напрямую зависит от работы по усвоению орфографии новых терминов, выявления этимологии термина, записи их на доске и в тетради учащихся, проговаривания терминов иностранного происхождения вслух, тренировочных упражнений на соотнесение термина с понятием, индуктивного и дедуктивного пути введения новых терминов, морфофонетического анализа термина и использования терминов в различных учебных ситуациях.

В 1986 г. Министерство просвещения СССР командировало Пакулову В.М. на работу в финско-русский лицей г. Хельсинки. В течение года ею были написаны два учебника по природоведению на русском языке для учащихся 2 и 3 классов, а также методические руководства к ним для учителей.

Опыт такого рода работы помог Вере Михайловне написать (в соавторстве с В.И. Кузнецовой) учебник по методике преподавания природоведения для студентов педагогических вузов по специальности «Педагогика и методика начального обучения». Авторами в книге дана характеристика основных вопросов методики преподавания природоведения в начальных классах, показаны закономерности и взаимосвязи содержания и структуры природоведческого материала, средствами, методами, формами обучения природоведению. Учебник и по сей день, уже более 15 лет, является востребованным среди студентов.

Перу ученого принадлежит более 140 научных работ по дидактике и частной методике. Вера Михайловна внесла значительный вклад в развитие различных направлений педагогической науки. Особенно много сделано ею в исследовании проблем методики обучения биологии учащихся в малокомплектной школе. Изучив специфические условия работы учителей-предметников школ с малой наполняемостью классов, она рекомендует им более дифференцированно подходить к обучению, больше внимания уделять организации самостоятельной работы учащихся, развитию общеучебных и специальных умений, а также практиковать работу с учебником, дидактическим материалом, наглядными пособиями, природными объектами. Данные положения нашли отражение в учебных пособиях для учителей по обучению биологии в сельских восьмилетних малокомплектных школах. Вера Михайловна и по сей день является признанным экспертом в данной области методики биологии.

В 1991 году за многолетний и плодотворный труд Высшая аттестационная комиссия присвоила В.М. Пакуловой ученое звание профессора.

Среди многочисленных публикаций Веры Михайловны особое место занимает учебно-методический комплект к школьному курсу природоведения. Данный комплект рекомендован Министерством образования Российской Федерации для общеобразовательных учебных учреждений и успешно используется учителями большинства школ г. Красноярска и Красноярского края, Новосибирской, Челябинской, Белгородской, Орловской, Московской областей и др. Большинство российских пятиклассников впервые начинают изучать природу

по добротному, содержательному, понятно написанному, красиво изданному учебнику профессора Пакуловой!

Много внимания уделяла Вера Михайловна педагогической работе со студентами: читала лекции, проводила лабораторные занятия, руководила педагогической практикой и подготовкой выпускных квалификационных работ. В свою очередь и студенты высоко оценивали и оценивают педагогическое мастерство В.М. Пакуловой, учились и учатся по ее учебникам, учебным и методическим пособиям.

Ею была разработана оригинальная программа лабораторного практикума по методике обучения биологии, написано к ней пособие по общим и частным вопросам методики биологии, которое несколько раз переиздавалось. Многие преподаватели Москвы, С.-Петербурга, Орла, Иркутска, Новокузнецка, Белгорода, Абакана теперь и в своих вузах преподают методику биологии по системе В.М.

Пакуловой.

Вера Михайловна – учитель учителей биологии города Красноярска и Красноярского края. Она постоянно работала с ними в рамках повышения квалификации. Под ее руководством и при непосредственном участии, начиная с 2000 года, проходили постоянно действующие семинары с учителями биологии г. Красноярска по актуальным вопросам методики биологии. Идя на встречу с ней, педагоги знали, что здесь они найдут ответы на все свои вопросы, касающиеся содержания предмета, его методов, форм и средств обучения.

В разных концах страны трудятся ученики Пакуловой В.М. – те, кому она преподавала биологию в школе, и те, кого учила потом, в аспирантуре, для кого тоже осталась Учителем на всю жизнь: школьные учителя, научные работники, кандидаты педагогических наук.

Вера Михайловна руководила аспирантурой: ее аспиранты – учителя школ,

работники образования и преподаватели вузов. Каждому из них она отдавала частицу своего сердца, щедро делилась знаниями, конструктивно критиковала, помогая ориентироваться в последних достижениях педагогической науки. Она дарила им научные идеи и чужие неудачи переживала как свои. Вероятно, поэтому в жизни Веры Михайловны не было неблагодарных учеников.

За многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность В.М. Пакулова награждена знаком «Отличник народного просвещения», медалью К.Д. Ушинского, знаком «Почетный работник высшего профессионального образования России». В 2004 году она удостоена звания Лауреата профессорской премии главы города за высокий профессионализм, значительные достижения в области образования, науки и культуры, большой вклад в развитие и процветание города Красноярска.

Вера Михайловна — глава большой, дружной семьи. Вместе с мужем, Пакуловым Василием Алексеевичем, с которым судьба свела ее в 1953 году, она воспитала двух дочерей, которые пошли по стопам родителей: избрали в качестве профессии педагогическую деятельность. Старшая, Татьяна, подвижница и очень грамотный педагог, работает учителем математики в далеком поселке Хову-Аксы Республики Тыва. Младшая, Ирина, закончив, как и родители, биолого-химическое отделение, работала заведующей кабинетом методики биологии, а ныне — старшим лаборантом. Скромность, порядочность, обязательность — вот основные качества детей четы Пакуловых. Поддержкой и опорой являются для Веры Михайловны и Василия Алексеевича мужья дочерей, пятеро внуков, трое правнуков. Продолжает дело бабушки на научной стезе ее любимица — внука Екатерина, кандидат физико-математических наук.

«Каким должен быть педагог? — повторяет Вера Михайловна. — Справедливым, доброжелательным, чутким и веселым. И тогда каждый урок — праздник. Праздник, который всегда с тобой. Если ты — педагог по призванию».

ПЕТУХОВА ЮЛИЯ КЛЕМЕНТЬЕВНА¹

Дата рождения: 12.07.1937 г. С 1970 г. – ассистент кафедры истории исторического факультета КГПИ. С 1971 г. – старший преподаватель кафедры истории. С 1997 по 2009 год – старший преподаватель кафедры всеобщая история. С 2009 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Правительственные награды:

1995 г. – знак «Отличник народного просвещения».

— Юлия Климентьевна, Вы родились за четыре года до Великой Отечественной войны. В 1941 году, в свои 4 года, Вы понимали, что началась война?

бежали. Колонна шла – мы бежали.

— Отправляли что-нибудь на фронт?

— Мама писала открытки и письма. Открытки проходили так, а письма прочитывались. И маму вызывали за подрыв боевого настроения. Я чувствовала тот страх, который был в семье. Потом нам помогли и предложили квартиру на углу Сурикова и Лебедевой.

— Где Вы жили? Как была обустроена Ваша жизнь?

— Каждый дом – это территория. Каждая территория – это была ограда. Пока не вернулись отцы, мы были братством. У тети Кати была тележка. Это было целое богатство. Она нам давала эту тележку. Как она не боялась, что ее отберут

Я помню, как мы шли к дому «Динамо», во дворе этого дома был большой двор, туда приходили все мужчины, которые призывались со Сталинского р-на (сегодня это Центральный). Мы туда приходили и несколько дней провожали папу. Потом их колонна отправилась. Мы просто

¹ Интервью провела Свирина Дарья Викторовна, студентка 3 курса исторического факультета.

у нас. Мы наберем воды и развозим по ограде, все могли зачерпнуть себе. Если надо было еще, мы снова ехали за водой.

Помню детский сад № 1, доброту, защищенность, которая царила в нем. Директором была Дёмина Елизавета Васильевна. У нас проходили утренники, и воспитательницы делали нам подарки: коробочки клеили из бумаги, фантики. И я помню, как я страстно хотела такую коробочку. Но она мне не досталась. У всех мужья были на фронте и о нас заботились вдвойне. У меня есть фотография, на которой были мы, дети. И несчастных детей нет на фотографии, и я тоже радостная стою.

Как я могу не помнить, как в детский сад за мной и сестрой пришла не мама, а ее подруга: папа погиб. Я терпеть не могла «Темную ночь». И вот они, молодые вдовы, плакали под эту песню. И в то же время это все равно детство.

— *Какие игрушки у Вас были? В какие играли?*

— Наверное, у нас были игрушки, я не помню... Стеклышики от битой посуды. Где мы их там раскапывали?.. Ограда – это сообщество, имущество было общее. А стеклышики были индивидуальным богатством. Они менялись. И, оказывается, все мое поколение помнит про эти стеклышики. И фантики. Каких только фантиков не было. А конфет-то мы этих не ели.

Помню «подстеночек» (кидать монету об стенку, следующий должен бросить так, чтобы его монета упала рядом с первой, если потом ты мог дотянуться, то эти монеты твои). В «зоску» девочки почти не играли, там же надо было набивать ногой. В «лапту», так это мы все мотались, носились и играли.

— *Какие были еще забавы и увлечения у детей?*

— На проспекте Мира был магазин «Торгсин». В этом магазине, те у кого было золото меняли, его на продукты. Помню частушку:

Милый мой

Зовет меня златой.

Он, наверное, сукин сын,

Хочет сдать меня в Торгсин.

Мы всей оградой приходили в этот магазин. Представляете, какие там были

продукты... Это было удивительно. Мы приходили туда без зависти. Ходили вдоль этих прилавков и смотрели, и нас не выгоняли. Это было бескорыстное любование.

Еще. Возле корпуса факультета начальных классов был магазин «Тэ Жэ». Уж не помню, что значит «ТЖ». Это был магазин парфюмерии. Там был такой воздух, там так пахло. Это было погружение в другую жизнь. И опять была частушка:

На глазах Тэ Жэ,
На щеках Тэ Жэ,
На губах Тэ Жэ.
Целовать где же?

Еще было хорошее занятие — пойти в кинотеатр в «проберушку», т. е. из кинотеатра выходили люди во двор, а те, кто пришли на следующий сеанс, ждали пока все выйдут. Искусством было — пока первые выходят, пробраться в кинотеатр и затеряться в толпе. Я была самая нерешительная, мне всегда было неловко. Билет стоил пятак. Это были огромные деньги. На них можно было купить стакан ягоды, семечек. У меня такое ощущение, что нас жалели. Женщины, которые сидели на входе давали возможность быстро прошмыгнуть.

— Вы запомнили День Победы?

— Я помню, как все побежали на площадь, чтобы быть вместе. Там тогда были красивые здания пожарной охраны. Помню, что бежала босиком с ребятами из «ограды». Мама меня потом пристыдила. После стали возвращаться фронтовики. В нашем дворе вернулось трое. И моя бабушка ждала своего сына (моего дядю Колю), который без вести пропал. Тогда все надеялись на чудо.

— Как изменилась Ваша жизнь после войны?

— После войны все поменялось. И дело не в вещах, не в деньгах. Все дело в защищенности. Те, у кого вернулись отцы, жили по-другому. У моей

одноклассницы, Оли, было как раз так. Уже позже, когда мы пошли в школу, приходило к нам чувство защищенности. В мою жизнь тогда вошли два фронтовых учителя: Николай Трофимович Осеев и Андрей Григорьевич Григорьев.

Я много думала о своем отце. Каким он был. Уже когда я училась в институте, я много общалась с Павлом Николаевичем Павловым, Андреем Осиповичем Блиновым, Василием Александровичем Степыниным... Я всегда смотрела на этих людей, прошедших войну, с особым чувством. А если бы вернулся мой отец, какой была бы я, моя жизнь? Мой отец мог быть только таким же мужчиной. Я всегда слышала о том, что он был красивый, добрый, никогда не ругался.

Мой отец был на фронте офицером в подразделении штрафников, командовал разжалованными в рядовые за различные проступки полковниками, майорами, капитанами. Во время прорыва немецкой обороны в феврале 1943 года, он погиб под Великими Луками. Там же, и в те же дни, что и Александр Матросов...

Я мечтаю, чтобы подобных страданий для детей никогда больше не повторялось. И я верю в светлое, мирное будущее. И низкий поклон всем тем, кто пережил эти страшные годы, и спасибо всем тем, кто боролся за наше будущее.

САВВА НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА¹

Дата рождения: 06.03.1941 г. С 1962 г. – ассистент кафедры математики. С 1974 г. – ассистент кафедры математического анализа. С 1986 г. – ассистент ПИМНО. С 1987 г. – старший преподаватель ПИМНО. С 1999 г. – старший преподаватель кафедры естествознания и математики. В 2004–2009 гг. – старший преподаватель кафедры естествознания,

¹ Интервью провели Бомбаков Иван Максимович и Колесников Александр Игоревич, студенты 3 курса исторического факультета.

математики и частных методик. С 2009 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Правительственные награды:

1988 г. – медаль «Ветеран труда».

1995 г. – «Отличник народного просвещения».

Родилась Надежда Яковлевна Савва (девичья фамилия Соломатова) в тяжелое время, накануне войны, а потому отца не помнит, он сразу ушёл на фронт. Все тяготы жизни взяла на себя мать, которая работала и занималась её воспитанием. По воспоминаниям Надежды Яковлевны, мать её была малограмотной, но при этом очень мудрой женщиной, которая взрастила не только её, но и её детей.

Пытаясь попасть в школу с 6 лет, не хотели брать, мол, рано ещё, но, к счастью, в этом же году открылась школа № 49, в которую её приняли. Таким образом, и в школе, и в университете она была самой младшей. В школе училась хорошо, с радостью помогала другим по математике, объясняла, как решать, но ни в коем разе не давала списывать! Мол, с этим и связаны её последующий выбор физмата и любовь к преподаванию.

Преподавателей в то время сменялось много, да и не припомнит уже никого. В школе, в старших классах, была председателем ученического комитета. Состояла и в октябрютах, и в пионерах. Говорит, что не было таких, кто бы не принимал в них участие. «Выпускной был скромный, не то что сейчас, тогда мы весь вечер танцевали».

Вспоминая игры детства, была названа лапта, выжигательный круг. В университете играла в волейбол и баскетбол. А также посещала курсы танцев.

В 1957 году окончила школу. Школу закончила хорошо, разве что одна тройка по русскому языку, и та по глупости. По собственному решению поступила в Красноярский пединститут на факультет математики и черчения. Преподаватели в университете были замечательными. В свободное время не подрабатывала, да и возможности тогда не было. В общежитии не жила. Время от времени с группой ходили в театр, в кино, а после обсуждали увиденное. Выезды в колхоз были, возили на грузовой машине, работали с картошкой, свеклой, зерном. Иногда, как альтернативный вариант, занимались продажей книг или

работали на элеваторах.

Школьная педагогическая практика проходила в селе Шалоболино Курагинского района и в дневное, и в вечернее время. Вспоминает, что часто приходилось обучать людей, старше, чем она сама.

После окончания университета, в 1962 году, по распределению преподавала на кафедре математического анализа физико-математического факультета в течение 19 лет сначала в пединституте, а потом, после преобразования в педуниверситете. Подрабатывала в филиале торгово-финансового института. Спустя некоторое время от пединститута дали квартиру. С 1981 по 2009 год преподавала на кафедре начальных классов.

Педагоги, по мнению Надежды Яковлевны, раньше были более трудолюбивыми, увлеченными своим делом, добросовестно выполняли его, а сейчас... часть преподавателей очень безответственна. Личное отношение к науке проявлялось в участии в конференциях. «Настоящих ученых по сравнению с советским временем, сейчас мало, — сетует Надежда Яковлевна, — много лжеучёных, без увлечения наукой». Студенты, с которыми она занималась, подготавливались неплохо, экзамены сдавали успешно. С целью помочь студентам ею были написаны и изданы две книги «В помощь изучающим высшую математику» и «Практикум по математике».

Говоря о студентах, отмечает, что с первым курсом сложно. «Из школы придут, весь год пытаются списывать, а уровень знаний, с которым они поступают, с каждым годом падает. И тем не менее молодежь сейчас более развитая, а вот знаний мало», считает Надежда Яковлевна.

Говоря о власти, вспоминает, что по общему настроению, Сталин был отцом для всех. Когда умер, все были удрученены и плакали. Остальные ничем приметным не отличались. В партии Надежда Яковлевна не состояла.

За время преподавания дважды повышала квалификацию: первый раз, в 1973 году, в Ленинграде, второй раз, в 1984 году, в Москве. В Ленинграде пробыла три месяца, в Москве — четыре. За время пребывания культурно просвещалась, посещала музеи, театры, достопримечательности. Чтобы попасть в Большой театр

или музей Ленина, приходилось вставать в 6 часов утра и идти занимать очередь.

Отношение к хрущёвскому периоду и развалу, со слов Надежды Яковлевны, как у всех, без крайностей. Конечно, жалко, но, быть может, это была необходимость. В демонстрациях принимала участие, как и все, поскольку это было обязательно. Работала агитатором в обязательном порядке, заставляли добиваться каждого голоса, отказ не принимали. Вспоминает, что люди не хотели голосовать, пока им не снесут деревянные дома. Каждый год какие-нибудь выборы да были.

В настоящий момент имеет троих детей и пятерых внуков. Старшая дочь — великолепный стоматолог, сын закончил факультет физики и черчения, а младшая дочь — факультет начальных классов.

При всей скромности Надежды Яковлевны, оказалось, что у неё есть серьёзное увлечение, целый фруктовый сад, в котором она вместе со своим мужем, выращивает разные ягоды и фрукты, среди которых можно встретить даже груши! (Примечание: компот Надежды Яковлевны был великолепен!).

Пожелание студентам: «Грызите гранит науки, без теории и практика мертвa! Учитесь и разбирайтесь во всём сами».

САЛАМАТОВА ТАМАРА ИВАНОВНА¹

Тамара Ивановна Саламатова родилась 28 мая 1933 г. Профессия – бухгалтер. С 1959 г. работала старшим бухгалтером КГПИ. На заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Тамара Ивановна Саламатова родилась 28 мая 1933 г. в деревне Макарово Дзержинского района Красноярского края. Родилась в большой семье, в которой было три сестры, два брата. Отец Горский Иван Андреевич был раскулачен, в 1937 году

¹ Интервью провели Тузова Дарина Александровна и Шупульник Станислав Геннадьевич, студенты 3 курса исторического факультета

осужден по статье 57, через 10 лет освободился, а в 1957 году вся семья была реабилитирована. До этого их считали врагами народа. Мать Александра Михайловна Макарова всю жизнь проработала для блага семьи, умерла в 1965 г.

В школу Тамара пошла в 6 лет. С детства любила играть со счетами, чем и был определен будущий выбор профессии. Но также много читала, всегда интересовалась историей. Училась средне, т. к. в эти годы шла Великая Отечественная война и все жили в тяжелых условиях. На уроках письма писали пером на любых листах, газетах. Была пионеркой, но в дальнейшем в партии не состояла, т. к. к тому времени их семью еще не реабилитировали. В 1949 году закончила 10 класс. После школы закончила курсы бухгалтерского учета и впоследствии переехала в Красноярск.

Начала работу по профессии бухгалтера в 1954 году в Красноярске в Детском доме инвалидов. Проработав там несколько лет, была переведена в Красноярский педагогический университет на должность старшего бухгалтера. При этом она сама сформировала отдел, помогала освоиться молодым специалистам, относилась к сотрудникам по-матерински. В целом, по профессии проработала 50 лет.

К Советской власти относится положительно, но жалеет, что нынешняя власть, а именно лидеры партий — Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский и т. д. — допустили в свое время приход предыдущих глав государства. С благодарностью относится к Б.Н. Ельцину за его преемника — В.В. Путина, который «выполняет свои обещания»: гарантированная заработная плата, ежемесячная выплата пенсии и т. д.

Тамара Ивановна постоянно ходит на выборы, голосует за В.В. Путина, в предыдущие годы за Д.А. Медведева, так как считает, что с ними государство стабильно.

Желает студентам относиться уважительней друг к другу, выучиться и работать по профессии, потому что считает Красноярский Педагогический университет им. В.П. Астафьева самым лучшим и престижным.

СКОВОРОДНИКОВА НАТАЛЬЯ ТРИФОНОВНА¹

Дата рождения: 1926 г. С 1961 г. – преподаватель кафедры английского языка КГПИ. С 1964 – старший преподаватель кафедры английского языка. С 1980 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Родилась 25 июля 1926 года, детство и юность провела в Китае. Там сперва училась в гимназии Достоевского. Любимыми предметами были английский язык, русский язык и литература. Из гимназии ее перевели в так называемый конвент (интернат). Это было закрытое учебное заведение, в котором все предметы вели монахини. (Наталья Трифоновна смеялась, когда рассказывала это.)

Ученикам не разрешалось разговаривать на русском языке, только по праздникам и в воскресенье. А разговаривали один день на английском, другой на французском. «Там я и научилась так болтать на английском, — говорит Наталья Трифоновна.

После гимназии там же в Китае она поступила в учительский институт, кстати, где встретила своего мужа. И вот после окончания его в 1954 году она поступила в Красноярский педагогический институт на факультет иностранного языка на заочное отделение. Была круглой отличницей и безумно любила учиться. В ее группе было 8 человек, выпустилось лишь пятеро: «Ну уж совсем не хотели учиться». После окончания сразу же пошла учителем в школу – на станции Енисей, в школу № 12. Там, конечно же, она набралась опыта в учении, приобрела навыки и умения работы с детьми.

Но потом ей пришлось перестраиваться, ведь преподавание в университете немного иная работа. В 1961 году начала работать на кафедре иностранных языков (заведующей кафедры была Панова) и проработала она в вузе 25 лет.

Первые шаги в преподавании требовали работы над собой, так как школа это

¹ Интервью провела Новикова Татьяна Борисовна студентка 3 курса исторического факультета

одно, университет — другое: «Диктант, студенты разговаривают и я начала их пересаживать, за разные партии, а они на меня смотрят и не пересаживаются». (смеется) Перестроение методов обучения было необходимо, но Наталья Трифоновна быстро со всем этим справилась, но строгость такая же, какая была в школе, осталась на всем пути преподавания. «Я была очень строгой, к моим занятиям всегда были все подготовленные. Да и сама я никогда не болела, может кто-то и мечтал об этом, но я даже если подхватила какую простуду, всегда на занятиях, всегда прихожу и работаю».

Но и над своими знаниями Наталья Трифоновна всегда работала: ездила в Нижний Новгород, Ленинград для повышения квалификации. Также разрабатывала свои методики преподавания определенных предметов, потому что никто не знал в то время, что вести и как вести.

А что касается науки? Она работала старшим преподавателем на кафедре иностранного языка. «Думала о том, чтобы защитить диссертацию, но ведь наука требует много времени. А разве у женщины оно есть? Домашние дела и т. д.». А вот муж Натальи Трифоновны защитил и кандидатскую, и докторскую в педагогическом университете, правда, на кафедре русского языка. Он даже был деканом этого факультета, а потом и проректором КГПУ. Сейчас он консультант в СФУ тоже на кафедре русского языка (филологический факультет). Когда я брала интервью, он тоже кого-то консультировал.

Что касается советских студентов и современных, говорит, что в СССР была дисциплина как в отношениях «преподаватель — студент» (никаких шуток и т. д.), так и на кафедрах: «Никто не смел позвонить заведующей в 8 вечера и спросить чей-нибудь номер телефона, не то, что сейчас».

Также Наталья Трифоновна занималась репетиторством, но самый дорогой для нее ученик — это ее внучка, которую она начала обучать английскому с ее третьего класса (когда она уже знала грамматику русского), и так же как бабушка, внучка очень любит английский язык.

Напоследок прозвучали пожелания студентам, и скорее всего они относились к студентам именно языковых факультетов — выполнять все

требования преподавателя и обратить внимание на изучение второго языка – он тоже очень важен.

СМИРНОВА АНАСТАСИЯ ЯКОВЛЕВНА¹

Многие годы А.Я. Смирнова проработала в университете техничкой. К работе всегда относилась ответственно и заслужила почет и уважение коллектива. Сейчас она на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева. Часто болеет, но старается не падать духом. У нее есть дети, внуки, которые навещают, помогают, чем могут, оказывают моральную поддержку. Долгих лет, счастья и самое главное здоровья вам, Анастасия Яковлевна!

— *Здравствуйте, Анастасия Яковлевна. Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов по поводу вашей жизни. Для начала, расскажите, пожалуйста, где и когда вы родились?*

— Я родилась в д. Талое Емельяновского района. 1.01.1927 г. У нас в семье было 4 детей: я, сестра и два брата.

— *Расскажите, как проходило Ваше детство?*

— Детство было хорошее, у меня только добрые воспоминания остались. У нас ведь семья была дружной, работящей; все поддерживали друг друга. До сих пор вспоминаю наши просторы, речку... Но повзросльть пришлось очень быстро, ведь в 1941 г. началась война. Отца и братьев забрали на фронт. Нам приходилось выполнять всю мужскую работу. Конечно, было тяжело, мы пилили дрова, «собирали колоски в поле», старались выполнить рабочую норму. Но несмотря на все тяготы, я смогла закончить семилетнюю школу.

— *Как жилось Вам в нелегкие военные годы?*

— Я уже говорила, что повзросльть пришлось очень рано. Когда мы остались одни (мужчин забрали на фронт), мы все же не падали духом, стремились выжить,

¹ Интервью провел Волков Евгений Игоревич, студент 3 курса исторического факультета.

хоть тяжело было, чего греха таить. Часто приходилось голодать, с питанием вообще было тяжело, хлеба не хватало, не говоря уже о другом. Жить в войну было очень трудно, в колхозе работали за трудодни, то есть бесплатно. Нас спасала корова, поэтому мы ее так берегли. Молоко иногда получалось обменивать на продукты: крупу, хлеб. Однажды я сильно простудилась и заболела, но старалась не обращать на это внимания. Хотелось помогать по работе матери, понимали, что отец с братьями на войне, надеяться не на кого... Нужно было жить, не отчаиваться. Кстати, отец с фронта так и не вернулся, а вот старший брат, несмотря на ранения, смог пройти до конца, вернулся с наградами.

— *Какие известия получали с фронта?*

— Отец писал очень редко, мама всегда переживала, боялась. А брат писал, но о трудности войны скрывал, не хотел нас волновать. Мы, конечно, понимали все это и очень радовались когда получали новое письмо. Мама хранила их в старой шкатулке... Надеялась, ждала, но судьба распорядилась иначе.

— *Какие были условия труда?*

— После похоронки на отца мама заболела. Груз забот лег на наши с сестрами плечи с удвоенной силой. Работали мы, как я уже говорила, наравне со взрослыми, правда, тогда в колхозе работали в основном женщины и подростки вроде меня. Но мы старались, не пропускали ни одного дня. Закончилась война, не много мужчин вернулись здоровыми, многие пришли раненые или искалеченные. Опять все трудности легли на наши плечи. Но ничего, справлялись потихоньку.

— *Чем Вам запомнился День Победы?*

— Это был, конечно, большой праздник для всех, мы радовались, но на душе все равно было тоскливо как-то. Отец ведь так и не вернулся. Одна отрада — старший брат вернулся с войны с ранением, с орденами. А на веселье особо не было ни времени, ни настроения, не ходила даже на вечеринки и гулянки. Это потом уже, когда уже жизнь немного улучшилась.

— *Но в послевоенное время жизнь все же начала налаживаться?*

— Начала, не сразу, конечно. Многие мужчины ведь с фронта так и не вернулись, а семьи у них остались... Я долгое время работала в колхозе дояркой.

До переезда в Красноярск я там так и работала. Лишь когда с мужем познакомилась, уже в город переехала. Здесь я почти сразу же устроилась на работу уборщицей в педагогический институт. Корпус, который на проспекте Мира, стал моим местом работы, именно там я начинала. Позднее его перенесли на другую улицу, Ады Лебедевой, но там я работала недолго. В основном мои рабочие воспоминания связаны именно с тем, который на Мира.

— *Вы имеете какие-нибудь государственные награды, поощрения?*

— Конечно! Уже в Красноярске мне присвоили звание ветерана труда. Грамоты давали... Раньше время другое было. Люди работали с каким-то воодушевлением, энтузиазмом что ли.

— *Как вы считаете, современное поколение сильно отличается от Вашего?*

Ой даже и не знаю что сказать... Хотя, знаешь, чего тут и говорить сейчас жить стало проще, ведь вы не испытали всего того, что пережили мы: война, разруха. Но раньше люди были другие, чуть добрее, внимательней. У нас, например, в деревне, помню, всегда стариков уважали, помогали, не важно родственник ты или нет. Мы сами, помню, когда в школе учились часто с ребятами ходили к старикам и помогали

по хозяйству: воду, дрова носили... Мы слыхом не слыхивали о наркотиках и прочих вещах, о которых сейчас так часто по телевизору говорят. Мы росли без излишеств, старались в первую очередь людьми стать, вели себя скромнее. Не было у нас того, что сейчас вы имеете, я имею в виду всяких там технических новшеств, не говоря уже об одежде, питании... Мы читать сильно любили, я часто ходила в библиотеку, книжки разные брала, ведь телевизоров довольно долго не было, но зато радио было. На танцы ходили по выходным. С выпивкой у нас всегда строго было. Не дай Бог, чтобы кто-то выпил, а тем более, напился в стельку — ты что, потом позору не оберешься... Старались работать и просто

достойно жить.

— *Напоследок хотелось спросить у вас, чего Вы бы пожелали себе и современному поколению – будущему нашей России?*

— Ой, сынок... Прежде всего, конечно, хочется, чтобы вы росли здоровыми, счастливыми. Не дай бог испытать вам того, чего нам пережить пришлось. Растите, радуйтесь жизни, учитесь - без образования тяжело сейчас. Родителей своих никогда не забывайте, ведь семья - это в жизни самое главное. Будет крепкая хорошая семья - будет из человека и толк в будущем. Это ведь поддержка моральная, любовь... «Крепкий тыл» значит, у нас так раньше говорили...

Ну а в остальном... Голова своя на плечах должна быть так скажу. Без царя в голове туда приходится; можно в компанию плохую угодить или еще чего худого заработать, а это пустое все, ненужное. Так что живите, учитесь пока, ну а дальше судьба покажет, главное, с правильного пути не свернуть и в любой ситуации человеком оставаться, как бы тяжело ни было.

ТУРОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ¹

Дата рождения: 14. 10.1932 г. С 1968 г. – старший преподаватель кафедры научного коммунизма КГПИ. С 1995 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Николай Иванович Туров родился 14 октября 1932 года на Западном Урале под г. Пермью в деревне Турово Большесосновского района.

Раннее детство проходило во время Великой Отечественной войны, поэтому было трудное, голодное. Особенno тяжелое и голодное время для Николая Ивановича с 5 по 7 класс. Ходил в школу в соседнюю деревню Большая Соснова по Казанскому тракту.

В это самое трудное время помогал Николаю Ивановичу его дядя. Вспоминает сейчас с благодарностью, что приходил к дяде, а тот давал ему всегда

¹ Интервью провели Павлюченко Александр Николаевич и Семенов Алексей Юрьевич, студенты 3 курса исторического факультета.

кусочек хлеба.

С весны 1941 года работал в колхозе, а именно, пас овец, коров и лошадей. Лошадей Николай Иванович очень любил, ему нравилось на них разъезжать. Деятельность в колхозе продолжалась до 1953 года.

В 1949 г. окончил среднюю школу с отличием. По мнению ветерана труда, учителя попались хорошие.

Николай Иванович рассказал интересную историю. В 1948 г. три школьника, в том числе и Туров, написали письмо в Москву о том, что голод и трудно жить. Тут же об этом письме узнали в НКВД и начали допытывать школьников, но за них заступились. Последствиями данного происшествия стало то, что дядю Николая Ивановича выгнали из состава бюро райкома, хотя тот и не знал о случившемся. А также было принято решение не пускать Николая Турова в университет, но и здесь пришли на помощь добрые люди.

Николай Иванович поступил в Пермяковский университет на юридический факультет; учился успешно – получал повышенную стипендию. Во время учебы в университете одновременно учился на военной кафедре и по окончании получил звание старшего лейтенанта. Окончил университет с красным дипломом.

По окончании учебы в университете послали в Красноярск в Краевую коллегию адвокатов. Здесь Туров проработал 7 лет с 1954 по 1961 год.

В 1961–1965 гг. работал старшим преподавателем на юридическом факультете в Красноярском государственном университете.

В 1965 году поступил в Московский университет на заочную форму обучения в аспирантуру. Но вскоре передумал и уехал обратно в Красноярск. И в этом же году поступил в аспирантуру на кафедру философии в КГПИ, где проучился 2,5 года.

С 1968 по 1995 год работал на кафедре научного коммунизма. В 1995 году кафедра развалилась с распадом СССР. И с этого же 1995 года Николай Иванович – пенсионер, дачник.

Заслуги: ветеран труда, труженик тыла, ветеран войны.

Мнение о студентах положительное. Николай Иванович принимал экзамен

по теории государства и права у двукратного олимпийского чемпиона по вольной борьбе Ивана Ярыгина.

Отношение к власти: переживает наследие Б.Н. Ельцина. Вообще, у Николая Ивановича Турова негативное отношение к первому президенту РФ Борису Николаевичу Ельцину. Также отрицательное отношение к тоталитарному режиму Сталина и к самому диктатору. Говорил нам, что Сталин несправедливый, ужасный. Здесь же упоминал и о Горбачеве, что он честный, пытался создать левую оппозиционную партию.

Николай Иванович о профессии: «Профессия педагога благородна – требует честности, ответственности, знаний».

Сообщает, что знал всех ректоров. Н.И. Туров считает, что порядочных и умных преподавателей больше. Также считает, что современная молодежь более раскованна и свободна.

Хобби было собирать афоризмы и крылатые выражения. Даже хотел выпустить свой сборник. Николай Иванович регулярно занимается зарядкой, бывали моменты и в 25 градусов мороза.

Пожелание современным студентам – учиться, развиваться, быть честными и квалифицированными специалистами.

УСЕНКО НИНА АЛЕКСАНДРОВНА¹

Дата рождения: 12.04.1941 г. В 1979–1985 гг. – ассистент кафедры теории и истории государства и права КГИ. С 1985 г. – старший преподаватель кафедры Отечественной истории КГПИ. С 1988 г. – старший преподаватель кафедры истории СССР. С 1992 г. – старший преподаватель кафедры Отечественной истории. С 2001 г. – старший преподаватель кафедры политологии и права. С 2001 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Нина Александровна Усенко родилась 12 апреля 1941 года. Детство было

¹ Коллективное интервью студентов 3 курса исторического факультета.

очень интересным. Родители в том же 1941 году попали в Эвенкию, Нине Александровне тогда было 8 месяцев. Там проходило детство, дружила со многими, это были очень талантливые люди. Там осталась очень хорошая подруга, она впоследствии закончила институт имени Герцена.

Поколение было воспитано на положительном отношении к труду, поэтому играть особо было некогда. Родители работали от зари до зари, а дети должны были сделать все домашние дела. Нина Александровна училась в Ванаварской средней школе, училась на «отлично». Любимым учителем была Стародубцева Тамара Петровна, преподаватель начальных классов. Это была первая учительница. Она была очень строгая, эталон подражания. Нина Александровна поэтому уже на тот момент задумывалась о педагогической деятельности. Закончила там 8 классов, а в 1955 году переехала на Ангару и там уже заканчивала 9–10 классы и тоже с отличием. В школе с удовольствием пребывала в пионерской организации, всегда активно работала. С 8 класса уже была пионервожатой.

В той школе, в которой Нина Александровна заканчивала 9–10 классы, она вспоминает учительницу иностранных языков Арефьеву Людмилу Петровну. Когда училась в 10 классе, не хватало учителей, и поэтому Нина Александровна, обучаясь в 10 классе, преподавала в школе русский язык и литературу, это были ее любимые предметы.

Книги — одно из самых любимых занятий, поэтому в детстве очень много читала. Благодаря своей начитанности сдала экзамен. Преподаватель настойчиво рекомендовала пойти в творческий кружок.

В самом начале, уехав от родителей из родной деревни, поступила на историко-филологический факультет Красноярского государственного педагогического института, как отличница была на доске почёта. Параллельно заканчивала медицинское училище по специальности «фельдшер-акушер». Проживала в студенческие годы в общежитии, на ул. Брянской, там была тоже очень интересная жизнь. Дом был далеко, возможности ездить домой не было, поэтому училась на «отлично» получала повышенную стипендию, летом работала в пионерском лагере. Если зарабатывала, то раз в год получалось съездить домой.

Как преподаватель Нина Александровна оценивает нынешних студентов, что они не такие, как прежде, раньше намного трудолюбивее были.

Замуж вышла очень рано, поэтому появились трудности в учебе. Из педагогического института была отчислена. Из-за «хрущёвской» пятилетки заслали на сельхозработы, там работали три месяца, было очень тяжело. Но после всего этого восстановилась в пединституте в совершенно новом качестве. По окончании вуза преподавать сюда пришла не как историк-филолог, а как юрист. На преподавательскую деятельность вывела не совсем прямая дорога. Так как у ней была сильная аллергия, то в 32 года поступила на юридический факультет и закончила его с отличием, имея уже двоих детей. Затем была приглашена в госуниверситет на ведущую кафедру отечественной истории, государства и права. Проработала там несколько лет.

К этому времени пединститут был преобразован в Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Впоследствии один знакомый переманил сюда, в вуз, в котором она получила первое высшее образование.

В педуниверситете Нина Александровна Усенко преподавала юридические дисциплины на кафедре отечественной истории 15 лет. Наукой как таковой не занималась, потому что на преподавательской работе нагрузка была очень большая. Ей поступало предложение поехать в Ленинградскую аспирантуру, но поскольку уже была семейной и имела двоих детей, не стала заниматься наукой, а только преподавательской деятельностью. Было очень много дипломных и курсовых работ, все, в основном, защищались на «отлично».

Восприняла изменения в стране в 90-е годы как и все советские люди: было не совсем приятно и радостно, до сих пор ностальгия по Советской власти. Было много хорошего, но так же и плохого, но воспоминания о положительных чертах того времени перекрывают отрицательные, так как уверенность в завтрашнем дне всегда была. Нина Александровна считает, что нынешняя власть стабильна и в этом её положительная черта. Всегда симпатизировала идее коммунистов и считала, что так будет всегда, но это не так. Особенно ее радует, что в последние

годы коммунисты опять потихоньку набирают силы. Несмотря на то что она на заслуженном отдыхе, Нина Александровна ведет большую общественную работу в Совете ветеранов КГПУ им. В.П. Астафьева.

ФИНОГЕНОВА ТАМАРА АЛЕКСАНДРОВНА¹

Дата рождения: 1.10.1928 г. С 1951 г. – ассистент кафедры английского языка. С 1962 г. – старший преподаватель кафедры английского языка. С 1981 г. – старший преподаватель кафедры английской филологии. С 1988 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева.

Тамара Александровна родилась 1 октября 1928 года в крохотной деревушке, в одну улицу, Новоселовского района Красноярского края, . Де расположенной на реке Чулым. До семи лет Тамара Александровна жила здесь у бабушки.

Детство Тамары Александровны нельзя назвать счастливым, мать не жила с девочкой. Родители разошлись, когда Тамара была совсем маленькой. Тамара Александровна отмечает, что ее отец был грамотным человеком, он закончил четыре класса приходской школы. Отец уехал жить в Красноярск и через некоторое время забрал дочь к себе. Жили они вместе с отцом в здании, напоминающем барак, отец снимал угол в этом здании на улице Перенсона. Но недолго она жила с отцом. Через некоторое время он отправил дочь к бабушке, но потом к ее счастью снова забрал к себе, но уже в новую семью, он женился на другой женщине, которая имела дочь. Великая Отечественная война не обошла семью Тамары Александровны, на фронт забрали отца. К счастью он вернулся с войны в сентябре 1945 года, имея незначительные ранения.

В новой семье Тамаре Александровне жилось очень плохо, и поэтому она рано ушла из дома и стала жить самостоятельно. Когда отец вернулся с войны, мать Тамары Александровны забрала ее жить к себе, и отец вернулся к матери

¹ Интервью брали Вавилова Юлия Сергеевна и Стрелкова Дарья Владимировна, студентки 3 курса исторического факультета.

Тамары Александровны.

Школа имела большое значение для Тамары Александровны. В первый класс она пошла в своей родной деревушке. В Красноярске Тамара Александровна сменила много школ, так как ее новая семья очень часто переезжала с квартиры на квартиру. В 15 лет Тамара Александровна пошла работать машинисткой по настоянию мачехи. Школу ей пришлось бросить школу, но ненадолго. Тамара Александровна рассказывает, что когда их переселяли в другое здание (там, где она работала), в их старое здание въезжала школа, и Тамара Александровна, увидя, как вносят школьные парты, поняла, что очень хочет учиться. Но с работы ее не отпускали, ей не выдавали ее документы. Но мир не без добрых людей, и Тамаре Александровне помогли забрать документы. Так она продолжила свою учебу в школе. Больше всего Тамара Александровна любила литературу и немецкий язык, училась она «отлично», все схватывала на лету, за что и получила прозвище «звездочка». В доме у Тамары Александровны не было ни одной книги. Она ходила в библиотеку, где погружалась в мир чтения. В свободное от учебы время Тамара Александровна подрабатывала.

Когда она училась в выпускном классе, по школе прошел слух о том, что открывается новый факультет иностранных языков в педагогическом институте. Для Тамары Александровны все было решено, она загорелась желанием поступить на этот факультет.

Вступительные экзамены Тамара Александровна сдала блестяще. Осуществилась ее мечта, она была зачислена на факультет иностранных языков. Одним из вступительных экзаменов была литература. Своим ответом на экзаменационный вопрос она поразила комиссию своей эрудированностью. После экзаменов члены комиссии порекомендовали ей поступить на филологический факультет. Но Тамара Александровна твердо для себя решила поступать только на факультет иностранных языков. С огромным желанием училась Тамара Александровна. И здесь прикрепилось за ней прозвище «наша звездочка». Любимым предметом для Тамары Александровны стала зарубежная литература, а вот педагогику она терпеть не могла, кто бы знал, что в будущем Тамара

Александровна будет блестящим преподавателем, которого будут любить студенты. Окончила институт Тамара Александровна с красным дипломом. Ее сразу же позвали работать на родном и горячо любимом ей факультете.

Работать Тамаре Александровне было очень интересно, она целиком отдавала себя работе, а ведь надо было успеть уделить время семье — мужу и двум сынишкам. Но будучи энергичным человеком, она везде успевала. По семейным обстоятельствам Тамара Александровна не смогла написать и защитить диссертацию, но она не унывала. Лишь иногда вспоминала об этом упущенном моменте. Тамара Александровна говорит, что ее жизнь украшает английский язык; она считает, что каждый интеллигентный человек должен знать его, так как человеку, знающему этот язык, открыты все пути.

Когда Тамара Александровна работала, она много путешествовала, ей удалось побывать в Америке, Англии, на Кубе, Румынии, Швеции и многих других странах. Некоторая трудность состояла в том, что Тамара Александровна не была членом партии и многие страны, в которых она хотела побывать, были для нее закрыты. На пенсию Тамара Александровна ушла в 1988 году. В памяти студентов она осталась жизнерадостным человеком, строгим, но справедливым преподавателем. Тамара Александровна никогда не ставила оценку просто так, она поощряла студентов, которые тянулись к знаниям.

В деятельности коммунистической партии Тамара Александровна отмечает как плюсы, так и минусы. Плюсом Тамара Александровна называет то, что именно коммунистическая партия дала возможность ей учиться, а к минусам относит то, что было невыносимо жить, постоянный контроль сверху, ее все время попрекали, что она не состояла в партии, платили нищенскую зарплату. Тамара Александровна помнит всех лидеров власти, но оценку им не стала давать...

ХОХЛОВА АЛЬБИНА ИВАНОВНА¹

Дата рождения: 01.01.1937 г. С 1971 г. – старший преподаватель кафедры химии. 1979 г. – защита кандидатской диссертации, присуждение степени кандидата химических наук. С 1981 по 2005 гг. – доцент кафедры химии. С 2005 г. – на заслуженном отдыхе, ветеран труда КГПУ им. В.П. Астафьева. Правительственные награды:

Отличник народного просвещения, Почетные нрамоты.

Я закончила в 1955 году Кызыльское педагогическое училище после семи классов школы, с отличием, и попала в число «пятипроцентников», т. е. получала право на двойное распределение. Также получила награждение в виде поездки в Москву на сельскохозяйственную выставку ВДНХ. Подала документы в МГУ, прошла собеседование, но денег на обучение в Москве не было. Пришлось вернуться. Когда была на Ачинском вокзале подумала, если сейчас билет на ближайший рейс будет до Красноярска, то буду поступать там в педагогический институт, а, если до Абакана, то поеду домой, работать.

И вот 8 августа я пришла подавать документы в приемную комиссию, хотя понимала, что уже поздно. Но меня все равно приняли на географо-биологический факультет.

Меня сразу назначили старостой. Пришлось, конечно, трудновато, так как я не знала иностранных языков, но ничего, потом вместе с подружками выучила английский язык.

Не сожалею, что сюда поступила. У нас были такие замечательные преподаватели, как например, Л.В. Чернышева — замечательный преподаватель. А как она рассказывала! Мы так заслушивались, что даже на лекциях забывали, что писывать надо.

Еще была преподаватель ботаники Е.М. Васильева — прямолинейная, «рубаха-парень» и просто отличная женщина.

¹ Интервью с А.И. Хохловой провели студенты 3 курса исторического факультета.

А профессор Черепнин приехал к нам с проверкой на практику. Потащил нас по лесам, по кочкам. Бежит вперед, мы уже устали, падаем, а он не замечаний нам не делает, не торопит. И вдруг кричит «Лежать всем!». Все легли, а он нашел пень и начал читать лекцию. Все полежали, отдохнули и опять побежали.

Еще хочу выделить А.Н. Фалалеева, он преподавал политэкономию, и Старжевского, преподавал психологию. Хорошо помню, начинается лекция и медленно-медленно по кабинету к кафедре, слегка похрамывая, движется «гора» и начинает с нами беседовать, время от времени снимая и одевая очки. Я всегда пыталась подражать этому преподавателю, но у меня так и не получилось. Но от него я усвоила, что никогда не надо спешить. И как для преподавателя, лучше всего, когда разбираешь материал, приводить примеры из собственной жизни.

Если говорить о студенческой жизни, то с того времени не сильно что-то изменилось. Также все учили, сдавали, на переменах за пирожками бегали, прогуливали лекции. Иногда сбегали с лекций, не поверите зачем. Чтобы в ЗАГСе зарегистрироваться! Я так за своего мужа замуж вышла! А еще спортом занимались: волейболом, баскетболом (наша команда второе место по городу занимала), также шили костюмы, устраивали танцы.

После школы работала в нашем университете. Первый год хотела вернуться обратно в школу, но потом привыкла. Просто в школе вокруг тебя постоянно ученики, ты им нужна. А в университете, лекцию отвела — одна, практику провела — одна.

Если сравнивать студентов моего времени и современных студентов, то можно сказать, что и у нас тогда, и у вас сейчас, разные цели, условия и возможности. Мы были более трудолюбивыми и, наверно, больше принимали ценности добра и дружбы. А сейчас на первом месте - деньги. Хотя у нас и были свои заботы, мне кажется, мы были более веселыми. А сейчас ни у студентов, ни у учеников нет такой искорки в глазах...

ОСМЫСЛИВАЯ ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ... (ИНТЕРВЬЮ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СОТРУДНИКОВ ВУЗА)

* * *

АРТЕМЬЕВ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ¹

Евгений Владимирович Артемьев, родился 8 марта 1966 года. Кандидат исторических наук, доцент исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева, Преподает археологию.

— *Расскажите, пожалуйста, где и как прошло Ваше детство.*

— Учился в 48-й школе города Красноярска. Как особенность советской школы могу отметить её фундаментальность. Это её сильная сторона. Слабая же сторона заключалась в отсутствии анализа. Хочу также отметить, что и в современной российской школе отсутствует как фундаментальность, так и зчатки аналитики.

Любимых и нелюбимых предметов у меня не было, были те, что давались

¹ Интервью провел Гришин Артем Александрович, студент 3 курса исторического факультета.

сравнительно легко, и те, что давались потяжелее. Тяжелее давались мне такие предметы, как химия, но сказать, что я их не любил, было бы неправдой. В советское время отношение к этим предметам было другое, они рассматривались как необходимые, нужные людям.

— *Досуг в школьные годы?*

— Был октябренком, пионером. Но в то время в этих организациях состояли все. Много читал, считаю, что любой человек должен читать, ведь благодаря чтению нравственно формируется человек. Вообще, в те годы читали практически все.

— *Спорт в Вашей жизни?*

— Занимался лёгкой атлетикой, одно время даже был кандидатом в члены юношеской сборной СССР. Когда в Советском Союзе был бум восточных единоборств, занимался карате, но недолго. Очень любил играть в волейбол и баскетбол.

— *После школы как жизнь сложилась?*

— После школы поступил в КГПИ, на исторический факультет. На третьем курсе меня призвали в ряды Советской Армии, раньше ведь отсрочек не было. После демобилизации восстановился, но на заочном отделении. По окончании какое-то время работал в школе. Потом поступил в аспирантуру.

— *Евгений Владимирович, расскажите о студенческих годах.*

— Участвовал в КВН, в археологических раскопках, ведь я приобщился к археологии в 11 лет. Мне иногда говорят, что сегодняшние студенты стали хуже. Я с этим КОТЕГОРИЧЕСКИ не согласен, просто они другие. Поменялось экономическое, социальное, информационное пространство, появился Интернет, ведь в годы моего студенчества нам приходилось много времени просиживать в библиотеках. О чем я нисколько не жалею.

— *Как сложилась трудовая деятельность?*

— Преподаю в вузе. Защитил кандидатскую в 1996 году. Был деканом исторического факультета с 2006 года.

— *Ваше отношение к власти и лидерам страны на разных этапах жизни?*

- А какое это имеет значение?
- *Как вы восприняли изменения в 90-е годы?*
- Очень негативно воспринял.
- *Наука в советское время и сейчас?*
- Я не могу сказать, что наука стала хуже. Но то, что творится сейчас, это совсем не то, что нужно как ученым, так и стране. Те финансы, что выделяются на научную деятельность, явно недостаточны.
- *Отношение к людям науки.*
- Так как я сам ученый, то не могу дать объективную оценку. Не буду же я оценивать сам себя.
- *Мнение об исторической науке.*
- Как история была главной среди наук, так она и останется. История – это по сути своей – изложение всего социального опыта человечества.
- *Отношение к студенческой жизни.*
- А какое у меня может быть к ней отношение? Как она была, так она и останется, и никуда от нее не денешься.
- *Пожелание студентам, молодым ученым.*
- Оставаться собой.

БУЛАНКОВ ВАСИЛИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ¹

Василий Валерьевич Буланков, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Исполняющий обязанности декана исторического факультета, личность среди студентов-историков легендарная. Общий любимец по причине уважительного отношения к студентам, по вхождению в их проблемы и нужды, за тонкий юмор и увлеченность историей.

¹ Интервью провела Троянова Александра Андреевна, студентка 3 курса исторического факультета.

— *Год Вашего рождения?*

— Я родился в 1960 году.

— *Где Вы родились?*

— Город Искитим Новосибирской области.

— *Василий Валерьевич, расскажите про детство, учёбу в школе?*

— Всё было очень плохо, ужасно, я ненавидел школу. С 1 класса я был против системы и выступал за соблюдение прав человека.

— *Откуда в первом классе вы знали про права человека?*

— Поверила! (Смеётся). Я шучу. Учился в Красноярске-26, нынешний Железногорск. Из нашей параллели у 2/3 родители были военными, поэтому это определило нашу дисциплинированность. Мы все подчинялись беспрекословно, тоталитаризм давал о себе знать. «Милитаристская муштра»...

Что касается методик преподавания, они не были сильно интересными. Система была жесткой и эффективной. Немецкий язык я как выучил за 5–7 классы, так этого мне хватило впоследствии и на вуз, и на учёбу в аспирантуре. Был высокий уровень подготовки по всем учебным предметам.

— *У Вас были любимые предметы?*

— Химию любил, а вот физику и математику нет...

— *Любимые преподаватели?*

— Да, ... учитель литературы Валентина Геннадиевна Казанцева.

— *За какие качества Вы её любили?*

— За очень интересные уроки, дискуссии. Литература – это же не просто пролог, эпилог, содержание... Она была профессионалом.

Мы очень много читали, создавалось единое культурное пространство, все были примерно на одном уровне. Мы могли цитировать Ильфа и Петрова целыми кусками... Это не то, что сейчас. И в свободное время мы читали книги.

— *А какую литературу Вы читали? Где брали книги?*

— И в библиотеки ходили, и менялись. Читали всё подряд, Интернета ведь не было. И научную литературу, и художественную, и военную... Знали тактико-боевые характеристики всех немецких и советских самолётов... Была масса

энергии. Куда её девать? Это сейчас молодёжь с банкой пива на лавочке матом ругается... Читали и Большую Советскую Энциклопедию, и про военную технику, боевые тактики и пр.

— *Скажите, а пояснить содержание или какие-то детали Вам не нужно было? Это же очень специфическая литература.. Вы не спрашивали взрослых?*

— Нет, нам всё было понятно.

— *А кроме книг, были источники знаний? Может быть, встречи с какими-то людьми?*

— Каждый год дежурные встречи с ветеранами...

— *Вы занимались спортом?*

— Боксом, 2 недели. Потом, после удара, у меня упало немного зрения, и я его оставил. Ну и, конечно, лёгкая атлетика, лыжи зимой, велосипед.

— *Для себя? Непрофессионально?*

— По лёгкой атлетике был 1-й юношеский разряд..

— *Вы состояли в общественные организации?*

— В то время все где-то состояли: пионерские, комсомольские организации, затем КПСС. Собрания какие-то формальные проводили, костры, походы. Через комсомольскую организацию можно было выбраться куда-то вперёд...

Позже я испытал в студенчестве страшное отчуждение к комсомольской организации. Партия ведь основана на идеологических началах – чтобы всем было хорошо. А параллельно с этим я увидел, что люди, работающие в партии, совсем не ценят эти идеалы. Идут по головам. Партия готовит карьеристов... Конечно, были наивные молодцы, которые своим трудом, достижениями добивались определённой высоты и верили, что можно продвинуться дальше. Однако по настоящему ценились такие качества, как гибкость спины, умение угодить начальству, цинизм им не был чужд... Да это, наверное, везде так... (задумался). О чём это я?

— *О двойственности общественных организаций.*

— Да, карьеристов они готовили. Сейчас вот видишь (тот же жест) «сиди я открою», там должность занимают, там пост...

— Значит, Вы не были активистом, старостой в классе?

— Состоял в комитете комсомола школы.

— Есть ли разница между студентами в советское время и в настоящее?

Кто выигрывает?

— Да никто не выигрывает... Всегда есть те, кто отлично учится, читает. Кто хорошо, и так... «Сиди, я сам открою» (стук по столу). Единственное, сейчас студенты более раскрепощённые стали, могут вот в сланцах в университет прийти или в плавках. Дыры в ушах сделать. Зачем только они?

Мы изучали сугубо историю, а сейчас вы изучаете много этих всяких курсов... лишних дисциплин. Информатика, психология. Хотя программа была примерно одинаковая, даже немного глубже...

— *Как началась трудовая деятельность?*

— После защиты диплома, научным руководителем был Михаил Борисович Шейнфельд, получил приглашение от (самой!!!) Болтинской Людмилы Венедиктовны работать на кафедре отечественной истории. Это было очень престижно в то время. Наука на истфаке была на другом уровне, нежели сейчас.

— *Ваше отношение к науке?*

Сейчас многие показатели формализованы.

— *Какое, на Ваш взгляд, место истории в общественном сознании?*

Интересный вопрос. На самом деле оно очень большое, носит сакральный характер. История — это своеобразный ориентир человека в окружающем мире. Однако сейчас история больше используется как набор фактов для доказательства чего-либо.

— *Какие интересные истории с Вами случались?*

— В школе в параллельных классах учились с Шаталиным, бас-гитаристом группы «Алиса», даже дрались как-то. А однажды, как-то в студенчестве с Борей Дроздовым, Сергеем Степановым, Юрием Фалалеевым проплыли по Енисею от острова Отдыха до Ковы, а потом 8 дней добирались обратно.

— *Что пожелаете молодому поколению, студентам?*

— Творческих успехов!

БЫКОНЯ ГЕННАДИЙ ФЕДОРОВИЧ¹

Геннадий Федорович Быконя, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории КГПУ им. В.П. Астафьева. Это человек энциклопедических знаний, замечательный специалист по истории Древней Руси (т.н. «периода феодализма»), выдающийся историк-сибиревед и краевед.

Я родился 1 марта 1941 года, в деревне Малая Камарчага Манского района Красноярского края. Мне не было еще и года, и мама вместе с нами переехала в районный центр. Потому что старшему брату нужно было идти в школу. В деревнях были только начальные классы, малокомплектные школы.

— *Вы помните годы войны?*

— Шел довоенный год, когда я родился, прошло всего несколько месяцев и началась война. В это время папа был на сборах и его отправили на фронт.

Война началась, и мама (скоро в школу идти) считала, что надо ехать туда, где школа, а тут корова ногу сломала. Ее зарезали, и мама удачно распродала мясо (пошла волна переселенцев-эвакуированных).

Самые ранние воспоминания: мать вместе с нами переехала в районный центр и купила рубленный дом конца XVIII века (но это я уже узнал потом), там была огромная русская печь, а сверху была лежанка, там я спал. Дом был еще срубленный топором, крыльца не было уже, сожгли. Дом был запущенный, но еще крепкий. Наша мама два раза в неделю пекла хлеб и калачи. Купила также поросенка и телочку.

Отец в это время был уже на сборах на Байкале. Их мобилизовали. И мама бегала на станцию и смотрела на поезда, ехавшие оттуда, чтобы хотя бы увидеть

¹ Интервью взяла Свирина Дарья Викторовна, студентка 3 курса исторического факультета.

папу. Говорила, что видела.

— *Кто из Ваших родственников участвовал в войне?*

— Отец. Он вернулся в 43-м. Из госпиталя. Он был связистом. Вот однажды попал на мину и осколки попали в руку. Её хотели ампутировать, отец отказался, даже писал расписку о том, что он снимает ответственность с врачей за последствия. Потом он сделал станочек, отбивал азбуку Морзе и тренировал руку, разрабатывал ее. И меня учил. Но я уже не помню ничего.

Дядя Ваня, младший брат отца, вернулся офицером — лейтенантом. Он подарил мне фонарик трехцветный. Со стороны мамы семеро дядей участвовало. Вернулись дядя Саша, дядя Толя, дядя Леша, дядя Федя. Трое пропали без вести. До войны они как раз только 9 классов закончили, им было по 16–18 лет, а пошли добровольцами. Их отправили в училище и обучали около полугода, а потом отправляли на фронт.

— *Когда началась война, Вы были очень малы. С возрастом начинали ощущать ее?*

— Первое, что я запомнил, это как вернулся с госпиталя мой отец. Я лежал на печке, зима была. Однажды рано утром, когда я спал, услышал где-то рядом, неподалеку с собой, возгласы и всхлипы, свесив голову, увидел как заходит в дом высокий дядька с сигаретой. Это был отец и я его только тогда впервые и увидел, ведь когда он ушел на войну, мне было всего два месяца. Я сначала страшно испугался, даже запласал, спрятался, потом высунулся, особенно, когда он начал меня выуживать. «Выудил» с печки, прижал к себе, помню, как щетина его кололась.

После войны дяди стали возвращаться с фронта и заезжали к нам, мама была нянькой им. Все это мне запомнилось подарками. Помню, что дядя Толя подарил мне конфету в обертке. Я этот момент сам помню, еще и по рассказам. В руках было что-то такое блестящее и необычное, я стал рассматривать и крутить. Дядя маме говорит: «Посмотри, он же не знает, что это конфета».

— *Были ли у Вас игрушки? Ваши любимые игры и занятия?*

— Не помню особо. У меня их не было. Вот у сестры были. В садик я не

ходил, хотя они были. Мама тогда еще не работала, позже она пошла работать, когда сестра младшая подросла. Игры были: «Зоска» (кусочек свинца плоский и к нему лохмашку привяжешь, надо напинывать ее), лапту очень любили, простенок, «чика», как мы ее называли (бьешь в стенку монетой, кто следующий бьет, он должен так ударить, чтобы она упала рядом, если я дотянулся до нее, то она моя).

Очень любили играть в «городки». Помимо городков, мне нравилась еще стрельба. Поступив учиться, я начал в Красноярске ходить в тир и там стрелять. Занимался этим позднее в университете. Вы знаете я КМС (кандидат в мастера спорта) по стрельбе, чемпион вуза. Был тогда очень меток, выбивал девяносто девять из ста. Где-то у меня были сохранены мишени, но со временем были потеряны. И хорошо кидал гранату. В армии очень хорошо стрелял, однажды кинул гранату дальше всех, за что мне отменили все внеурочные наряды которые к тому времени уже появились (улыбается).

— *Папа присыпал что-нибудь с фронта?*

— Папа присыпал. Я смутно помню, что были какие-то письма. Вот эти солдатские треугольники. Я содержания не знаю. Письма лежали в комоде. Нам туда запрещалось лазить.

— *Папа рассказывал Вам о войне?*

— Он редко это делал, тяжело вспоминать. Помню, рассказывал, что попали они в сгоревшую деревню, полевая кухня запаздывала (осень 41-го), рвали колосья и ели зерно, картошку выкапывали, где была посажена. Раз удалось помыться в русской печке. В полный рост не вытягивались. Стояли в Калининских лагерях. Командир Березин (его именем сейчас улица названа в нашем городе). Помнил, как нескольких расстреляли за трусость, за то, что хотели отступить. Папа уважал очень сильно своего капитана.

— *Какие трудности были после войны?*

— Детство было тяжелое, ничего не было, все время был голоден! Кушали мы саранку («дикий лук»), собирали и пекли из нее лепешки. Мы, молодые, шли в лес, выкапывали саранку, она имеет мучнистый корень. Только она вылезет из земли, тогда надо ее выкапывать, луковица полная, чем больше растет, тем

больше она истощается. Мы ее заготавливали котомками. Мама разбавляла ее с мукой и пекла лепешки. Много ее съесть нельзя было, бывали случаи, что ребята переедали ее и им становилось плохо.

Из рогаток стреляли по дроздам. Опять же в лесу. Даже иногда сорок ели, сусликов. Но это не дома. Это так сказать нелегально. Первый набег мы делали на дроздинные яйца, варили их. Но мы всегда оставляли в гнезде 1 яйцо, иначе мамка-дроздиха их бросит гнездо и не даст потомство, а так она еще снесет. А второй набег делали на молодняк, кто еще не успел вылететь из гнезда, мы их ловили, ощипывали и жарили. И это была очень вкусная вещь. Ну и грибы, и ягоды. Черемуху ведрами заготавливали, мололи на мельнице. Мама потом готовила пироги.

В детстве мы ходили далеко в лес, ловили бурундуков, сусликов. Стреляли по ним из рогатки. Потом выделявали шкурки и продавали их за сорок копеек, на них мы покупали порох для отцовского ружья. Сейчас я думаю, вот зачем же мы их убивали. Мы заготавливали саранку, черемуху. Мама сушила последнюю на продажу и для себя. Лес и поле кормили, безусловно.

Были у меня и друзья. Мы дружили улицами, играли в лапту в школе, драк у нас не было. Младшие подражали старшим. Я во всем копировал своего старшего брата Александра. Он был физиком, ушел из жизни в 43 года. Мы оба в детстве переболели воспалением легких. Это дало о себе знать.

Моя старшая сестра была моей нянькой, она же была и моим образцом. Никого не боялся, у нас были уважительные отношения в семье!

Трудности были разные. Для меня огорчением было, что мне обновок никогда не доставалось. Старший брат аккуратно носил вещи. Мама была хорошей мастерицей, она все для нас шила сама.

— *Помните День Победы?*

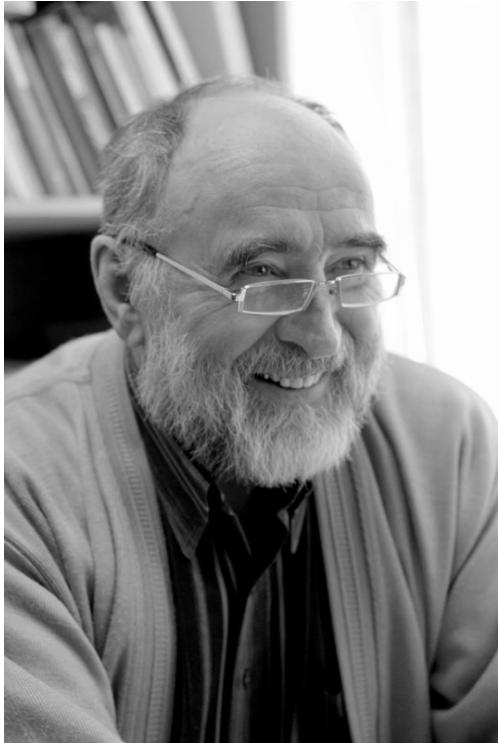
— Нет. Мне 4 года было... Нет, не отложилось в памяти. Был бы я школьником, я бы запомнил. Вот мои старшие сестра и брат, они помнят.

— *Как в Вашей семье праздновался этот праздник?*

Отец всегда надевал китель, все награды (медаль «За отвагу» и другие) —

только на праздники. Хорошо помню, как однажды к нам приехал его однополчанин. Вроде Островков, с юга нашего края. Он приехал с двумя сыновьями. Помню, нам дали денег: мы пошли и купили морсу, в кинотеатр сходили. Отцы нас друг другу представили и побратали. Я действительно, помню, какое-то теплое чувство к этим ребятам. Но с тех пор я больше их не видел.

— *Как Вы росли, как вас воспитывали?*

— В труде и только в труде. Я становился старше, и необходимо было работать. Как вы знаете, в деревне очень много работы: мы с мамой и со старшим братом садили картофель, окучивали и потом уже выкапывали. Оставалось всегда только несколько дней для своих занятий: обычно мы с соседскими ребятами играли в городки, все у нас было самодельное, из палочек мы делали, сами.

Также начиналось время сенокоса, происходило все это в поле, далековато от дома. Я и мой старший брат Саша оставались в поле и ночевали там, работали с рассвета до заката без отдыха, так как у нас не было вредных привычек, мы были очень выносливыми. Мама приходила к нам редко, так как не любила оставаться в поле, да и наша сестренка только подрастала. Мы и подрабатывали, делая то же самое за деньги другим людям. Детство мое было рабочим! Но, конечно, были и радости...

После полевых работ проходила заготовка дров. Это было в конце июня — начале июля. Пилили двуручной пилой, кололи дрова, к зиме свозили во двор, складывали в поленицы; заготовка дров тоже серьезная работа.

Вот когда был перерыв, наступали те заветные несколько дней, когда можно было заняться своими делами!

В нашей семье царили патриархальные отношения. В детстве в нас было все

заложено.

Мечта нашей мамы – «Выучить детей». Она говорила: «Не закончил институт — не женись». Но, конечно, это правило мы нарушили (улыбается). Мама наша была неграмотной, она с трудом могла поставить подпись. Однако была талантливейшим человеком от природы и обязательно хотела дать своим детям высшее образование – «путевку в жизнь». Читать и писать научил меня папа. Я быстро схватил эту грамотешку и стал отвоевывать место учащегося у старших брата и сестры. Мне казалось, что в доме вокруг тех, кто учится, какая-то особенная атмосфера, и я старался изо всех сил.

— *Расскажите, как Вы учились?*

— Любовь к истории у меня с детства, я научился читать в четыре с половиной года, отвоевал место за столом, где старшие брат и сестра учили уроки. И читал книги, в основном они были по истории, «Букварь», «Азбука», «Начало истории нашей Родины». В шесть лет пошел в школу, но пошел туда так. Выбежав однажды осенью во двор, я обнаружил, что моих товарищей нет. Спросил, у их мам, они оказались в школе. Ну и я побежал, зашел в класс и сел за парту. Так я проучился полгода, потом, когда выставляли оценки за четверть, оказалось, что я учился, а в списках меня не было. Конечно, я расстроился и пришлось идти папе в школу и договариваться. В общем, меня зачислили.

В 1957 году я окончил Шалинскую среднюю школу. Сначала я поступал в политехнический институт, отдал документы и не прошел, не хватило мест. Работать не брали. Работал лаборантом в физическом кабинете в школе. Но потом случилась незатейливая история с моим поступлением, в то время когда я не прошел. Но как-то осенью мне прислали из этого университета телеграмму, что я должен срочно выехать и начать сдавать сессию. Но почтовые ящики в то время были открытые, и почтальон, сбросил телеграмму туда, она выпала через щель на землю, ее завалило снегом. Нашел я ее только весной, но было уже поздно...

Так я и проработал в школе год, затем ушел в армию на три года. А когда вернулся, поступил в Красноярский государственный педагогический институт на историко-филологический факультет, после которого была заочная аспирантура..

Когда учился экзамены сдавал только на одни пятерки, чтобы получать повышенную стипендию и как-то существовать. Родителям было тяжело нам помогать, приходилось самому стараться. Мой отец потом вспоминал, говоря, что мое образование им обошлось дешевле всех (улыбается)...

ВДОВИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ¹

Александр Сергеевич Вдовин, историограф археологии, краевед, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КГПУ им. В.П. Астафьева.

Родился в городе Красноярск в Покровке. Его папа работал геологом. Заканчивал геологический факультет в Европейской части России, по распределению попал в Красноярск. В детстве играл в районе современной Взлетки, улицы Партизана Железняка и медицинской академии. Первые познания в области техники проходили на Взлете, т. к. здесь было много самолетов. В районе, где проживала семья Вдовиных, находилась медакадемия и аэропорт. Около школы был техникум пищевой промышленности и ученики мечтали учиться на врачей и пилотов.

На выбор увлечений вначале сильно влиял отец. Он работал геологом, очень редко был дома. С детства юный Саша хотел поехать с ним в геологическую экспедицию, но его не брали в силу возраста.

Учился Александр Сергеевич в 66-й школе, где учились, дети летчиков и геологов. Одним из любимых предметов была математика. Еще больше любил географию. К 8 классу ходили в пещеры и на Столбы. Когда учился в 8 классе, преподавательница сказала, что больше ничего не может дать по географии

¹ Интервью взяли Лапунова Елена Валерьевна и Третьякова Татьяна Александровна студентки 3 курса исторического факультета.

Красноярского края. Рассказала, что в педагогическом институте открывается археологический кружок, и Александр Сергеевич с друзьями начали посещать его. А вышло так, что в 1977 г. археолог Николай Иванович Дроздов организовал кружок, а затем и летний лагерь «Юный археолог Красноярского края». Так, с 1977 года А.С. Вдовин увлекся археологией и решил поступать на исторический факультет, но из-за незнания языков он не смог поступить в КГПИ.

На следующий год, в 1978-м, поступил на исторический факультет в Кемеровский пединститут. Учиться и нравилось, и давалось очень легко: в течение 5 лет все сессии сдавал досрочно, т. к. ездил на раскопки.

К минусам образования в СССР относит наличие предмета по истории КПСС — ее было слишком много. Плюс Кемеровского исторического факультета в том, что в нем с III курса усиленно изучалась такая дисциплина, как музейное дело.

Со стройотрядом был один раз в ГДР, всю работу запланированную на 6 недель, сделали за 4. Две недели ездили по ГДР на заработанные деньги. В колхозы на работы не ездил, т. к. в это время был на археологических раскопках. Из-за плохого зрения не взяли служить в армию.

После окончания университета предложили остаться в Кемерово, но А.С. Вдовин отказался, т. к. к тому времени обзавелся семьей и двумя детьми и жить в общежитии не захотел. По распределению попал в Новокузнецк и 2 года проработал там. Но в Новокузнецке не решил жилищную проблему и вернулся в Красноярск.

Больше 10 лет работал с детьми в детских лагерях, занимался с ними краеведением и археологией. Научный руководитель Н.И. Дроздов предложил поступить в аспирантуру. Защитил диссертацию по археологии Красноярского края. С 2000 по 2007 год работал директором библиотеки КГПУ им. В.П. Астафьева. С 2000 года работает и на истфаке нашего вуза.

ГЕНДИН АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВИЧ¹

Александр Моисеевич Гендин, доктор философских наук, профессор, заведующий общеуниверситетской кафедрой философии и социологии, родился 30 марта 1930 года в г. Минске.

Ко времени начала войны семья Александра Моисеевича, мама, папа и младшая сестра, жила на окраине г. Калинино Максатинского района Калининской области. Александр Моисеевич встретил войну в 11 лет.

— *Как Вы узнали о войне?*

— По радио объявили, что в 12 часов будет важное сообщение, выступал Молотов. Объявили о начавшейся войне с Германией. Сначала мне показалось, что война закончится через две недели, а я так и не успею повоевать, что меня раздосадовало. Но посмотрев на лица взрослых, понял, что дело куда более серьезней.

До этого были сообщения ТАСС, в которых опровергались слухи о возможном начале войны. И сообщение Молотова было громом среди ясного неба.

— *Кто из Ваших родственников был участником войны?*

Мои родственники, оставшиеся в Белоруссии, все были расстреляны. На войну ушли мама как медицинский работник, двоюродный брат, два дяди, оба ленинградцы, блокадники, один погиб, другой был ранен.

Мама с самого начала войны была мобилизована, а после войны была уже в звании майора медицинской службы. Несмотря на то, что она была по

¹ Интервью брала Свирина Дарья Викторовна, студентка 3 курса исторического факультета.

специальности акушером-гинекологом, ей приходилось делать множество операций. Мама была не курящая, но там она курила, т. к. была большая вероятность заражения крови. Тем самым она защищала себя.

— *Вы были эвакуированы из Калинино? Как протекала Ваша жизнь в новых местах?*

— Калинино был взят 16 сентября, но в начале сентября мы были эвакуированы в Чкаловскую область (сейчас Оренбургская область). Отец как агроном был мобилизован для восстановления сельского хозяйства. Он пристроил меня и сестренку в хате какой-то женщины. Там я пошел в 4 класс. Проучился 2—3 недели, и отец перевез нас в другую деревню, что ближе к месту его работы. Там он тоже нас оставил на женщину, муж которой был на фронте. Она вскоре заболела, отец редко приезжал, и я полностью вел хозяйство: доил корову, выгонял корову и козу, встречал их. Стал учиться в этой деревне. По современным понятиям, школа была малокомплектной: два преподавателя, уроки велись одновременно у 4 и 2 классов. Нигде не приходилось учиться так усердно — спрашивали на каждом уроке. Потом мы переехали в поселок, где был госпиталь, в котором служила мама.

— *Вы вернулись обратно в Калинино?*

— Да. Был уже 43 год. Город был освобожден. У многих разбомбили дома, и им некуда было возвращаться. Поэтому вернувшихся было очень мало. Наша улица сохранилась. Стекол не было, мосты взорваны, ни одного предприятия. Несмотря на это, школа была готова принять учащихся.

После освобождения Калинино фронтовая линия была сдвинута, она проходила возле Ржева. С обеих сторон под Ржевом погибло около миллиона человек. Это единственное место, куда Сталин выезжал на фронт. Одновременно с ним на другой стороне был Гитлер. Это стало известно только после войны,

секретность была повышенная.

— *Какой эпизод войны Вам запомнился?*

— В один из солнечных ясных июльских дней 41-го по радио объявили воздушную тревогу, завыли серены. Над нашей окраиной пролетал полк фашистских самолетов. Когда говорят о немецком порядке, я всегда вспоминаю этот полк. 27 самолетов, как на параде, летели ровным треугольником, и он делился на три части — треугольники, и каждый треугольник делился еще на три треугольника. По теперешним моим представлениям, летели 1500 метров над землей. Стоял мощный гул. У немцев была хорошая разведка, и они, видимо знали, что зенитных батарей на другом конце города не было (был военный аэродром, и там при налетах звучали зенитные выстрелы), поэтому тут можно было пролететь свободно. Мы, пацаны, стреляли по ним из рогаток и кулаками грозили. Видимо, они потом встретились с истребителями и летели бомбить Москву, выбрав безопасный для себя путь.

— *Вы играли в какие-нибудь игры?*

— В моем возрасте я уже не интересовался игрушками. Я считаю, что в 13 лет я стал взрослым человеком. Мне надо было отвечать за себя и сестру. Мое мировоззрение с тех пор мало изменилось.

— *Как Вы узнали о Победе?*

— Узнали мы еще раньше, чем объявили о параде — раздавались выстрелы. Мы помогали военруку в обустройстве кабинета и притаскивали все, что могли: оружие наше и немецкое трофейное, снаряды. В них было много зарядов. И мы отметили победу фейерверком. В городе было всеобщее ликование.

ГРИГОРЬЕВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ¹

Андрей Александрович Григорьев, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, родился в Красноярске в

¹ Коллективное интервью студентов 3 курса исторического факультета.

1958 году. Его сфера научных интересов одна из самых сложных и важных в обучении будущих историков: он преподает историографию и источниковедение истории. Студенты ценят Андрея Александровича за блестящий ум, широту кругозора и увлеченность любимой наукой.

Отец Александр Андреевич Григорьев, родом из Красноярска, мама, Агриппина Куприяновна Григорьева, родом из Забайкалья, из старообрядческой семьи. Оба работали связистами на железной дороге, всю жизнь. Отец закончил пищевой техникум, но, год проработав на комбинате, оставил его и ушёл на железную дорогу.

Дедушка по материнской линии был директором станции. В годы гражданской войны был красным партизаном, Из за травмы руки, полученной в той войне, его не взяли на фронт в период Великой Отечественной войны. Потом он работал на железной дороге. Бабушка была домохозяйкой.

Дедушка по отцовской линии работал сначала маляром, а затем на железной дороге вместе с бабушкой. «Братьев, сестер нет, я один рос в семье», — сожалеет Андрей Александрович.

Учился и закончил Красноярскую школу № 83, которая находится на проспекте Свободном, там учился с 1 по 10 класс. Учебу закончил с четверками, никаких медалей не было. Любимые предметы, гуманитарные, прежде всего история. Но как ни странно на всевозможные школьные разных уровней олимпиады его отправляли по географии. Нелюбимая — математика.

Запомнился учитель по биологии, («имя и фамилию я, к сожалению, запамятаовал»), предмет относился к нелюбимым, но этот преподаватель совсем поменял представление об учёбе. У неё учились самые закоренелые двоечники! По литературе хороший учитель Богодарова Т.Л., по истории — Бартушская И.Л.

Общение с друзьями по школе прервалось. «Единственная одноклассница, про которую я знаю, сейчас работает стюардессой», — с грустью отмечает он.

Андрей Александрович вспоминает наиболее памятные занятия и увлечения

за пределами школы, как сложилась жизнь после школы. «Спортом я не занимался практически совсем, а вот читать я любил, как говорится, «в запой». Самые любимые книги в детстве — приключенческие. Поскольку в те времена с книгами было тяжело, на продаже были только труды классиков марксизма и прочие книги генеральных секретарей, то можно было взять книги в районной библиотеке. Друзья, знакомые родителей приносили книги. Помню, книгу А. Дюма я прочитал благодаря тому, что её принесла подруга матери. Книги дома были, но их было немного, семья как-никак была рабочая, поэтому изначально книг было немного. Но потом уже стали покупать, в качестве подарков, в частности, на день рождения мне дарили книги.

Во дворе, с друзьями мы играли в войну и футбол. Повторюсь, но и с друзьями вне школы, с которыми провел детство, также потерял связь.

В первый же год после школы я поступил в институт. В армию я «не ходил». Конкурс, кстати, был приличный тогда, 5 человек на место. Я не выбирал педагогическое образование, я выбирал исторический факультет. Но в Красноярске исторический факультет был только в педагогическом институте. А ближайший университет был в Томске, но как-то я побоялся ехать в другой город.

Родителям в первую очередь понравился тот факт, что я получил высшее образование. Я был первым в нашей семье учителем, по родне у нас их прежде не было.

В институте первый поразивший меня преподаватель была Людмила Венидиктовна Болтинская. Это человек, у которой было высшее «ленинградское образование»! Мне повезло и с такими преподавателями, как Людмила Александровна Шаферова, Самуил Ильич Кангун, Александр Иванович Панкратов и многими другими.

Краевая библиотека была для меня вторым домом. А спрос с нас тогда был настоящий; выгоняли без проблем, с первого курса исключение за неуспеваемость доходило до половины. Бывало и меньше.

Жил дома. Но многие наши ребята жили в общежитии, я их бывало посещал там. У нас был студенческий театр эстрадных миниатюр. Я пытался стать актером,

принимали туда всех, участвовали мы в разных концертах. Не то что «хочу, не хочу», но надо было участвовать в общественных мероприятиях обязательно. Была у нас добровольная народная дружина (ДНД), мы патрулировали по вечерам по городским улицам.

Дипломную работу сейчас пишут все. А раньше допускали писать только отличников, дипломная работа отменяла экзамен. А кто не писал диплом, те сдавали экзамены. Я писал. Диплом защитил на «отлично», но у нас редко были «4» по той причине, что писали диплом только лучшие из лучших, троешникам даже не предлагали.

Институт я закончил с красным дипломом. Но после окончания института «поплыл по течению». Вообще до IV курса я не думал, что будет дальше, а вот тогда задумался. Мы в то время должны были ехать по распределению в село. И поскольку я был отличником, то имел право выбрать первым. Но школ Красноярска в том списке не было. Только районы. Я посмотрел, вроде, Балахтинский район близко, его я и выбрал. Не подумав об одной элементарной вещи, как туда добираться, железной дороги туда не было и нет до сих пор, только автобусом. Но тогда ещё были и самолёты, но они летали туда, только, если соберется нужное количество пассажиров.

Когда я приехал в Балахтинский район, меня отправили в деревню Тюльково. Название деревни меня напугало, я подумал было, что это «сельхозная дыра», но оказалось, что Тюльково довольно крупное село. Там в каждой семье был мотоцикл, машины, правда, редко у кого были; это уже считалось роскошью.

Начал работать в школе, но сначала сказалось отсутствие опыта. Практика в институте что-то дала, но, конечно, это была еще не работа. А тут настоящая учительская работа. И первый год был чрезвычайно сложным, главное, с методикой было плохо. У деревенских ребят, другой мир, сложно было к нему приспособиться. Что хорошо, то мне там судьба подарила замечательный педколлектив! Дружеские отношения у нас были со всеми преподавателями. Когда, бывало, и на рыбалку ездили вместе, и в тайгу. Собирались вместе и так просто, чтобы пообщаться. Конечно, там я «надопускал» уйму педагогических

ошибок! Сейчас уже понимаю, то нельзя было делать, так нельзя было делать, нужно было сделать по другому...

Главной ошибкой была попытка внедрить вузовский принцип и методы обучения. В школе этого делать нельзя. Вуз и школа — это разные вещи, совершенно. В шоковое состояние всех я ввел буквально в первый же день работы, когда поставил двойку круглой отличнице. Мало того, она была дочерью учителя школы. За все время, доучившись до 10 класса, у неё не было ни одной «2», а я ей поставил, и это был шок для всей школы.

В деревне я проработал один год, потом уехал в город. В Красноярске сменил ещё две школы. Сначала была школа для трудновоспитуемых. Потом был лицей. И вот, после 3-х лет, «положенных» в те годы для «отработки» молодому специалисту в школе, я поступил учиться в аспирантуру.

Тема моей диссертации была «Историография вооруженных восстаний в Сибири в 1905 году». Сначала я хотел писать просто про сибирские вооруженные восстания, но оказалось, что таких диссертаций писано-переписано, и ничего нового сказать про них почти было уже нельзя. И тогда я решил перевести тему в историографию. И это при том, что историографию я вообще в институте не любил и мне пришлось принять неизбежное...

История для меня — потрясающая наука, но я бы сейчас ее уже не выбрал, по той причине, что она малодоходная и не слишком востребована в обществе. Хотя в 1980-е годы она была очень сильно востребована в СССР.

На мой взгляд, разницы между студентами сейчас и тогда нет, просто сейчас студенты намного информированнее, у них более широкий кругозор, другие ориентиры в жизни и т. д. Так же как и сейчас, были студенты, которые учились на «5», и были те, которым лишь бы поставили «3». Что тогда было, что сейчас, всё одно и то же. Отличия, конечно, есть, но, на мой взгляд, они не слишком велики.

В период детства и юношества была мощнейшая пропаганда власти. Из лидеров больше всего запомнился, конечно-же, Ю.В. Андропов. Запомнился потому, что с приходом его к власти у многих были надежды, что он наведет

порядок в стране. Горбачёв действительно пытался внести какие-то изменения, улучшить социализм.

Первоначально я был сторонником Б. Ельцина, но потом разочаровался в нем. Вообще, в те годы я очень активно занимался политической жизнью, даже состоял в партии, в качестве делегата ездил на съезд партии в Москве.

Мои пожелания студентам: помнить, что будущее у них начинается сейчас, а молодым учёным — что будущее у них уже началось.

ГРИГОРЬЕВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ¹

Дмитрий Владимирович Григорьев, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории КГПУ им. В.П. Астафьева. Занимается археологией античных городов Причерноморья и Крыма, преподает историю Древнего мира, ведет факультатив по древнегреческому языку.

Из школьника, увлеченного историей и археологией, из студента, ежегодно выезжавшего в летние археологические экспедиции на Тамань, на раскопки древнегреческого города Фанагории, вырос замечательный ученый-антиковед.

— *Дмитрий Владимирович, прежде расскажите о том, как Вы встали на путь изучения Античности?*

— Прежде чем говорить о студенчестве, я хочу «помянуть добрым словом» свою школьную учительницу Люцию Абрамовну Литвинцеву, ныне директора Красноярской гимназии № 7. Она была моей учительницей истории и привила интерес к своему предмету, хотя он формировался и до этого, но фактически это был тот самый человек, который окончательно утвердил мою «историческую» направленность.

Благодаря ей я в 9 классе попал в археологическую экспедицию на раскопки крупного городища Фанагории (Тамань). Там же я познакомился с Соловьевым

¹ Интервью провел Дмитрий Бакшт, студент 4 курса исторического факультета.

Николаем Ивановичем, вторым человеком, который направил меня на путь исторической науки. Поэтому после окончания школы я знал, куда буду поступать.

Поскольку давно на факультете существовала летняя археологическая практика после I курса, то передо мной не стоял вопрос, куда я еду проходить эту практику. У нас существовал отряд Таманской археологической экспедиции, который ездил копать различные поселения, в основном Германассу на Тамани. Николай Иванович создал еще один небольшой отряд для участия в раскопках в Фанагории. Поэтому я уже знал место, куда мы поедем, людей, с которыми там буду сотрудничать, — другими словами, перед Николаем Ивановичем не стоял вопрос, брать меня или не брать. Уход в Античность у меня носил практический характер — непосредственное участие в археологических исследованиях древних городищ на территории нашей страны. Постепенно по мере дальнейшего движения этот характер укреплялся. После окончания института я работал в школе, и на некоторое время этот интерес у меня отошел на второй план, поскольку моя деятельность не была связана с преподаванием в институте.

— *Как же Вы вернулись к исследованиям?*

— На очередном известном всем событии «Геродот», вечере встречи выпускников, я встретился с Н.И. Соловьевым. Поскольку на нем была большая нагрузка, то мне было предложено перейти из школы в КГПИ на должность ассистента и стать преподавателем. Взвесив все «за» и «против», принял решение перейти сюда. А в институте в связи с предметом и в связи с конкретными интересами вновь началось мое движение в сторону Античности.

Через год работы, съездив в командировку в Москву, встретился со своим будущим научным руководителем Кошеленко Геннадием Андреевичем. До недавнего времени он был заведующим отделом классической археологии в Институте археологии Академии наук, но в связи с почтенным возрастом он был вынужден отойти от административных дел. А сравнительно недавно стал членом-корреспондентом РАН, не говоря уже о том, что Геннадий Андреевич был членом различных зарубежных академий до того, как его признали на Родине. Он был не против того, чтобы я поступил в аспирантуру и проходил обучение.

Сначала был год стажировки, когда я включился в научную деятельность, заполнял некоторые пробелы в образовании узконаправленного характера. Еще через год я поступил на очную аспирантуру, через 3 года после нее защитил кандидатскую диссертацию и вернулся в Красноярск в качестве преподавателя. С тех пор непрерывно занимаюсь преподавательской деятельностью.

— *Сколько лет Вы проработали в школе?*

— В школе проработал год, по истечении которого Николай Иванович сделал мне предложение, от которого я не мог отказаться.

— *Школьный опыт пригодился в дальнейшем?*

— Да, безусловно. Опыт общения с детьми — это всегда полезно и интересно. На практике узнаешь, что могут дети воспринимать из материала, а что не могут, как их организовывать. Интересно выяснить, какие пробелы в образовании школьников вытекают в последующем в проблемы студентов начальных курсов. Пусть мой опыт небольшой, но его достаточно, чтобы уже смотреть более грамотно на действия студентов на педагогической практике, которой мне приходится периодически руководить. Потому считаю, что для тех, кто хочет связать себя с образовательной областью, школьный опыт полезен независимо от его продолжительности.

К тому же в школе мне «посчастливилось» работать с т.н. «классами выравнивания». Это было в начале 90-х годов какое-то поветрие — по нашим школам делить детей по степени обучаемости и отношения к учебе, то есть достаточно сильные и средние — одна категория. Другая категория — либо «педагогически запущенные», либо просто двоечники. Максимум учащихся в классах второй категории — 15–20 человек.

Как молодой специалист я не имел возможности выступить против коллектива, чтобы пояснить, что не очень удачен сам подбор. С этой идеей было вообще сложно бороться, т. к. она воплощалась на уровне государства. Вся штука была в том, что с ними невозможно было ввести какую-либо конкретную методику. Один из навыков, который нужно было применять, — это элементарно осваивать навык чтения, поскольку половина класса читала очень медленно. А было несколько ребят, которые бегло читали, которые, может быть, и не были плохо обучаемыми, просто у них были

проблемы с поведением. Не знаю, какова была судьба такого подхода, поскольку сменил род деятельности.

— *После Москвы Вы вернулись все-таки в Сибирь. Наверное, тяжело было молодому специалисту-«античнику» начинать?*

— Это, безусловно, учитывая, что в Сибири памятников Античности не было никогда, потому и материала не было.

По поводу применения слова «античник». Был у нас в Советском Союзе такой видный исследователь, как В.Д. Блаватский, которого иногда считают основателем советской археологической антиковедческой школы. И когда он слышал слово «античник», то говорил ехидно: «Античник-птичник», признавая лишь слово «антиковед». По происхождению «античник» — слово какое-то странное, а вот «антиковед» — все понятно, чем человек занимается. Поэтому я с этих пор именно этим термином стал пользоваться.

Конечно, для человека, который занимается антиковедением за Уралом, очень важно поддерживать связи с основными наручными центрами: в первую очередь, Москвой и Санкт-Петербургом. Естественно, подобные условия усложняют работу, поскольку не всегда можно получить оперативно какую-либо информацию. Потому я всегда старался, за редкими исключениями, бывать на конференциях антиковедческой направленности для того, чтобы встречаться с коллегами, получать регулярно информацию и не отставать от того, что происходит в научном мире. Важны желание, старание и стремление продолжать работать, если диссертация защищалась не «для галочки».

Как известно, я принял «вахту» от Н.И. Соловьянова в руководстве полевыми экспедициями. И в 1998 г., набрав первую группу студентов-практикантов, я поехал на Тамань, где мы утвердились и с нами стали работать постоянно. И вот уже за второй десяток перевалило существование «крымского направления» в нашей археологической практике.

Пока существенными достижениями я похвастаться не могу, и этому есть объективные причины. Не каждый решится на такое сложное направление в научной деятельности: причинами служат упомянутая мной территориальная оторванность от

центров и определенная подготовка. Кроме того, придется пережить этап и бытовой неустроенности. Сейчас, на мой взгляд, молодежь ориентирована на то, чтобы получить успешность и признание, потому и стараются найти такие работы и специальности, которые позволяют приобрести материальный достаток. А научная деятельность, по крайней мере, на первых этапах, не сопряжена с каким-либо серьезным достатком. Очень много усилий нужно затратить, чтобы была отдача.

Горжусь тем, что у меня есть аспирант Артем Никулин, который занимается антиковедческой тематикой в области эллинизма (а не северо-причерноморской, как я). В силу разного рода обстоятельств он теперь тоже работает ассистентом на кафедре и ведет семинарские занятия. Замечу, что его жизненный путь напоминает мой собственный: сначала работал в школе (по-моему, даже на последних курсах, как и я) и под давлением жизненных обстоятельств он оказался на нашем факультете в качестве преподавателя.

В перспективе возможен через несколько лет еще один аспирант – Зайцев Дмитрий. Он уже определился в жизни, решил себя посвятить делу антиковедения, делая первые шаги в научной деятельности.

— *Каковы еще итоги экспедиции в Крым?*

— Результативность экспедиций — какие-либо открытия, находки. Здесь я хочу сказать, что за эти 11 лет существования крымского отряда мы участвовали в раскопках памятников порядка 5—6 объектов. По большей части, это крупные сельские усадьбы (которые частично могут быть признаны малыми городищами), а также оборонительные сооружения. Например, известный в антиковедении Узунларский вал, который очень масштабный, до 40 км длиной и пересекает весь Керченский полуостров.

Иногда участвовали в этих экспедициях ребята, имеющие опыт в экспедициях других научных направлений, и у них была возможность сравнить, и некоторые

иногда закреплялись в нашем отряде. После I курса редко кто определяется (да и сложно это) с какими-то конкретными интересами даже в рамках студенческой жизни — написать ту же курсовую работу. Поэтому, прибыв в экспедицию, студенты не знают, как работать с этим материалом, и я не всегда людей наталкиваю на какие-то мысли и идеи. Сначала надо на человека посмотреть, насколько он в состоянии жить и работать в таких сложных условиях: жаркий климат, полуночные условия быта не каждому привычны. Когда видно, что человека физическая работа не сломала и нет какой-то неприязни, то можно пытаться с ним разговаривать и развивать интерес, особенно, если они спрашивают и интересуются какими-либо вещами, связанными с антиковедением.

— *Олимпиады по Античности, ставшие уже традицией на факультете, помогают для привлечения молодого поколения?*

— В общем, да. Как правило, в командах участвуют студенты, проявляющие интерес к этому историческому периоду. Бывало такое, что хотя бы один человек заинтересовался и на следующий год приходит писать курсовую работу. И часть из них едет в экспедицию, чтобы воочию увидеть «кусочек» этой Античности.

Впервые задумка эта появилась еще до меня. Был у нас раньше «светлый период», когда у нас на факультете преподавал латынь для всех студентов, увлекающийся свое время антиковедением и участвовавший в экспедиции на Тамань Игорь Геннадьевич Федоров. Он вместе с Н.И. Соловьевым организовал первую олимпиаду. Но она была внутри факультета.

Через некоторое время, в 2000 г., я взялся возобновить факультетскую олимпиаду. А поскольку с 1999 г. я начал работать по совместительству в КГУ (ныне СФУ) с появившимися там историками, возникла идея межвузовской олимпиады. Года три-четыре назад я реализовал и эту идею: были команды от истфака КГПУ, СФУ и филиала КГПУ в городе Ачинске (где также преподаю). Неплохо все получилось, и я решил совершенствовать это направление и в дальнейшем. В дальнейшем удалось привлечь еще одну команду из педагогического колледжа Красноярска. В последних двух олимпиадах побеждали представители СФУ.

— *Большое спасибо, Дмитрий Владимирович за информативный разговор.*

ЗАИКА АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ¹

Александр Леонидович Заика, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, директор музея археологии и этнографии КГПУ им. В.П. Астафьева. Во время экспедиций работал в Эвенкии, на Ангаре, в Хакасии, Туве, на Алтае, Монголии, Южной Корее. Приоритетное направление научных изысканий — древнее наскальное искусство Сибири, Дальнего Востока и районов пантеона Тихого океана. Участник международной экспедиции Федора Конюхова «Великий шелковый путь».

Родился в 1963 году в пос. Каймановка Уссурийского района Приморского края. Учился я в пяти школах. В Приморском крае закончил 2 класса. С 3 класса далее в трех школах, здесь, в крае — в Рыбинском, Ужурском, Новоселовском районах. Сложно это все... Любимыми предметами в школе были история, география, изобразительное искусство.

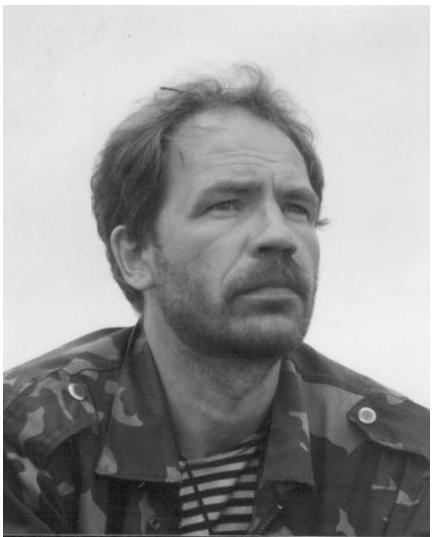
Когда я заканчивал Светлолобовскую школу Новоселовского района, приехал к нам в деревню молодой специалист после института Снопков Валерий Алексеевич, в 1974 году. Это был не только замечательный учитель. Но он тогда впервые показал нам археологические находки. Сибирские и античные артефакты, как говорил, подъемный материал. Он еще будучи студентом часто ездил в экспедиции, здесь в Хакасии и в Тамани, на Черное море. Рассказывал нам о них, а мы, раскрыв рот, слушали. И это меня все очень заинтересовало. И если я до этого сомневался в том, чем заняться в жизни — то ли рисованием, то ли путешествиями, — то теперь все это сходилось в одном — в археологию!

Путешествия, рисование, история — «три в одном». И тогда я для себя поставил цель, которую в принципе благополучно осуществил в моей профессии, когдa все «три

¹ Интервью провели Дуванова Елена и Федченко Кристина, студентки 3 курса исторического факультета.

в одном» соединились. Ну это все влияние Валерия Алексеевича. У нас был в школе кабинет, куда он выставил всякие находки.

С В.А. Снопковым я побывал уже в школе в реальной экспедиции — Ленинградской, которая проводила раскопки у нас в крае. Копали курган, и тогда я уже утвердился конкретно в этом отношении, заодно познакомился со многими видными учеными, которые до сих пор еще трудятся и с которыми продолжаю сохранять добрые отношения.

После окончания школы я неудачно пытался поступить на истфак в институт. Потом ушел в армию. Там мне давали справку о поступлении в любой вуз страны за хорошую службу, но потом я «залетел на гауптвахту», и вот всех этих «регалий лишили»...

После «дембеля» поступил учиться без всяких льгот в пединститут на физмат. Там два года отучился, потом перешел туда и одновременно работать. Летом выезжал в экспедиции нашего пединститута. Там познакомился с Н.И. Дроздовым, В.П. Леонтьевым и с другими товарищами. Уже будучи студентом физмата летом выезжал на Ангару. С физмата меня долго не отпускали, там цеплялись очень сильно за парней, тем более после армии. Тогда в армию же забирали с института и мало кто уже назад возвращался. Ну я там правдами—неправдами стал работать со своими одногруппниками. И так с работы, на работу и перешел уже сюда — в лабораторию археологии истфака. Потом заочно поступил на истфак, благополучно его закончил.

Отношение к работе настоящее, когда оно увлеченное. Есть хорошая поговорка: «Не зная прошлого, нельзя идти в будущее», ну и еще, «Все новое — это хорошо забытое старое». И многие моменты нашей истории бывшей, нынешней и также будущей — они повторяются. Тем более, на уровне развития общества. Потому, чтобы не наступать в который раз на одни и те же грабли, нужно знать не только ближайшую историю, но и более древнюю.

Ну и археология помогает еще где-то человеку как таковому определиться не

только, как использовать какие-то забытые технологии, но и более глубоко понять мировоззренческие основы нашего общества, какие-то приоритеты в духовной культуре, которые в принципе-то и ориентируют ту или иную общность людей.

Есть еще пословица,озвучная с той, что я еще сказал: «Народ, не помнящий свою историю, уподобляется сироте, не помнящему своего родства». Это вот как раз и отражает археологию. От этого происходит последнее – это и похабное отношение к памятникам, к истории культуры, это и усилившийся конфликт между отцами и детьми, и неуважение к старшим.

Студентам и молодым ученым желаю смело достичь своих целей. Главное не унывать и всего добиваться.

КАНГУН САМУИЛ ИЛЬИЧ¹

Самуил Ильич Кангун, 1938 года рождения, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, ветеран труда.

Более 20 лет Самуил Ильич был деканом исторического факультета, наставник многих поколений студентов-историков. Пользуется всеобщим уважением преподавателей и студентов, имеет негласный почетный титул «Легенда факультета».

— *Самуил Ильич, где проживала ваша семья во время ВОВ?*

— До войны моя семья проживала в городе Киеве, и когда началась война моего отца, он был учителем математики, в первый же день призвали в армию. По военной специальности он был сапером. И, видимо, повоевать ему удалось месяца два, потому что уже с 5 августа о нем в Управлении потерь Красной армии сведений не было. Мать и нас братьев, старшего и меня, успели из Киева эвакуировать. Мне 3 года было и поэтому, конечно, достаточно смутно помню некоторые вещи.

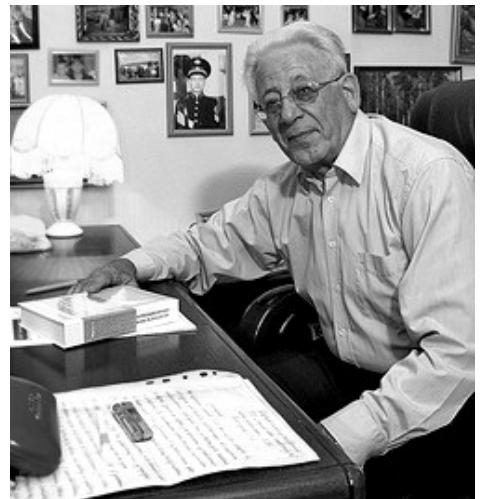
¹ Интервью проповели Барков Александр Викторович, Иконников Александр Геннадьевич, Беньковский Андрей Сергеевич, студенты 5 курса исторического факультета.

Помню, тащились на поезде в теплушках через всю страну, пока не довезли нас до... такой посёлочек Гузар Кашкадарьинской области Узбекской ССР. Единственно, чем может быть примечательно это место - в начале войны там стояла польская армия Андерса, которая потом ушла в Иран, не захотела с нами сотрудничать. Запомнилось, может, потому, что в этом поселке мать моя была и моя тетя была с братом двоюродным, который на год старше меня. Благодаря им, собственно, и остались живы, потому что мать до войны специальности не имела, — двое детей... А тетка была квалифицированным бухгалтером, и ей сразу нашлась работа и, собственно говоря, ей мы обязаны тем, что остались живы — и её сын, и я. Вот. Мать потом устроилась кухонной работницей на кухню, где питались солдаты этой польской армии Андерса.

Жили мы в каком-то глинобитном домике: знаете, рубленая солома смешивается с навозом и потом из всего этого лепится избушка, которую я в детстве, помню, чуть не спалил: потому что видел люди курят и решил тоже. Свернул что-то из ваты, видимо, вот и попробовал покурить, видимо, голова у меня закружилась, я упал и, наверное, сознание потерял. Слава богу, что ничего не зажглось при этом.

И как мы с такими же пацанятами, как и я, собирали в пустыне черепашьи яйца. И если удавалось их найти, то это было лакомство! Видимо, и ферма там была. Потому что, помню, привезли им жмых — такие вот зеленоватые плитки — для коров. И мы, пацанва малая, таскали эти плитки, и нам они казались вкуснейшим лакомством, хотя сразу слюна зеленая становилась.

Вот там мы были до 1945 года. Значит, брат мой двоюродный был старше меня на год. А там была только начальная школа, и поэтому мой старший брат жил отдельно от нас — в областном центре, где была семилетка. А я, когда старший двоюродный брат пошел в школу, вместе с ним, конечно, приперся туда. Ну учительница посмотрела на меня, вздохнула, дала какой-то листочек, карандаш

и посадила на заднюю парту. Я там сидел и изображал из себя ученика. Киев же был освобожден в конце 43 года, а в 1945 году стали возвращаться люди в Киев. Но, поскольку Киев был сильно разрушен, то возвращаться разрешалось только тем, на кого приходил вызов, т. е., если завод, фабрика или учреждение присыпали вызов на своего работника, это служило пропуском для того, чтобы вернуться обратно. Ну а поскольку отец у меня погиб в августе 41-го, присыпать вызов нам некому было. Пока не прислал такой вызов дядька — инженер-строитель, который работал в Кременчуге. Это километров 70 от Киева. Вот мы туда добрались, а дальше фактически подпольно на пароходе от Кременчуга до Киева добирались. Я помню, как мать нас все время загоняла вниз в трюм, боялась, что если будут на палубе проверять билеты, документы, то окажется, что мы нелегально в Киев едем. Когда вернулись, то оказалось, что та комната, которая была у нас до войны, занята уже, и год мы жили то у одной тетки, то у другой тетки, которые сами жили в достаточно стесненных условиях. Поэтому не очень довольны были этим. Но пока моя тетя, с которой были в эвакуации, не сказала: «Бедовали там и сейчас приходи ко мне». Комната у нее была 9 метров. И когда спать ложились, единственное место, которое для меня находилось, это под столом, потому что другого пространства уже, так сказать, не было.

Старший брат, он был старше меня на 9 лет, сразу пошел в автотранспортный техникум, потому что там давали общежитие и там стипендию получали. Чтобы, так сказать, легче было. Но, по обычаям того времени, мать писала во все инстанции, прежде всего любимому товарищу Сталину, и через год комнату нам все-таки вернули. И я помню, как занявший ее товарищ грозился, что чуть ли не пристрелит нас, если мы на пороге комнаты появимся. И сосед-подполковник у тетки одной жил. Тогда все-таки некоторое братство фронтовиков существовало, когда те, кто вернулся с войны, с сочувствием относились к тем, у кого отцы не вернулись. У него дочка была примерно моего возраста, мы часто вместе играли, и он смеялся, помню, что мне почему-то не удавалось слово «леопард» и я произносил «леопарад». Вот он надел свою форму военную со всеми регалиями, пистолетом и пошел с нами вселять нас в комнату.

В первую ночь у нас из всей мебели был один матрас, такой раньше был пружинный, и то прорванный. На нем мы все, так сказать, и улеглись. А потом мой старший брат неделю ходил в мастерскую, где перетягивают матрасы, неделю стоял в дверях и смотрел, как это делается. И через неделю сам перетянул, и появилась у нас, так сказать, первая мебель. Вот это вот все до 1945 года. В 1945 году мне надо было в школу идти, а школы только восстанавливались. Мест в русской школе не было, и я первый год учился в украинской школе. Потом это надолго въелось. Украинский язык изучался все годы обучения, и я помню, что даже, когда студентом стал, украинизмы типа «тудой» и «сюдой» у меня были в речи еще достаточно долго.

—При каких обстоятельствах вы узнали о начале войны?

— Я думаю, что мы вряд ли понимали тогда. Ну что в 3 года можно понимать? Единственное, что запомнилось, это когда мы успели чуть ли не в предпоследний эшелон сесть, видимо, настолько поспешными были сборы. Мать даже фотографию отца не успела взять, и была с нами только малосенькая такая фотокарточка. Мы ее долго уговаривали потом, когда стали постарше, отдать ее увеличить. Но мама боялась, что ее потеряют, и кончилось тем, что она действительно ее потеряла. Когда были уже там, в эвакуации, появились фильмы «В 6 часов вечера после войны» и другие, начало приходить осознание... да...!

Там же, кроме эвакуированных, были еще и местные жители, узбеки. И когда приходила похоронка, устраивали своеобразные поминки, варили плов и всем детям в ладошки по горсти насыпали его... и для нас это было реальное ощущение того, что идет война! В этом возрасте ведь было тяжело понимать, что такое война и чем она грозит...

— Из вашей семьи кто еще ушел на фронт?

— Да у нас больше некому было уходить, мне было 3 года, а брату 11. А так все мои двоюродные дядьки ушли фронт. Двое из них вернулись потом. Муж этой тёти, с которой я был в эвакуации, тоже погиб на войне... Двое вернулись, они были военными врачами, поэтому может быть уцелели.

— Самуил Ильич, вот вы говорили, что приходили в школу, а вы помните,

школа помогала фронту?

– Нет! Понимаешь, там школьников было мало, посёлочек такой, что даже на карте не найдёшь. Когда я стал взрослым, отчаянно хотелось съездить туда, посмотреть. Но как-то за всю жизнь не получилось туда выбраться... Там буквально несколько человек было в классе, поэтому у меня нет таких воспоминаний — чем помогала школа фронту. Помню, когда хлопок сеяли и хлопковая пыль везде была, в воздухе, мы не могли открыть глаза, потому что они были залеплены сплошной коростою. Такое впечатление, что корка на глазах. Её сдираешь, промываешь глаза. И как сезон начинался, так и постоянно повторялась процедура по освобождению глаз.

– *Вы помните своих одноклассников, учителей?*

– В Киеве конечно, я же там пошёл в первый класс.

– *А в эвакуации нет?*

– Нет, я же в эвакуации был приходящим слушателем. Старший брат пошёл в 1 класс, и я временами приходил с ним, когда некуда было податься. Чтоб я не мешал, учительница меня садила на заднюю парту

– *Вы помните, в какие игры тогда играли?*

– В какие игры? В футбол очень активно играли, причём играли чем попало. И когда брат на свою стипендию, которую он получил в техникуме, купил мне кирзовый мяч и подарил, то величайшее счастье было. Мы жили в Киеве на улице Кудрявская, это район деревянных домов. И рядом был ликероводочный завод, а ещё через несколько дворов, в годы войны, размещалась подпольная радиостанция какого-то видного известного подпольщика нашего в Киеве... И там улочка была тихая, и мы играли в футбол именно там... Помню, первое тяжкое горе, которое я пережил. Мимо шёл какой-то полупьяный взрослый парень и как саданул по мячу, что он забор перелетел, а сторож, паразит, нам этот мяч не вернул. Я, наверное, после этого, дня три рыдал, было тяжело в себя прийти, так как это был подарок брата.

Помню, была такая игра — пристеночки, знаете такую? Это когда монеткой об стену били. И нужно было ударить так, чтобы растяжкой достать эту монетку

от стены. А у меня старший брат собирал коллекцию монет... Не знаю, что бы случилось, если бы он узнал, что я петровский рубль проиграл из коллекции...

— *А вы помните о чём мечтали в годы войны?*

— Знаешь, я тебе скажу так, первые год-два, вечерами сидишь на подоконнике и думаешь, принесёт мать хлеба с работы или не принесёт. Это была единственная мечта в те годы. Дальше уже, когда я первый год отучился в украинской школе, потом перевёлся в русскую школу, то, наверное, как и все дети мечтал, чтобы отец вернулся. Тогда ещё бывало, что к некоторым возвращались пропавшие без вести отцы. Конечно, первые годы надеялся, что может случиться чудо и он тоже вернётся...

— *А Вы можете рассказать, как жилось Вашему брату в эвакуации?*

— Я говорил, что в нашем посёлке была только начальная школа, а один из родственников как раз в областном центре жил, не помню, кто он по специальности, но работа нашлась. У них двое своих детей было и Саша, брат, там у них закончил семилетку. В Киеве с отличием окончил техникум и его без экзаменов взяли в политехнический институт. Но тут военное министерство предложило ему на выбор любое военное училище и он выбрал танково-техническое, поскольку оно было в Киеве.

В его жизни был такой эпизод, когда он военный билет получал в училище, то в его метрике было написано не Саша, а Шура. И пришлось по суду доказывать, что Саша и Шура это одно и то же имя. Помню, мать ездила на этот суд как свидетель и огромную сумку грамот предъявила судье, на что она сказала: «Ну что ж Вы, мамаша, так неаккуратно эти грамоты носите». После окончания, по первой степени, он выбрал Калининград, и я после школы уехал к нему, он уже старлеем был.

— *А в годы эвакуации ему приходилось какую-то работу выполнять?*

— Ну а какую работу там могли выполнять мальчишки 14 лет?! Ему к началу войны было 12 лет. Наверное, то же самое, что делали школьники по всей стране — дежурили в госпиталях, выступали перед солдатами... Это, конечно, было для всех школьников! Причём нужно сказать, что в Узбекистане в то время было

гигантское движение, думаю, достаточно искреннее, по приюту детей-сирот, и в узбекских семьях жили сотни тысяч таких детей.

— *А какое материальное положение было у Вашей семьи в годы войны?* — О каком материальном положении можно говорить, если работы в этом посёлке не было! Хорошо, что хоть какая-то часть польской армии Андерса там стояла и мать пошла к ним работать посудомойкой. Помню, когда мы ехали обратно, мать насушила два мешка сухарей и выдавала нам по два в день. А жрать хотелось отчаянно, простите за выражение. Не есть, а жрать! Провертели дырку в одном из мешков и потихонечку таскали их оттуда.

— *А как Вы питались, одевались, обувались?*

— Я тебе, вообще, скажу так. До того, как я стал студентом, я не помню, чтобы мне хоть раз купили какой-нибудь, ну скажем, костюм. Первый костюм, значит, я купил, когда приехал на каникулы зимние после 1 курса, как раз получил повышенную стипендию. Мать повезла меня в универмаг, где работал дядька, и часа три мы искали костюм, который был самый дешевый, но в то же время достаточно приличным выглядел. Вот это был мой первый костюм.

— *А в годы войны?*

— А до этого донашивал то, что, так сказать, от двоюродных братьев осталось, они все старше меня были, а в годы войны я не помню. Да и не имело это никакого значения.

— *А если что?*

— Эх, если я говорю, что мы даже жмых этот таскали у коров, считали это величайшим лакомством и грызли, так сказать, то можно представить, чем и как мы тогда питались.

— *Что Вам известно о детских домах в годы войны?*

— Когда мы в Киеве уже учились в 55-й школе, там у нас в класс ходило несколько ребятишек из детского дома, с нами они учились, а потом возвращались после уроков в детский дом. И как-то они держались особняком, не особо шли с нами на контакты. Вот такое первое знакомство было. Знаешь, что характерно, после военных годов, конечно, положение семей не у всех было одинаковое; у

кого-то лучше было, у кого-то хуже. Когда, скажем, детвора 12–13-ти лет гуляла, мать кого-то звала и дома давала хлеб с повидлом. Так вот, никто не осмеливался выйти с этим куском на улицу. Вот все это было признаком всеобщего равенства, оно подчеркивалось, демонстрировалось. Если у тебя есть другие возможности, блага, просто считалось неприличным демонстрировать. Уже потом, попозже, конечно, разница эта стала сказываться больше.

— *А приходилось Вам участвовать в боевых действиях?*

— Уже после того как я отслужил срочную службу в армии, причем, когда я служил, то как раз вышло постановление Совета министров о том, что лица, призванные в армию после окончания вуза, могут сдать экзамены в армии на офицера запаса. И в том случае срок службы сокращается на год. Нас таких в дивизии оказалось 6 человек. Всего лишь мы месяца три ходили по четыре вечера

в неделю в штаб дивизии, где с нами проводили занятия по тактике и по прочим вещам. Сдали эти экзамены, и поэтому я не три года, а два служил. Правда, меня хотели в спортивную отдать, поскольку я тогда прилично бегал по первому разряду. Я руками и ногами от этого дела отбивался, и хорошо сделал, потому что иначе я бы и третий год сидел бы в этой спортивной. А потом, уже через 6 лет после того как я вернулся, и со своей родной танковой дивизией ходил в чехословацкий поход в 68-м году.

Целый месяц мы стояли на границе. Получилось так, что я попал в ту же дивизию, где проходил срочную службу. Дивизия была расформирована на две части: два полка быстрее перешли через границу, а остальные задержались. Двое суток без остановки наши танки шли через Польшу и ГДР. Представьте себе: глубокая ночь, узкие улицы европейских городов, вдоль улиц плотными рядами стоит местное население. И мы на этом фоне едем на танках с приличной скоростью — 50 километров в час. Иногда бывало, что танк не мог вписаться в поворот и сносил угол дома... Потом дивизию нашу остановили, мы стояли в

горах, где были очень узкие горные серпантини, на расстоянии 50 метров друг от друга. И просто палили в воздух. Напряжение, конечно, было очень большое. Когда мы заняли чешскую пограничную заставу Божий Дар, которую чехи просто бросили и ушли, никто не мог поверить, что это так. Целые сутки наши солдаты с миноискателями ползали по ней, пытаясь найти «сюрпризы». Отношения с местными жителями у нас, мягко говоря, были сложные, особенно с молодыми чехами. Те, кто постарше, еще помнили Великую Отечественную войну. Однажды разведка нашего полка улетела в Карловы Вары: там все стены и крыши были исписаны лозунгами типа «Ленин, встань, Брежнев с ума сошел». Я бы соврал, если бы стал утверждать, что в то время большинство людей не сомневалось в том, что мы все делаем правильно. Борьба за укрепление основ социализма, противостояние вводу американских войск... Только потом наступило отрезвление.

В армии есть такое движение взаимозаменяемости специалистов: механик танка может в случае чего заменить командира, а командир — сесть за рычаги. Вот такие «специалисты» зачастую приводили к жертвам. Однажды, когда шла колонна и танки замедляли ход, кто-то случайно попал между боевыми машинами. Тогда я первый раз увидел, как выпрыгивает из груди человеческое сердце. В Чехословакии было 600 тысяч войск. И, кроме наших, были еще венгры, болгары, поляки. Но таких вот боев, как в кино, не было. Были взрывы, бросались бутылки с зажигательной смесью, но больших столкновений не было.

— *Расскажите, Вы помните День Победы?*

— Да, конечно. В общем такое ощущение было, что все люди — братья. Все обнимались, плакали через одного, все, чем могли, угощали друг друга. То что было, вытащили на улицу. Все, конечно, знаете песню «Со слезами на глазах»? Самое удивительное то, что когда эта песня была написана, — ее запретили. Ее же не разрешали долго исполнять, и впервые ее исполнили в День милиции. Потому, что это за Победа со слезами на глазах и так далее? Это, действительно, было гак.

— *Самуил Ильич, сейчас в обществе отношение к службе достаточно «прохладное», но в Вашей биографии это важные страницы. Так?*

– Да, так. Я уже говорил, что в 1968 году как офицер запаса я был призван в чехословацкий поход на три с лишним месяца. Когда приехал в Красноярск и отправился в военкомат, чтобы встать на учет, то военком очень пристально рассматривал мой военный билет, где было написано, что я выполнял некое спецзадание. Он вертел его долго в руках и спросил: «Что это за спецзадание?» Пришлось объяснять, что защищал идеалы коммунизма в Чехословакии.

Помню, накануне чехословацких событий мы целый месяц стояли на границе. Получилось так, что я попал в ту же дивизию, где проходил срочную службу. Дивизия была расформирована на две части: два полка быстрее перешли через границу, а остальные задержались. Двое суток без остановки наши танки шли через Польшу и ГДР. Представьте себе: глубокая ночь, узкие улицы европейских городов, вдоль улиц плотными рядами стоит местное население. Иногда бывало, что танк не мог вписаться в поворот и сносил угол дома... Потом дивизию нашу остановили. Мы стояли в горах, где были очень узкие горные серпантини, на расстоянии 50 метров друг от друга. И просто палили в воздух. Напряжение, конечно, было очень большое. Когда мы заняли чешскую пограничную заставу Божий Дар, которую чехи просто бросили и ушли, никто не мог поверить, что это так. Целые сутки наши солдаты с миноискателями ползали по ней, пытаясь найти «сюрпризы».

Отношения с местными жителями у нас, мягко говоря, были сложные, особенно с молодыми чехами. Те, кто постарше, еще помнили Великую Отечественную войну. Однажды разведка нашего полка улетела в Карловы Вары. Там все стены и крыши были исписаны лозунгами, типа, «Ленин, встань, Брежнев с ума сошел». Я бы соврал, если бы стал утверждать, что в то время большинство людей не сомневалось в том, что мы все делаем правильно. Борьба за укрепление основ социализма, противостояние вводу американских войск... Только потом наступило отрезвление.

То, что Чехословакия заставила нас всех думать, это так. Когда мы вернулись оттуда, еще долго задумывались: что мы там делали и почему к нам так относились? Я помню, был такой эпизод. Приехали два офицера из Полтавского

училища. Был воскресный весенний день. Возле заставы стояла довольно большая толпа чехов – женщин и детей. И, мы офицеры, решили подойти поговорить с местным населением. Мы к ним, а они – от нас... В те годы – 70-е – то, что говорилось вслух, очень расходилось с тем, что было на самом деле. И эта разница между провозглашаемыми принципами и реальной действительностью все больше бросалась в глаза.

Наряду с Чехословакией, еще я побывал на больших военных учениях «Двина» в 1970 году. Несмотря на это в том же 1970 году защитил диссертацию и уехал в Красноярск, в педагогический институт.

— *Самуил Ильич, расскажите пожалуйста поподробнее, как Вы переехали жить и работать в Красноярск?*

— После защиты диссертации, в том же 70-м году я прошел по конкурсу на историко-филологическом факультете Красноярского пединститута и приехал из Калининграда в Красноярск.

Самолет приземлился в аэропорту «Емельяново» с опозданием. И поэтому я чуть не остался в этот день на улице ночевать. К счастью, нашлось место в общежитии на ул. Мира. Вскоре я уже читал первую лекцию. Вот так, сразу с корабля на бал... Год я прожил в этом общежитии, что было довольно забавно. Меня поселили в большую комнату на втором этаже, где стояли четыре пустые железные койки, из которых — одна моя. И всех, кто приезжал, в качестве нагрузки определяли ко мне в эту комнату. А однажды по поручению крайкома комсомола студенты пошли по общежитиям, чтобы выяснить, где и как кто живет. Среди них оказались ребята, которым я читаю лекции. Когда они увидели мою комнату, у них был вид, будто их по голове стукнули.

Вечером они устроили гигантский скандал в парткоме на тему «Куда вы нашего преподавателя засунули?!». В результате меня перевели в отдельную маленькую угловую комнатку размером всего 9 метров, на третьем этаже. Но беда была не в этом: на этаже жили одни девочки! И когда мне надо было выходить в коридор, я сначала долго не решался выйти за дверь. Долго стоял и ждал удобного момента. Дело в том, что девушки, когда живут сугубо женским коллективом,

немного расслабляются. По коридору они ходили, мягко говоря, не совсем одетые. Я сначала терпел, а потом все-таки как-то высказал свое мнение по этому поводу на курсе. Был большой рев, но потом девушки стали выходить в коридор в нормальном виде. Через год я поменял свою квартиру в Калининграде на Красноярск и уехал из общежития. С тех пор у меня все нормально, работаю и живу потихоньку.

Жена моя, Нина Петровна, всю жизнь проработала добросовестно и весьма успешно учителем истории и обществознания. Старший сын, Александр, закончил медицинский институт. Он очень хороший специалист, у него прекрасный диагностический дар. В свое время он даже пытался совмещать медицинскую деятельность и автомобильный бизнес. Младший сын, Евгений, получил высшее историко-психологическое образование. Учился здесь, у меня на факультете. Служил в воздушном десанте. Вообще, Евгений испробовал много профессий, работал даже санитаром. А потом, когда Александр стал развивать «Тойоту», потихоньку пришел к нему. Теперь он возглавляет свой автоцентр.

— Ваше отношение к людям, к жизни, Ваша увлечения, интересы?

— Наибольший интерес, даже круг моих интересов связан с современной историей. Но в той или иной степени он связан с самим преподаванием. Есть большой опыт, поэтому я с удовольствием принимаю участие во внедрении инноваций в педагогической деятельности. Все-таки я 18 лет был деканом факультета, не считая тех лет, которые я был заместителем. Считаю, что отработал по полной программе. Работать впосылы я не умею, думаю, что передал это качество и своим сыновьям: они такие же трудоголики, как и я.

Здесь очень хорошая кафедра, люди, работавшие здесь, оказали на меня большое влияние. Уже через семь месяцев меня пригласили на должность заместителя декана. Что касается моих научных интересов, меня всегда привлекали Великобритания и Ирландия. Наверное, сказался определенный романтизм, потому что тему я выбрал связанную с национально-освободительным рабочим движением. Тогда я был убежден, что у народа, который сам подвергался насилию, вырабатывается невосприимчивость к различным формам шовинизма и

национализма. На самом деле это далеко не так, что понимаешь только взрослея. Я передал это отношение к жизни и работе своим детям, что в первую очередь важно как определенная нравственная планка, ниже которой нельзя опускаться, иначе потеряешь свое Я.

Вообще, моя жизнь, биография связаны с тремя «К», с тремя городами. По рождению я – киевлянин. После школы я уехал в Калининград. С одной стороны, мне хотелось самостоятельности, с другой стороны, у меня там служил старшим лейтенантом брат, все-таки родная душа. В итоге из всех возможных вариантов я выбрал Калининград. С ним связаны пятнадцать лет моей жизни. Там я окончил институт с отличием, был секретарем комитета комсомола этого института. Там женился, потом родились мои дети. После моего отъезда моя супруга, как жена декабриста, последовала за мной в Сибирь, в Красноярск. Наверное, ничего необычного в моей биографии нет. После института я служил в армии: должен был служить три года, но службу сократили на год. Вернулся, поступил в аспирантуру Ленинградского герценовского института, попутно работая в школе.

У меня за плечами девять лет работы в школе. Три дня в неделю я учился, а три – преподавал. Очень хорошие у меня сложились отношения с ребятами. Когда я служил в армии, они написали письмо на имя командира моей части. Уж не знаю, что там было в письме, но мне дали отпуск на 10 суток. А служил я в Риге. Таким образом, мне удалось побывать на выпускном вечере моих ребятишек в школе.

Мое увлечение, автомобиль, хотя и сел за руль в 60 лет. Автомобиль позволяет раздвигать мир и дает новые ощущения, которых раньше не было. Помню, когда был на водительских курсах, то был один такой, который вообще не водил машину. Было много молодых, жены мужей, дети отцов, многие из которых водили, они пришли только за корочками. А мне нужно было именно учиться. Вот и научился. Живу далеко – в Академгородке. А до этого мы жили на Взлетке, поэтому, раньше, я машиной почти не пользовался, если проводил весь день в университете. Мне было быстрее пешком дойти, чем идти за машиной, которая стояла у сына на работе.

Есть у нас и дача, но любви у меня к огороду, честно признаюсь, никогда не было. Я – абсолютно городской житель. Помню, как давали преподавателям участки в Минино, по четыре сотки. Поэтому у всех коллег дачи были рядом. И вот однажды была такая картинка: все идут работать, а я чуть позади. И моя супруга говорит: «Иди куда-нибудь, не смущай нас...». Видимо, совсем я не вписывался в ситуацию.

В свое время занимался спортом. В армии меня активно агитировали в спортивному. Я очень неплохо бегал, имел первый разряд по бегу на средние дистанции – 800 и 1500 метров. Увлекался шашками. До 60 лет я один-два раза в неделю играл в футбол в спортзале с сыновьями и товарищами. Люблю ходить. Могу себе позволить на лыжах пробежать, правда, в этом году не получилось ни разу выбраться. Раньше, когда я на несколько лет бросал курить, мог без всякой техники показать результаты, близкие к второму спортивному разряду. Видимо, за счет старых запасов, когда бегал, сохранилась выносливость. Я очень люблю читать и думаю, что младшему сыну передал любовь к книгам: несмотря на свою занятость, он читает очень много. И даже меня перегнал в этом, потому как часть моего времени отнимает чтение специальной литературы. Могу отметить, что современная литература мне особого удовольствия не приносит.

– *Есть такая интересная студенческая традиция на историческом факультете – день Геродота. Какой студенческая тусовка, говоря современным языком, была раньше и что дошло до наших дней?*

– Мне кажется, что раньше было даже интереснее и лучше: фантазию студенты проявляли настолько буйную, что поражали воображение. Эпоха Античности, сцены средневековых пыток, Петровская эпоха воссоздавались студентами в аудиториях родного вуза. Я помню, как была у нас еще на первых «Геродотах» очень красивая девушка, и она на «Геродоте» появилась в образе гетеры – народ весь отпал. А еще помню эпизод, когда один наш выпускник Федя, очень высокий парень, играл Петра I. И преподаватель наш Борис Каренин бухнулся перед ним на колени: «Царь-батюшка, пожалуй денежку!» Федя сначала растерялся: как это, перед ним преподаватель все-таки, а потом сообразил быстро.

Нашел в кармане металлический рубль и говорит: «Жалую я тебя, холопишка, рублем!»

Когда наш факультет стал больше, уже не стало возможности собирать вместе и студентов, и выпускников. Поэтому мы разделили праздник на студенческий «Геродот» и вечер встречи выпускников. Думаю, что мы чем-то оставляем след в душах наших студентов, если они все-таки приходят к нам, чтобы встретиться, поговорить. Когда мы отмечали двадцатилетний юбилей, я попросил девушек-студенток посидеть внизу и зарегистрировать пришедших выпускников. И вдруг они прибегают ко мне с широко открытыми глазами: оказалось, что пришли три женщины-выпускницы 1948 года! Значит, есть что-то в жизни факультета, что не оставляет равнодушными спустя много лет...

На мой взгляд, отношения между преподавателем и студентом далеко не из разряда таких, как в выражении «читатель почтывает, писатель пописывает». То, что на факультете работают хорошие специалисты, это правда. А еще много было тех, кто как граждане могли быть примером для студентов. При всем этом я скажу, что наш факультет никогда не был «сюсюкающим». Знаете, есть разница в понятиях «быть добрым» и «быть добреньким». Добренький – это от безразличия. Меньше хлопот. Наш факультет скорее жесткий: в плане требований, в плане сохранения традиций. И я надеюсь, что в течение долгого времени это сохранится. В Красноярске очень много технических специальностей, а вот гуманитарных – значительно меньше. Но я с оптимизмом смотрю в будущее нашего вуза.

– *Время перемен в 90-е отразилось на страницах книг и учебников. А Вам приходилось «переписывать» историю?*

– Мне часто задают такой вопрос: когда легче было преподавать историю – тогда или сейчас? Я совершенно точно могу сказать, что лучше, конечно, сейчас. Если не превращать историю в предмет «Чего изволите?», если не делать ее приложением к тем или иным политическим интересам, то возможностей у исследователей сейчас намного больше. Мне очень нравится фраза: «Историк должен быть хранителем совести нации». Историк должен максимально стараться формировать такой взгляд на мир, который бы позволил человеку думать,

размышлять, не оглядываясь на обязательную идеологию.

КУЗЬМИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ¹

Александр Николаевич Кузьмин закончил факультет физической культуры и спорта КГПУ в 1995 г., мастер спорта СССР по вольной борьбе, заместитель директора спортклуба университета.

У меня с детства была тяга какая-то, это у многих людей есть такая тяга, наверное, заниматься спортом. После I класса в семь лет я записался в пионерский лагерь, где имелась секция по вольной борьбе. Записался, месяц позанимался, а после

вернулся в Красноярск, попросил маму, и она меня отвела на остров отдыха для записи в секцию борьбы. Тренер не хотел принимать, потом согласился, сказал: «Приводите!». Я начал заниматься там борьбой в восемь лет. Я как раз был во II классе. После этого так сложилась судьба, что тренера пригласили работать в деревню. Потом пришел новый тренер, потом случилось так, что еще раз сменил тренера. И вот, когда нашел своего тренера Лавриченко Константина Семеновича, просто замечательный педагог, крепкий, то попал в такую атмосферу, что бросить было невозможно.

С детства также играл в футбол с семи лет, был капитаном команды дворовой. Раньше проводились такие соревнования, назывались «Кожаный мяч», Всесоюзное соревнование, среди дворовых клубов. То есть я с семи лет был капитаном команды. Дворовой клуб «Лира» назывался. Также играл в хоккей на соревновании «Золотая шайба». Один раз на краевых соревнованиях заняли III место, для нас это было достижением. У нас была дворовая команда, а против нас играли команды СДЮШОРа.

По вольной борьбе самые большие победы, для меня запоминающиеся, это

¹ Интервью провели студенты 3 курса ФФКиС КГПУ им. В.П. Астафьева.

юношеский Ярыгинский турнир, когда он был еще юношеским в 1983 году. Ряд турниров чемпионата края и я выигрывал, когда был юношой. В восемнадцать лет всех по своему возрасту из Красноярского края своего года рождения побеждал. Потом ушел в армию, попал служить в Среднюю Азию. В армии по-прежнему боролся, но если раньше я занимался вольной борьбой, а в армии так получилось, что вольная борьба не котировалась. И в добровольно-принудительном порядке занимался самбо. А там чемпионат Киргизской ССР, а потом и кубок Киргизской ССР, молодежное первенство Киргизской ССР. Выиграл чемпионат Средней Азии и Казахстана.

Я сейчас заместитель директора спортклуба педагогического университета, раньше был директором клуба. Работать вполне нормально. В связи с созданием института физической культуры пришли некоторые изменения, ротация кадров, и вполне хорошее решение.

Что я сделал для своего университета, это пускай оценивают другие. А в общем, стараюсь помогать студентам. Не тормозить развитие спорта, а делать все возможное.

ПЕТРОЧЕНКО ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ¹

Валерий Иванович Петроченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры коррекционной педагогики и кафедры русского языка и культуры речи

— Я родом из деревни Среднее Тасеевского района, вырос в педагогической семье — мама работала учителем начальных классов, старшая сестра преподавала математику, была директором школы. Родные хотели, чтобы я поступил в педагогический. Меня же больше привлекали профессии, овеянные романтикой: геолог, журналист, океанолог. Тем не менее поступил на историко-

¹ Авторские воспоминания и размышления В.И. Петроченко, канд. филол. наук, доцента КГПУ им. В.П. Астафьева.

филологический факультет пединститута, выбрал отделение русского языка и литературы.

С благодарностью вспоминаю своих преподавателей: Валентину Васильевну Бебриш, Екатерину Федоровну Саломатову, Виктора Яковлевича Булохова, Марианну Ивановну Воропанову, Нелли Александровну Новоселову, Галину Григорьевну Белоусову и других. А еще памятны ежегодные диалектологические экспедиции, например, в Приангарье. Здесь сохранились самобытный говор, своеобразная лексика. Нам даже удалось обнаружить остаточное «оканье», которое сохранили переселенцы с севера России.

Меня заинтересовал рыболовецкий словарь, причем у рыбаков не только лексика своеобразная, но и способы добычи рыбы интересные. Сегодня рыбы в Енисее и Ангаре стало меньше, а не так давно рыбаки собирались на боевку — лодок двести в одно осенне утро приплывали к яме, куда белая рыба вставала на зимовку, окружали ее и тоннами добывали стерлядей и осетров. Я настолько заинтересовался рыболовством на Ангаре, что впоследствии даже написал диссертацию «Лексика рыбного промысла в русских говорах Северного Приангарья».

По окончании института поехал по распределению в Тасеевский район, в свою школу. Потом переехал в Сосновоборск, где разворачивалась комсомольская молодежная стройка, возводился молодой город и нужны были молодые специалисты.

Вел в школе № 1 русский и литературу, затем перешел в новое профтехучилище № 55. Через три года получил квартиру — с балконом, это была большая радость. С университетом все эти годы поддерживал связь, параллельно с основной работой в школе вел практикум по орфографии и пунктуации в пединституте.

В 1984 году перешел в КГПИ на постоянную работу, а в 1992 году стал работать на кафедре коррекционной педагогики, которой заведовал Алексей Андреевич Дмитриев, основатель факультета, замечательный организатор и талантливый ученый.

В первые годы конкурс среди поступающих на факультет был запредельным. Я помню случай, когда на «заочке» количество поступавших «краснодипломников» (а они шли вне конкурса) превысило контрольную цифру приема, и пришлось организовывать дополнительный экзамен для них. Неслучайно факультет к 5-летию вышел в соревновании на 1 место.

На факультете я вел курс современного русского языка. Часов было много: двое преподавателей неправлялись с нагрузкой. Логопеды должны знать фонетику, лексику, морфологию, синтаксис. Сейчас русский язык в вузе, к сожалению, бездумно сокращают. Еще я преподаю русский язык и культуру речи. Удручет факт, что многие студенты слабо владеют нормами устной и письменной речи, однако часов на эту дисциплину выделено явно мало. А скоро молодые специалисты придут в школу. Как разорвать порочный круг? Вывод на поверхности: больше заниматься русским языком. Как? За счет чего? В этом вопрос.

Радует, что хороших студентов гораздо больше. К нам приходят те, кто готовится к нелегкой работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья. Это требует особенных качеств: человеколюбия, готовности прийти на помощь, самопожертвования, стремления стать настоящими профессионалами. Таких студентов — большинство. Это внушает оптимизм, веру в будущее института, университета и образования в целом.

СЛАВИНА ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА¹

Людмила Николаевна Славина, доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Она одна из самых компетентных и уважаемых преподавателей на кафедре.

¹ Интервью провела Новикова Татьяна Борисовна, студентка 3 курса исторического факультета.

«Родилась в семье военных в 1946 году. Папа и мама прошли всю войну – папа политработник, был ранен, мама окончила медицинский техникум, призвали на войну, когда ей было 20 лет. Родители служили в войсках НКВД и их посылали на самые ответственные участки. Они были участниками битвы под Москвой. Мама служила до 1947 года, демобилизовалась в звании капитана», вспоминает Людмила Николаевна.

Так как родители еще служили, Людмила Николаевна раннее детство провела у бабушки в деревне, которая тоже находилась в знаковом месте, в километре от Курской дуги. Во время оккупации немцы выгнали население этой деревни, она была почти разрушена, но дом, в котором Людмила Николаевна провела детство, чудом уцелел.

Как она сама рассказывает, первый этап ее жизни был очень тесно связан с природой, ощущала, что такое природа, когда она просыпается, как расцветают первые цветы. «Мне очень жаль что мои дети не испытывали вот такого слияния с природой, дача это не то, а вот настоящая природа... Поэтому я так любила Виктора Петровича Астафьева за его «Царь-рыбу», где он изумительно описывает каждую травку, каждый цветочек».

Следующий этап жизни, школьные годы, также связан с отголосками войны. С 1953 года они жили в военной части; отца Людмилы Николаевны перевели по службе в Западную Украину. Очень сложные отношения были с местным населением, практически шла гражданская война.

Местное население не принимало Советскую власть. Бандитских выступлений не было, но жизнь русских в украинской среде была специфическая, не соприкасалась с местным населением. «Вот такой пример, две школы стояли рядом, наша — русская, а рядом — украинская. У нас был школьный вечер, — они к нам никогда не ходили. И у них был вечер, мы к ним никогда не ходили».

Учителя в школе, в которой училась Людмила Николаевна, были «продуктом» сталинского периода и войны – жесткая дисциплина, унификация. Материальная оснащенность была очень слабая: «Всем выдавали по одной тетради в определенный день, и в одно и то же время у всего класса они

заканчивались. Писали по линейкам все одинаково. Оценки выставлялись очень жестко. Домой дали написать сочинение, 12 страниц. Пропустил одну запятую — 4, две — 3, три — ставят оценку 2 и никаких поблажек, никаких игрушек — ничего, даже в I классе мы не играли, не разрешалось — взрослые люди уже».

Потом перевели обучение на 10-летку, и Людмила Николаевна училась в школе, где были только 9, 10 классы. Один день шли теоретические занятия, на другой день ходили на молочный комбинат и стояли вместе с рабочими, занимались настоящим производством. «И там я получила профессию «разливщик диетической продукции», но работать на этот завод не пошла, поехала в Москву поступать в историко-архивный». Для того времени это было странно, все были или физиками, или математиками, и даже друзья не могли простить Людмиле Николаевне такой выбор.

И так начался третий этап жизни. В том же 1964 году резко сократили число мест для школьников, которые только закончили школу, и расширили для тех, кто имел минимум два года трудового стажа или отслужил в армии. Отбор был очень жесткий: одна группа из школьников и три из «стажистов». Конкурс — 26 человек на место: условие — все «пятерки». Людмила Николаевна получила все «пятерки» и поступила в этот легендарный институт.

Легендарный он был потому, что находился под ведомством министерства внутренних дел с жестким отбором абитуриентов. А также, был известен легендарными учеными, которые там преподавали (известные сейчас в нашей исторической науке) — Греков, Черепнин, Нечкина, Тарле. Все другие преподаватели тоже были очень интересными людьми. Первую лекцию для Людмилы Николаевны читал Сигурд Оттович Шмидт, интереснейший преподаватель. К нему на лекции приходили старшекурсники и товарищи (это было так сказать традицией историко-архивного института).

Людмила Николаевна была круглой отличницей, но один преподаватель поставил ей «4» и она решила пойти к нему писать диплом, для того чтобы победить, преодолеть. Этот преподаватель, Еревидский, был известен тем, что написал первый учебник по историографии, и он стал научным руководителем.

Тема дипломной работы Людмилы Николаевны была по историографии движения декабристов.

К тому времени она уже встретила своего мужа (он был физиком), и они думали, куда же им поехать. Решили, что лучшим местом будет Новосибирский Академгородок. Там она родила ребенка, посидела с ним 10 месяцев и устроилась работать в институт истории заведующей кабинетом (лаборант). Как только у нее появлялось свободное время, она ходила на лекции к известным историкам Сибири. «Я очень рада, что мне выпала такая возможность, жизненная школа».

Там поступила в аспирантуру, к Н.Я. Гущину, входившему в « первую пятерку» историков-аграрников Советского Союза.

Затем Славины переехали в Красноярск, и с 1977 г. Людмила Николаевна работает на кафедре отечественной истории КГПУ им. В.П. Астафьева. Вот уже 35 лет Людмила Николаевна поражает своих студентов интереснейшими лекциями – с НЭПа до современности. «Преподавание – это самая интересная работа, которая только может быть, интереснее работы, чем с работой с людьми, больше ничего быть не может. И если нам мало платят, я говорю, что за такую работу мы еще сами должны доплачивать».

P.S. От себя хочу сказать, что беседовать с Людмилой Николаевной не просто приятно, а теряешь счет времени. Это интереснейший и потрясающе умный человек. Жду, когда на следующем курсе Людмила Николаевна будет читать лекции и вести у меня семинары.

ФАЛАЛЕЕВ АЛЬБЕРТ НИКОЛАЕВИЧ¹

Родился 23 июля 1930 г. в г. Ельне Смоленской обл. В 1953 г. окончил исторический факультет КГПИ; в 1966 г. защитил кандидатскую, в 1984 - докторскую диссертацию. в 1995 г. ему присвоено ученое звание профессора. Был проректором по научной работе КГПИ. С 1987 по 1998 гг. — ректор КГПУ. В 1992 г. избран членом-корреспондентом РАО. Член президиума СО РАО. С 1996 г. — действительный член Академии гуманитарных наук (АГН).

¹ Интервью провели Вахрушева Анна Дмитриевна и Николаева Екатерина Владимировна, студентки 3 курса исторического факультета.

Доктор экономических наук, профессор. Заведующий кафедрой экономической теории и управления. Автор около 150 научных работ. Почетные звания и награды:
звание Заслуженный работник высшей школы РФ;
орден Трудового Красного знамени;
орден Знак Почета;
медаль Ушинского.

Родители – учителя. Папа, Николай Георгиевич, окончил педагогическое училище, был директором начальной школы. Школа была небольшая, — домик из двух комнат и кухни. Комната побольше служила классом, а поменьше — жильем директору. Директор выполнял все функции.

С 3 лет жили в городе Кондрове. Альберт Николаевич вспоминает: «Там был бумажный комбинат, и все отходы сливались в речку Шаня, из-за чего ее прозвали «Тухлая». Там его отец был директором образцовой школы с трудовым уклоном. Альберт Николаевич помнит, как мальчиком пропадал в ней с другом Данилкой, который был там конюхом. Когда его спрашивали, кем он хочет быть, отвечал, что конюхом. Помнит, как с братом ходил в лес за дровами, как охотились. В 10 лет пойдя за грибами, увидел гагару, которую подстрелил и хранил какое-то время.

В 1937 году переехали в Красноярск, где Николай Георгиевич стал директором 14 школы, принимал участие в ее строительстве. Мама Альберта Николаевича была завучем в 11 школе.

В 1940 году семья Фалалеевых переехала в Игарку. Но вскоре вернулись в Красноярск, а Альберт Николаевич закончил 10 школу с серебряной медалью в 1949 году. Любимыми предметами были русский язык, литература, история. Нелюбимых предметов не было, но меньше нравились геометрия, тригонометрия. Очень любил читать.

Любимый учитель — Ксения Лескова. Была классным руководителем и преподавала немецкий язык. Очень ответственно относилась к работе.

По окончанию школы поступил на исторический факультет. Поступил в педагогический институт из-за влияния родителей, так как уже не первое поколение учителей в их семье, а на исторический факультет пошел из-за любви к

истории. Вспоминает своих преподавателей. Среди них особо выделяет Михаила Борисовича Шейнфельда, профессора, который на фронте получил тяжелые ранения; ему ампутировали обе ноги и одну руку, но Михаил Борисович закончил Томский институт, затем всю жизнь проработал в пединституте. Впоследствии стал первым Почетным профессором нашего вуза.

В студенческие годы Альберт Николаевич был секретарем бюро комсомола института. Имел первый разряд по стрельбе, даже была вручена грамота и набор книг Макаренко. Также занимался легкой атлетикой, волейболом, баскетболом, играл в большой теннис.

Альберт Николаевич после окончания истфака пединститута был оставлен на кафедре политической экономии. Защищал диссертацию в Иркутске. Впоследствии был назначен проректором по науке. Им была создана социальная лаборатория, изучалось развитие социального планирования.

Альберт Николаевич Фалалеев был ректором нашего института и университета с 1978 по 1997 год.

Сейчас он заведует кафедрой экономтеории, преподает экономику, занимается со студентами и с магистрантами. Был случай в практике преподавания, когда около 25 студентов перевернули все парты на семинарском занятии. На что Альберт Николаевич сказал: «Я через три минуты вернусь, чтобы парты были перевернуты». Это были первые годы преподавания.

Альберт Николаевич считает, что у каждого времени свои особенности, так же имеют свои особенности современные студенты. Минус, который он видит, это то, что под влиянием Интернета уменьшилось чтение книг, что плохо сказывается на развитии способностей молодежи.

Студентам он желает сохранять задорный дух, твердость, справедливость и честность. Себя считает умеренным оптимистом.

ФЕДОРОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ¹

Андрей Викторович Федоров, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, родился 29.11.1966 г. в поселке Раздолинск Мотыгинского района.

Родители: мама – медицинский работник, пapa – преподаватель. Приехали в Раздолинск по распределению. Этот рабочий поселок создавался на Ангаре в системе лагерей ГУЛАГа.

— *В школе вы учились в Раздолинске?*

— Там после освобождения ссыльных резко сократилось население и была только одна школа. Но когда я учился во 2 классе, родителей перевели работать в район, и я учился в школе в Мотыгино. Средних школ там было две. В школе учились 10 лет. Любимыми предметами были история, литература и физика. У нас была замечательный преподаватель физики, она учила думать. По истории тоже была замечательный преподаватель Вера Александровна Авдеенко. В 9 классе она поручала мне вести уроки истории в 4 классе. От четвероклашек всегда было очень много вопросов, и самых разных. Иногда даже спрашивали: «Почему вы вчера на танцах были не с той девушкой, с которой всегда?».

У нас в поселке была великолепная библиотека. Приехавшие в ссылку привозили с собой интересные и редкие книги, а из-за тяжелого материального положения были вынуждены их продавать. Мы активно пользовались нашей библиотекой и в итоге, из 20 человек нашего класса в вузы с первой попытки поступило 18 человек.

— *А какие отношения у вас были в классе?*

— Нормальные. Мы и сейчас поддерживаем отношения со старыми друзьями, регулярно встречаемся на родине.

¹ Интервью провели Гарбузова Арина Викторовна и Фоминская Елена Александровна, студентки 3 курса исторического факультета.

В феврале этого года от сердечного приступа умер наш первый одноклассник. А ведь как раз этим летом мы собирались встретиться все вместе, проплыть немного по Мане. Последний раз все вместе собирались еще в 1990-х. В основном общаемся в соцсетях, в Интернете. Разъехались, один из одноклассников живет даже в Эстонии.

— *А чем, помимо учебы, занимались в школе?*

— Очень любили бегать на лыжах. У нас даже тренировалась сборная СССР по лыжным гонкам, поэтому этот спорт многие любили. Еще бегали, плавали, катались на велосипедах...

Иногда проводили собственные Олимпийские игры. Бег, прыжки в длину... Я нашел в гараже ядро. До сих пор не знаю, откуда оно там. Так что было даже толкание ядра.

Однажды с одноклассниками провели турнир по шахматам. Победители поехали на районные соревнования и заняли первые три места.

— *Вы были дисциплинированным учеником?*

— Смотря, что понимать под дисциплиной. Окна в школе не бил. Когда мы учились в 3 классе, закончились драки между школами, так что в них тоже не участвовал. Противостояние перенеслось на спортивную площадку. Причем, по традиции, девочки из второй школы гуляли с мальчиками из первой, а девочки из первой с мальчиками из второй. Но на спортивных соревнованиях все болели только за своих.

— *А учились хорошо?*

— Из нашей школы только три человека шли на медаль, в том числе и я. Но в силу личных причин, медаль так никто и не получил. Не скрываю, что все годы математику списывал у своего друга Сергея. В итоге, он меня так натаскал, что экзаменационную работу я написал сам, без единой ошибки.

— *А какие еще источники информации были, помимо библиотеки?*

— В 1970-х появилось телевидение. Еще выписывали большое количество журналов и газет. Конечно, «Пионерская правда», «Костер», «Пионер», но еще старались подписываться на газеты из других частей нашей страны. Много читали

журналов. Информации было меньше, чем сейчас, но были и свои интересные моменты.

— *Как выбирали университет?*

— В нашем классе учились в основном дети учителей врачей и геологов. Долго колебался, поступать на истфак или на филфак. В госуниверситете как раз открылось отделение журналистики. Друг меня уговаривал идти на филфак, потому что там девушек много красивых. Но там слишком много занятий грамматикой, старославянским языком, а это было мне не очень интересно. Мама очень хотела, чтобы я пошел в мединститут. До сих пор говорит, что как врач я был бы лучше.

За год до моего поступления отменили средний выпускной балл. Один из моих друзей имел выпускные 3,5 баллов и поступил в университет из-за хорошо написанных вступительных экзаменов. Но поступить было сложно. На курсе было 20 мест для представителей Тувы и Хакасии. Но поступить можно было без взяток и связей.

— *Вы хотели быть педагогом?*

— В тот момент, я больше хотел быть археологом. В 1983 году был в археологической экспедиции на Кове. Тогда и познакомился с Николаем Ивановичем Дроздовым.

В 1985 г. был в экспедиции в Тамани. Над нами тогда бабушки местные смеялись, что мы не золото ищем, а керамику и ископаемые, они там на каждом шагу. Самое интересное, что ездили без преподавателей, присоединялись к существующим экспедициям. Вез группу староста кружка. Причем организовывать удавалось очень хорошо. Когда ехали в Тамань, решили сделать пересадку в Сенной. За минуту стоянки выгрузили все вещи из поезда. Хотели пересесть на автобус, но билетов не оказалось. Староста ушел искать транспорт. В итоге, вернулся с автобусом «Системы исполнения наказаний». Автобус привез несовершеннолетних из колонии Красноярского края на лето. Конечно, земляк согласился нас подвезти.

После II курса в экспедицию поехать не удалось. Отрабатывал практику в

парке на аттракционах. А после третьего поехал в пионерский лагерь вожатым на два месяца. Мне лагерь совсем не понравился. Дисциплина, конечно, нужна, но там все было слишком заорганизованно.

К счастью, лагерь был не бедный, от Водоканала, но все-таки отдохнуть детям особо не давали. Постоянно ходили строем, линейки, смотры. Конечно, легче 40 человек построить и за каждое нарушение выгонять. Мы же пытались предложить другой подход, даже провели несколько мероприятий по интересам.

Учился я в очень интересное время. Это было в 1980-е годы. Началась перестройка и нам хотелось увидеть улучшение жизни при социализме. Занялись политической деятельностью, и археологические экспедиции начали срываться. Когда мы учились, у нас на курсе были люди с радикальными взглядами. Например, был студент, которого выгнали из школы и комсомола, за то, что он слушал BBC. Окончил вечернюю школу и поступил к нам.

Наш дискуссионный клуб обсуждал различные вопросы. Например, поставить памятник Дубенскому или отреставрировать памятник командору Резанову. Людмила Николаевна Славина нас часто ругала, потому что мы своими дискуссиями срывали ей лекции. Она до сих пор вспоминает, что мы не боялись спорить с преподавателями.

— *А какая тема была у дипломной работы?*

— У нас это было не обязательно. Было 4 госа, и из-за этого я не стал брать на себя еще и дипломную работу.

Когда мы были на пятом курсе, на комсомольском собрании была многочасовая ругань. Олег Юрьевич [] тогда съездил в Москву и привез оттуда идею модульно-рейтинговой системы. Первым попробовал это сделать Свердловск. В этом городе было мощное студенческое самоуправление. Мы тоже хотели создать у нас такое, но идея провалилась, т. к. организация должна была заменить старостат, профбюро и комбюро. Мы считали, что комсомол не должен быть обязательным, вступать туда нужно по желанию. Еще у нас был проект закрепления за студентами уборки территории, предлагали каждой группе дать кабинет, где они смогут хранить свои вещи и следить за порядком. При поддержке

студенчества мы превратили университетский буфет в полноценную столовую.

— *А в общежитии вы жили?*

— Нет, у нас была квартира в городе, которая досталась от тети. Поэтому в итоге мне удалось избежать проблем с общежитием, хотя и видел, наблюдал и понял, что хорошо, что жил по-другому.

— *Куда ходили в кино, на танцы?*

— Я объехал абсолютно все кинотеатры города Красноярска, это была у меня идеяфикс — объехать все хотя бы по разу, а было их штук 15. Любимым был «Космос». А «Луч» был с очень жуткими деревянными стульями, на которых невозможно было сидеть и при этом еще что-то смотреть.

Танцы устраивали в основном у себя в корпусе, на Маркса, 100. Хоть там нам и запрещали, потому что потолки ходили ходуном, начальство боялось. Ходили в «Дом офицеров», где регулярно натыкались на недружественную реакцию курсантов, они там считались главными женихами, а тут еще студенты!

— *А в армии Вам служить довелось?*

— Нет, в армии я не служил. Виной этому была бронхиальная астма. Самое интересное в этом, что когда я приезжаю на родину, мне там становится довольно плохо. Но стоит только прилететь в Красноярск — болезнь исчезает. Хотя город этот я по-настоящему не люблю, он не сильно удобный для жизни, пыльный и прочее, но за все время, что я здесь жил, болезнь очень редко проявлялась.

— *То есть после окончания университета Вы сразу занялись преподавательской деятельностью.*

— Да, сразу. С исторического факультета мало кто попадал в школу в тот период времени, потому что сразу же забирали в райкомы, крайкомы, исполкомы, в силовые органы и тому подобное. Но я был готов к тому, что, скорее всего, я пойду работать в школу, и к тому, что, скорее всего, поеду назад, на родину. Отец предложил поработать в родном поселке три года, а потом всем вместе вернуться в город. Помимо всего прочего, в поселке меня звали поработать в местной ангарской печати, потому что еще в студенчестве там публиковались мои работы.

Почему еще собирался туда? Была идея написания работы по партизанскому

движению в нашем районе или по проблеме ссыльных, которые здесь пребывали у нас. Примером может служить наш учитель литературы – Заслуженный учитель РФ Веза Павлович Анонен. Он приехал сюда, когда ему было 6 лет. Как он сам вспоминал, «по-русски говорил очень плохо». Когда я его увидел, Веза Павлович обладал настолько богатейшим русским языком, что мог рассказывать потрясающие интересные ангарские сказки. В общем, в школу я собирался, но из-за жутко активной студенческой деятельности последних лет меня пригласили работать в мединститут, затем в институт цветных металлов, где я уже практически остался... Но случайно встретился на улице Самуил Ильич Кангун. От него узнал, что нашему факультету дали два места преподавателя. Я, конечно же, согласился. И так вот получилось, что до школы я не дошёл, хотя планы были. Но несколько лет я проработал в гимназии, где регулярно вел курсы, было интересно.

— *Вы не пожалели, что выбрали все-таки преподавание?*

— Сложно сказать на самом деле. Я, скорее, о другом немножко пожалел. Нас очень хорошо в свое время учили, по-настоящему. Нас научили читать между строк, обращать внимание на нюансы. В итоге из нас выходили блестящие управленцы, потому что люди хорошо знали, как можно использовать слабые и сильные места, как можно себя вести. Также вышло много офицеров силовых структур, где были самые разные люди. Помимо всего прочего, нас, к сожалению, научили тому самому замечательному высказыванию товарища Ключевского: «История учит нас тому, что история никогда ничему не учит. История не учительница, а надзирательница, строго спрашивающая за невыученные уроки». Когда видишь, что, к сожалению, ничего не выправляется, это хуже, чем не знать.

Мы не думали, что доживем до второго, ухудшенного издания КПСС, грубо говоря. Мы не думали, что у нас снова будет великий вождь, надеялись, что этого не будет. Надеялись, что за 20 лет будут нормально урегулированы определенные моменты в экономике и т. п. Но хочу сказать, что это не только у нас так... Иногда все-таки хочется не знать всего этого, не просчитывать, а думать, что все нормально и хорошо. Когда начинаешь задумываться, понимаешь, почему часть

однокурсников разбежались за границу. Часть из них имеют русское гражданство, но возвращаться не собираются, потому что там есть нормальная работа, защищенность и прочее.

— *Какие изменения произошли, на Ваш взгляд, в студенческой жизни, в университете?*

— Вопрос, конечно, такой, по-своему замечательный. Во все времена, на всех курсах будет определенный процент студентов, который попал случайно, в силу разных причин: кому казалось, что история легкий предмет, кого папа с мамой пристроили. Это было в наше время, это есть сейчас, это никуда не ушло. Важное такое изменение — у нас на курсе самому младшему было 16 лет, и в этих же самых группах были люди, которым было 28 лет, то есть после армии, после рабфака, после завода. Вот это исчезло и, на мой взгляд, несколько ухудшило ситуацию, потому что люди, прошедшие армию или поступившие с 3–4 раза, знали, что такое дисциплина на самом деле, потому что она иногда очень нужна, знали многие другие моменты.

Как сказал один из моих лучших друзей, «на первом курсе мы были дикими обезьянами, которые болтались на хвостах». Были такие потрясающие моменты, когда все знали, что вот этот мальчик или девочка из закрытого «на сто процентов» города: они вырвались из закрытого города и здесь отрываются по полной, то есть сказать, что они гуляют, это не сказать ничего. Если их не остановить, то вылетят на первой же сессии. Вот и получается, когда такая разница в возрасте, более опытные могут заставить подумать молодых. Кстати, чаще всего из них выбирали старост, они получались ответственные. Для старосты еще обязательным условием было знание города. За стипендией они ходили в окружении двух-трех человек, на всякий случай, чтобы не было ни у кого соблазна, да и отвечать перед всеми — не сильно хорошее дело. И в то же время более молодые были начитаннее, со «свободными» мозгами, со своей стороны воздействовали на старших. Сейчас это изменилось и, мне кажется, этого не хватает.

Что еще удивляет, это то, что у вас сейчас источников информации намного

больше, но не все, почему-то, хотят или любят этим пользоваться. И, надо сказать, что в наше время, что в ваше время, осталась та категория студентов, которые, отвечая на экзамене, пытаются не дать правильный ответ, а угадать, что думает по этому поводу преподаватель. Я немного удивлен, что в наше время студенты не боялись спорить с преподавателем, не лезть, конечно, на рожон, но вести дискуссию.

И еще один момент показательный – в наше время студенты в деканате не сидели, за все время, что я был студентом, в деканате я был раз 10 максимум, и то раз 8 в последний год, когда был председателем студсовета. Честно говоря, не приходило в голову, что нужно дальше секретаря проходить. Тебя вызывают в деканат – все, это конец света: проштрафился, что-то совершил. А вот чтобы просто так зайти, что-то узнать – нет. Дело еще в том, что у нас были кураторы групп, которые большинство проблем решали. Не дело это, сидеть в деканате, у нас на таких студентов очень косо все глядели, потому что все отлично знали, что у нас на курсе много карьеристов, но чтоб вот так... Это считалось признаком дурного тона.

Хочу немного поразмышлять про свой поселок.

За последний период времени население того поселка, где я родился, уменьшилось почти в два раза, многие выезжают с севера. В Мотыгино, где я жил, проживало 10 тысяч человек, сейчас – 7 тысяч. Аэропорт практически не работает, садятся только санавиация или пожарные, а при советской власти самолеты летали 6 раз в день. Бывший центр нашего Южноенисейского района, где при советской власти была построена типовая школа (три двухэтажных здания), имеет население 700 человек. Историю, например, преподает библиотекарь, а физику – далеко не физик.

То есть все постепенно разваливается, люди не видят здесь будущего, перспектив, возможности роста. Для человека тяжело работать, когда он не знает, для чего он это делает.

Теперь уже добраться до поселка можно не самолетом, а автобусом. Проезжая мимо некогда цветущих деревень, думаю о том, что немец вчера

отбомбился и с дорогой, и с домами. Район с очень богатыми запасами природных ископаемых, а находится в запустении.

По поводу затопления разговоры идут еще с 1980-х годов, когда появилась идея Среднеенисейской ГЭС. Но пока, как видите, это только разговоры.

— *Что вы можете рассказать о самобытности поселка?*

— Когда мы получали паспорта, мы с удивлением узнали, что несколько человек в школе нерусские. А вот в соседнем классе была смешная история. У мальчика был папа белорус, а мама украинка, его же записали русским — он возмущался дико, он кричал, что он не русский, а ангарец! Когда недавно были выборы главы района, так получилось, что шестеро из восьми человек, которые работали в администрации, были немцы. Все называли нашу районную администрацию рейхстагом. Конечно, все эти немцы были рождены на территории района, выросли здесь, по-немецки знали еле-еле. Самое интересное, что они и педантичные, как немцы, и многое-многое, но при этом очень четко присутствуют другие черты в их культуре.

— *Что бы Вы хотели пожелать студентам?*

— Самое любимое пожелание — не бояться пользоваться собственным умом. Знать, что на самом деле выбор совершает человек для себя сам и никто за него этот выбор не сделает. Самое главное, наверное, в жизни, чтобы был определенный интерес, ради которого стоит жить.

ЧИГАНОВ АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ¹

Андрей Семенович Чиганов, кандидат физико-математических наук, доцент, директор института математики, физики и информатики, заведующий кафедрой общей и теоретической физики КГПУ им. В.П. Астафьева.

¹ Авторские воспоминания и размышления А.С. Чиганова, канд. физ.-мат. наук, доцента КГПУ им. В.П. Астафьева.

Я родился в городе Томске, в 1958 году, 25 декабря (практически в католическое Рождество). Мы жили на окраине Томска, на улице Тверской в деревянном доме с большим садом и огородом, на берегу речки Ушайки (приток Томи). Эта часть Томска была совсем деревенской – и по постройкам и по складу жизни. Например, дети со всей улицы играли в одной большой компании, где можно было одновременно увидеть 3–4-летних малышей, ребят постарше и 14–15-летних юношей и девушек.

Еще одной приметой этого периода жизни и уклада были лавочки вдоль улицы, практически около каждого дома. Местные бабушки выходили на улицу, садились компанией на приглянувшуюся лавочку (сегодня в одном конце улицы, завтра в другом), разговаривали, щелкали семечки и очень внимательно следили за порядком на улице. Не дай бог, выпивший мужик, проходя мимо них, забывал поздороваться. А чтобы кто-то из взрослых на их глазах обидел ребенка, такое даже представить себе невозможно.

Папа и мама мои были по образованию юристами. Папа работал судьей, а мама адвокатом (по тогдашним советским порядкам муж и жена не имели права работать, например, судьями в одном учреждении). У меня была одна сестра Татьяна, старше меня на 3 года. Еще в нашем дворе жили две бабушки, по маминой и папиной линии, и младший брат отца, мой дядя — Николай. Бабушки отличались друг от друга разительно. Баба Вера (мать мамы) была очень сухой и не очень ласковой, но очень справедливой. Баба Аня (мать отца) очень доброй и ласковой. Пока я был маленький, я очень любил общаться с добродушной бабушкой Верой (до сих пор я считаю ее своей второй мамой, так как вырос я практически у нее на руках).

Недалеко от нашего дома была школа № 4, куда ходили все мои знакомые

ребята с улицы. Но моим родителям по каким-то соображениям эта школа не нравилась. И меня, и сестру отправили учиться в школу № 12, которая находилась в самом центре Томска, недалеко от знаменитых Громовских бань. Купец Громов, незадолго до революции, построил настоящий банный храм в римско-греческом стиле.

Школа находилась от нашего дома довольно далеко, очень быстрым шагом (почти бегом) нужно было идти минут 35—40. Была, правда, возможность срезать крюк, но тогда нужно было идти по пойме реки Ушайки, по насыпной дамбе, которая прикрывала низкую часть деревянного Томска от весенних разливов. Так

как к первой смене приходилось идти еще в полной темноте, то мои родные не очень одобряли короткую дорогу через заброшенную пойму, но прямого запрета у меня не было и я всегда там ходил. Особенно увлекательной эта дорога становилась весной, во время разлива Ушайки. Дамба была старая и кое-где подмытая и разрушенная. Во время полного разлива только самая верхушка дамбы была над водой и в разных местах дорога превращалась в увлекательное путешествие на плотах и подручных плавсредствах.

Хорошо запомнил имя первой учительницы Юлии Дмитриевны, были и другие учителя, но их имена я уже помню смутно. Школа была очень высокого уровня, с жесткими требованиями к учебе. Но в то же время отношение в ней было к детям очень доброе, и это передавалось всем школьникам. Я не помню ни одного случая, чтобы мальвку младшеклассника обидел бы кто-нибудь из старших. Это было очень счастливое школьное и вообще детское время. Рядом со школой (ограда в ограду) находился заброшенный монастырь, полуразрушенные здания которого очень интенсивно нами использовались для игр и походов.

В 1967 году я вместе с родителями переехал в г. Красноярск. Жили мы сначала на станции Енисей, позднее на Красной площади (ул. Робеспьера). В связи

с этими переездами я сменил несколько школ. Последняя школа, в которой я учился и которую закончил, была школа № 7 на Красной площади. В этой школе моей классной руководительницей была учитель математики Наталья Евгеньевна, очень строгая и сильная учительница, ей я обязан знанием математики. В выборе вуза немалую роль сыграли два обстоятельства: преподавание физики в школе (у меня были сильные учителя) и мое собственное увлечение техническим творчеством. Лет с 12—13 я полюбил возиться с техникой, собирать всевозможные электрические, механические и радиоустройства. Поэтому выбрал физический факультет Красноярского государственного университета с прицелом заниматься в дальнейшем физическими экспериментами.

В это время физический факультет только начинал свое становление, строилось новое здание на горе. Начиная с I курса мы в стройотрядах также участвовали в этом строительстве. Вообще, студенческая жизнь была очень насыщенная и интересная. Я до сих пор считаю эти годы лучшими в своей жизни. Группа наша была очень дружная, все дела и развлечения у нас были общие. Уже на II курсе я женился и пришел работать в научную лабораторию Андрея Дмитриевича Лебедева, начал заниматься серьезной и интересной наукой. Педагогическую практику я проходил в летней физико-математической школе «Интеграл». После II и IV курсов я ездил семинаристом и воспитателем группы школьников-старшеклассников. Я до сих пор считаю эту форму одной из самых действенных образовательных технологий. Занятия в школе проходили в форме погружения в предмет. Лекции читали известные ученые, мы проводили семинары по решению задач и ставили практические эксперименты. Жизнь в школе была очень насыщенная и интересная. Ребята в школе собирались интересные и заинтересованные. Вообще, работать с такими сильными учениками было трудно, но очень интересно. Часто после вопросов школьников нам приходилось брать тайм-аут и консультироваться с ведущими преподавателями.

В 1981 году закончил университет, получил специальность «Прикладная физика» и некоторое время работал в научном секторе университета, занимался плазмотронами, сильноточными дугами, рельсовыми ускорителями плазмы.

Позднее перешел работать к Анатолию Михайловичу Ставеру, ректору Красноярского политехнического института и крупному ученому. Работал некоторое время в Новосибирском институте гидродинамики, позднее в Красноярском филиале Сибирского отделения академии наук в Академгородке. В этот период я занимался теплофизическими процессами, осваивал физику взрыва, работал с ультрадисперсными частицами, в том числе и с алмазными. До сих пор это направление я считаю своей основной научной работой, а это время самым удачным в своей трудовой жизни. В 1996 году защитил диссертацию на звание кандидата физико-математических наук по теме «Выделение алмазов из продуктов детонации взрывчатых веществ и исследование их свойств».

Этот период был очень тяжелым для всей нашей науки и нашей лаборатории в частности. Не было средств на продолжение исследований, не выплачивали заработную плату. Поэтому в конце 1996 года пришлось перейти на преподавательскую работу в Красноярскую университетскую гимназию «Универс». В гимназии я преподавал физику, заведовал кафедрой физики. Позднее, в 2002 году, перешел на должность заместителя директора гимназии по общим вопросам, занимался ресурсным и хозяйственным обеспечением учебного процесса.

С декабря 2007 года работаю заведующим кафедрой общей физики факультета физики, информатики и ВТ КГПУ им. В.П. Астафьева.

В моей жизни мне повезло с учителями. В большинстве своем они были хорошими профессионалами и неравнодушными людьми. Я считаю, что профессия учителя — одна из самых сложных в нашем обществе. Мало хорошо знать свой предмет, нужно еще уметь научить своих учеников, пробудить в них пытливость и заинтересованность, передать им свое мироощущение.

Еще мне кажется, что быть просто ученым намного проще, чем уметь создавать нового ученого, уметь рассмотреть в молодом человеке его способности и терпеливо, шаг за шагом развивать их.

В нашем университете вообще и в ИМФИ в частности я вижу много заинтересованных и неравнодушных преподавателей, твердых профессионалов в

своем деле.

ЧУДИНОВА ИЗИДА МИХАЙЛОВНА¹

Изиса Михайловна Чудинова родилась в 1930 г.; доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии Красноярского педагогического университета, действительный член Академии политической науки. Основное направление научной деятельности: политическая социология.

- *Где Вы родились и где проживала ваша семья?*
- Город Благовещенск Амурской области.
- *Какой был состав вашей семьи?*
- Три человека мать, отец и я. Отец Витюнин Михаил Амвросович, мать Ольга Естегнеевна — это мои приемные родители.
- *При каких обстоятельствах Вы узнали о начале войны?*
- О начале войны узнали в поле, 22 июня 1941 года. Я в тот год училась в 3 классе. Тогда все радиоприемники работали, слушали. Какая реакция? Все только об этом и говорили: «Началась война!»
- *То есть Левитан вас всех известил.*
- Да, да.
- *А как Вы отнеслись к этому известию?*
- Ну как можно отнестись? Конечно, страх, ну пока мы еще не представляли, что это будет так долго, у всех была уверенность, что враг будет разгромлен, через месяц, через два, уверенность, что быстро победим.
- *Сколько Вам было лет на тот момент?*
- В 1941-м мне было 11 лет.
- *А кто-нибудь из Вашей семьи ушел на фронт?*

¹ Интервью провели Барков Александр Викторович, Иконников Александр Геннадьевич, Беньковский Андрей Сергеевич, студенты исторического факультета.

— Нет, возраст не подходил.

— *А как изменилась Ваша жизнь в годы войны?*

— Ну изменилась, конечно, существенно, потому что недостаток во всем был.

Перешли сразу на карточную систему. В школе нам выдавали пайки такие, из сои котлеты, по одной котлете нам выдавали прямо во время урока. Мы стали сами убирать классы, коридор и так далее, то есть надо было помогать. Холодно было, чернила замерзали, тогда чернильницы были стеклянные, и перо туда тычешь, тычешь, и ничего не получается. Очень быстро закончились тетради. Шили тетради из газет, и между строк писали, там где место оставалось. Холодно, голодно, пилили дрова сами для школы, а дома то же самое, дома нас спасал огород. Копали, садили все, по канавам траву, листья собирала в мешки, чтобы зимой козу чем-нибудь кормить. Потом, когда война уже затянулась, я уже в 5-6 классе была, к нам поступали раненые в госпиталь.

В городе большой был госпиталь и мы туда ходили после уроков работать. Мы там раздавали еду, собирали посуду, читали книжки тем, кто после ранения ослеп, самодеятельность устраивали, писали письма родным, потом расписывались, в общем, мы работали. Потом, летом, нас в пионерлагеря отправляли, там, конечно, тоже условия не очень были, — мы матрацы набивали травой сухой, спали на них. И все лето собирали хвош. Трава такая кровеостанавливающая, растения собирали, отправляли, в общем, все трудились. Потом, постарше, мы ездили в агитбригады, ездили по районам и концерты давали. Машину давали, мы в госпитале выступали — много раненых там было, выступали перед колхозниками, которые в поле работали. Начинали концерт в 12 — 11 вечера, но люди все равно приходили, хлопали, удовольствие для души было, потом отсыпались.

— *Вы можете рассказать о своих учителях и одноклассниках?*

— Наши учителя были очень мужественные, уже в преклонном возрасте, в основном были женщины, а мужчины учителя все были в преклонном возрасте. Правда, физик у нас был инвалид, у него одна нога была на протезе, а он организовывал нас, мы самостоятельно строили дом из фанеры, в домик электричество проводили, все это в миниатюре. Он нас всех занимал работой, интересно было. Математик был очень гуманный человек, мы над ним посмеивались, у него был нос малинового цвета. И вот он

своими асимметриями-симметриями объясняет нам. А мы сделали карикатуру на него из соевой котлеты, слепили и поставили. В руки ему положили лист симметрии, такие были дуры. Он пришел узнал, конечно, себя и говорит: «Милые дети, еще не то будете кушать!» Потом он вскоре умер, мы все плакали, он работал из последних сил, а мы себе могли позволить подшутить...

— *Какие условия труда были?*

— Мы работали каждую осень, выезжали на поля копать картошку, жили в землянках. На нас вода капает: дышим, она отпотевает на потолке и на нас капает. Сыро, как в могиле. Заходим туда, холода такая! Мы не раздевались, мы не мылись, обувь у нас была худая, ноги промерзали. Вот эту землю мы ковыряем, она уже полумерзлая, а мы выщарапываем эту картошку. Нам давали отварную картошку и хвостик селедки, так мы эту косточку всю по картошке размажем, обсосем, а эту косточку в конце всю съедали.

Ну вот так работали. Я помню, что на ногах у меня начали появляться чирьи, потом меня перевели на кухню, потому что с такими ногами в поле нельзя было работать. Перевели на кухню. Там я два дня почистила картошку, и у меня то же самое по рукам пошло. Вот такие условия были.

— *Какие наказания или поощрения применялись?*

— Ну поощрения! Грамоты давали. Даже я участвовала в олимпиаде, конкурсы проводили. Все было. Во время войны я ездила в Хабаровск, там я участвовала в конкурсе и мне подарили отрез на платье, такой полуширстяной отрезок платья. Вот так поощрялись. Самодеятельность была, мы даже ставили спектакли. Шили платья из старых простыней, шили и красили. У нас рубахи красные и штаны-шаровары, мы из тряпок старых перекрасим и сошьем. Такие интересные спектакли все время в школе были.

— *А Вы помните, в какие игры играли?*

— Лапта была, а у нас девочки и мальчики сначала вместе учились, а потом нас разделили. Так еще чехарда кажется была, это когда прыгают через друг друга. Так?

— *Да, чехарда.*

— На Новый год Деда Мороза делали, игрушки делали: шарики, цепочки, серпантин, все красили.

— *Вы помните какое материальное положение было у Вашей семьи в годы войны?*

— Работал отец. Тогда не принято было, чтобы женщины работали. Как правило, домохозяйками были. Работал отец, как я уже говорила. У нас коза, куры были, так что мы на таком подножном корму жили.

— *Кем отец Ваш работал?*

— Он инженером был. Работал на судоремонтном заводе, нормировщиком. Оклады небольшие тогда были, во всяком случае карточки выдавали. По карточкам мы хлеб получали.

— *Как одевались и обувались?*

— Во-первых, что носили и что было уже маловато, из двух одежд делали одно что-нибудь. Мама шила сама, потом, что оставалось от бабушек, из сундуков больших она доставала старинные юбки разные и перешивала. Поминаю, что где-нибудь зацепившись, она ругается: «Вот 30 лет юбка лежала, а ты в один день взяла и порвала». Думаю, так потому и рвется, что 30 лет лежала. Было и пальто сшито так. Когда-то нам давали на судостроительном заводе материал, допустим, разный, а тут надо было пальто. Так вот у меня спина была из одного материала, а две передние части пальто из другого.

— *Как жили другие Ваши знакомые?*

— Наши соседи лучше, у них были корова, огород, дети были взрослые и поэтому не так нуждались. Дом большой, а отец был арестован в 37, но его потом выпустили инвалидом. Из всех в округе, кто был знакомый, были арестованы многие. Вот мой отец и спать ложился одетый. Сумка готовая стояла. Вот «черный ворон» (так машина называлась) подъезжает, заходят, забирают. И последнее время даже не важно было, преступник или не преступник. Им нужна была дешевая рабочая сила. Если эти уполномоченные за ночь должны были арестовать несколько человек и эту норму не выполняли, то их могли туда же отправить. Поэтому они брали всех подряд.

— *Что Вам известно о детских домах тех лет?*

— О детских домах я ничего не знаю. Только могу сказать, что когда я выросла и мне лет 12 было, мне соседка сказала, что родители мне не родные и что меня не взяли из детдома. Потом когда студенткой уже была, то моя тетя рассказывала, что я была из детдома. Родители неизвестны, и меня в 34 году взяли из детского дома. И я его не помню, дата рождения моя неизвестна, мне даже сейчас неизвестно, сколько мне лет.

Вообще не помню ни одного штриха о том детдоме.

— *А в Вашем городе были эвакуированные?*

— Были эвакуированные, кроме того, воинские части были из которых военных подселяли в частные дома. У нас был частный дом, и у нас жили поочередно 2 офицера, мы освобождали одну комнату, нас обязывали это делать.

— *А беженцы из европейской части России были?*

— Нет это слишком далеко, их на Урале селили. Вот воинские части да. И войну с Японией помню, потому помню, что с отцом мы залезли на крышу, мамочку свою в убежище отправили. Были у нас в огородах траншеи. Ждали, что будут бомбить, тряслось сильно. На кладбище установили «катюши», и они трассирующими стреляли. У нас посуда вся звенит, ну пережили этот момент. А потом увидели Сахалин горит, японцев нет. А потом началась переправа наших войск через Амур. Так мальчишки наши через переправу в китайском Харбине побывали, к танку прицепятся и поехали. Оттуда везли галяр. Такая крупа, похожая на гречневую. Везли сахар неочищенный, желтый. Так мы на эту пристань бегали, в мешки собирали эту крупу. Она рассыпается, когда мешки бросают, мы это собирали. Я в драмкружке была, часто замерзали. Так мы с девчонками санки берем, набираем угля, что на пристани валяется, соберем, печурки топим...

— *Расскажите о Дне Победы?*

— День Победы мы странно встретили.

Во-первых, я оказалась в числе героинь, потому что меня учительница попросила тряпку намочить, я вышла в коридор и смотрю учителя обнимаются и плачут. Я на них смотрю так странно, а они мне: «Война закончилась! Победа!» Я с этой тряпкой заскакиваю в класс и кричу тоже: «Война закончилась! Победа!» А потом классом всем писали сочинения, и все ученики наши писали, как я вбежала с криком. Вошла в эти сочинения героиней. Потом в этот день мы почему-то с девчонками отправились в горы, в сопки хотелось нам, на свободу, на волю.

ШУРУДУКАЛОВ ВЛАДИМИР НИКАНОРОВИЧ¹

¹ Авторские воспоминания В.Н. Шурдукалова, доцента КГПУ им. В.П. Астафьева.

Владимир Никанорович Шурдукалов, кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии, директор института специальной педагогики КГПУ им. В.П. Астафьева.

— В 1966 году я поступил на историко-филологический факультет КГИИ. Проблемы выбора будущей профессии не было, потому что я родом из учительской семьи, а история, особенно отечественная, была подлинной страстью детства и юности.

Еще одно увлечение детства — спорт, занимался легкой атлетикой, спортивными играми. Высшее достижение — чемпион Красноярска в составе сборной педагогического института по гандболу. Сейчас точно знаю, что спорт во многом формирует личность, помогает бороться, преодолевать любые жизненные трудности, а главное — организует человека, делает его дисциплинированным. Наверное, поэтому во время вступительных экзаменов на историко-филологический не испугался конкурса 16 человек на место, шел до конца и поступил.

Учебу вспоминаю как один из самых счастливых периодов в жизни. Великолепные преподаватели — элита, представители ведущих научных школ Москвы, Ленинграда — обеспечили такой уровень подготовки, что впоследствии восемь моих одногруппников защитили кандидатские диссертации, а Валера Федорченко — докторскую по истории. Моим однокурсником был и будущий декан факультета начальных классов Яков Михайлович Кофман, безвременно ушедший из жизни...

Мы, дети 50–60-х, отличались вольнодумностью, продвинутостью, но в то же время свято верили в коммунизм и были патриотами Родины.

Такая же чистота помыслов распространялась на окружающих, и в первую очередь по отношению к девушкам.

А какие были замечательные практики! Имел честь два сезона участвовать в археологической экспедиции, исследующей древнегреческий город-полис Гермонасса, расположенный на берегу Керченского пролива.

Сегодня студенты другие, но молодое поколение меня совсем не раздражает – оно просто соответствует своему времени. Жаль только, что многие упустили возможность массово заниматься спортом, как мои ровесники. Забыл похвастаться: в нашей группе был собственный оркестр, потому что большинство из нас закончили музыкальные школы. Бессменным руководителем оркестра был одногруппник, студенческий товарищ Яша Кофман, в будущем профессор, проректор нашего университета.

После института распределился в село Долгий Мост Абанского района. Там быстро повзрослел. Работа в сельской местности — отличная школа становления учителя. Потом, как практически все юноши того времени, отслужил в армии. Нисколько не жалею. Главный урок армии — «чтобы уметь руководить, надо уметь подчиняться».

Затем успешно работал в школах Советского района Красноярска, прошел путь от учителя истории до директора школы. С 2005 года работаю в педагогическом университете.

Жизненный путь, все эти обстоятельства очень помогают в настоящей работе, в подготовке специалистов-дефектологов — я знаю профессию изнутри, на всех ее уровнях, от рядового учителя до краевого Министерства образования, в котором, кстати, проработал более пяти лет.

Еще один жизненный урок — необходимость постоянного саморазвития, самосовершенствования; как результат, три высших образования: историческое, дефектологическое, психологическое; а также аспирантура в Иркутске, защита кандидатской диссертации по специальной психологии в Москве. По моему примеру то же сделали мои дети: дочь защитилась по психологии, сын — по экономике.

Институт специальной педагогики занимает особое место в структуре университета: мы готовим уникальных квалифицированных специалистов, «лечебных педагогов» по европейской терминологии. В Красноярском крае логопеды,

специальные психологи, олигофренопедагоги, а в последнее время педагоги-психологи инклюзивного образования востребованы практически в каждом детском саду и школе, медицинских учреждениях, центрах социальной защиты. Потребность в наших специалистах велика, а будет еще больше. Медицина развивается, строятся перинатальные центры, вводятся европейские стандарты выхаживания глубоко недоношенных младенцев, а значит, помочь дефектологов и логопедов понадобится еще большему количеству детей.

Заслуга института специальной педагогики заключается в том, что мы сумели позиционировать себя как подразделение современного университета, обеспечивающее достойными кадрами социальное развитие региона. Как директор ИСП считаю, что будущее нашей профессии — психолого-педагогическое сопровождение нуждающихся в течение всей жизни. И начинать работать нужно с раннего возраста, часто до рождения ребенка. Примечательно, что 80 % различных вариантов интеллектуальных нарушений имеют генетическую обусловленность, т. е. наследственную отягощенность.

При этом погружение в профессию будущих дефектологов должно начинаться с первых дней обучения. И не с посещения анатомического театра, как у медиков, а со специнтерната для «тяжелых», показа будущих подопечных; доказано, что чем сложнее ребенок, тем выше должна быть квалификация специалиста, работающего с ним. Люди без способности к эмпатии, милосердию просто не овладеют нашей профессией. Даже высокая зарплата не удержит. Студенты должны иметь возможность раннего погружения по аналогии с медиками, которые с первого курса «срастаются» с белым халатом. Необходимо больше практики, общения с детьми, наблюдения, присвоения опыта старших коллег.

И наконец, самое главное. Дорогие выпускники нашего университета! Будьте честны с собой, с детьми, родителями. Цените свою профессию, не предавайте ее, помните, что каждый из вас исключительный, уникальный специалист — выпускник замечательного университета, носящего имя В.П. Астафьева.

«Я ВСПОМИНАЮ ВСЕ СНАЧАЛА...»

(ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШИХ СТУДЕНТОВ, ВЫПУСКНИКОВ КГПУ им. В.П.Астафьева)

* * *

АВДЕЕНКО ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА¹

Вера Александровна Авдеенко, учитель истории, ветеран труда, пенсионер. Родилась 23 сентября 1933 года в Северо-Енисейском районе, в посёлке Тея.

Во время революции 1917 года почти все родственники выступали на стороне красных, дед был расстрелян колчаковцами. Во время Великой Отечественной войны отчим, 2 его брата и их отец погибли на фронте.

Вера Александровна закончила Енисейскую школу № 1. Училась всегда

¹ Интервью провела Фурс Ирина Андреевна, студентка 3 курса исторического факультета.

хорошо. Когда закончилась война, она была в 4 классе. Со школьной скамьи знала, что хочет стать учителем истории. На её выбор повлияла Хасанова Сабира Якубовна, учительница истории, которая привила любовь к этому прекрасному предмету.

После окончания школы Вера Александровна собиралась поступать в Томский университет на исторический факультет, но после того как узнала, что там не готовят учителей она поступила в Красноярский государственный педагогический институт, в котором обучалась с 1951 по 1955 год.

Учёба приносила ей огромное удовольствие, училась всегда хорошо и без проблем. Деканом факультета был Павлов Павел Николаевич, которого Вера Александровна очень уважала за интеллигентность, выдержанность.

Во время учёбы в институте Вера Александровна проживала в общежитии на улице Брянской. Дом был деревянный, с печным отоплением. Она вела очень активную жизнь на факультете, была комсоргом курса.

Часто проходили вечера в главном корпусе на Мира, туда приглашались курсанты из воинских частей.

Свободное время проводили очень весело и разнообразно. Ходили на все премьеры театра Пушкина, особенно любили, когда выступали приезжие артисты, писатели. Все сессии ходили в кино, так как сдавала экзамены «автоматом». Смотрели по 5 сеансов в день в «Доме кино», «Совкино», «Луче». Также Вера Александровна посещала спортивные секции: лыжную и художественной гимнастики. Весной и осенью посещали танцевальные вечера в парке Горького, там выступал духовой оркестр.

Особой страницей факультетской жизни были поездки на уборку урожая в Новосёловский район. За высокие показатели при уборке урожая Вера Александровна имеет многочисленные грамоты и похвальные листы.

После окончания института с отличием Вера Александровна начала свою трудовую деятельность, которая продолжалась более 50-ти лет.

С 1957 года Вера Александровна была директором Слюдрудничной семилетней школы Мотыгинского района, а с 1959 года – завучем. С 1969 года –

директор восьмилетней школы в Мотыгино, затем завуч с 1971 года. С 1978 года – завуч Мотыгинской средней школы, проработала на этой должности до наступления пенсионного возраста.

Затем Вера Александровна с мужем переехала в Красноярск, здесь она работала в школе № 15, а затем с 1986 по 2008 год в школе № 16, где прекрасно преподавала историю и обществознание.

Вера Александровна безгранично любила свою профессию и на каждый урок шла, как на экзамен, подготовленной. Никогда не оставляла свои классы другому учителю, болела за своих учеников всем сердцем.

История, по её мнению, – это один из важнейших предметов в школе, так как она позволяет знакомиться с лицами, уникальными событиями, оценками этих событий. История учит любить свою Родину, мыслить и принимать верные решения. Вера Александровна очень не любит современные дебаты на исторические темы, переписывание истории, втаптывание в грязь каких-либо фактов и событий прошлого.

Она считает историков одними из самых образованных людей, с широким кругозором и собственным взглядом на жизнь.

Вера Александровна говорит, что если бы писала книгу, посвящённую своей профессии, то эпиграфом бы к ней выбрала слова Ярослава Смелякова:

История не терпит суесловья,
Трудна её народная стезя,
Её страницы, залитые кровью,
Нельзя любить безумною любовью
И не любить без памяти нельзя...

БИБИКОВА ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА¹

Валентина Васильевна Бибикова, выпускница исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева, в прошлом учитель истории, в

¹ Интервью провел Егор Родин, выпускник исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.

1990–1991 гг. — первый секретарь Сухобузимского райкома КПСС, 1999–2001 — начальник образования Сухобузимского района и с 2001 года — депутат Законодательного собрания Красноярского края.

— *Валентина Васильевна, расскажите, пожалуйста, немного о себе.*

— Родилась я в селе Рыбное Рыбинского района Красноярского края, коренная сибирячка: мои предки со стороны отца и со стороны матери ещё в XIX веке жили в Сибири. По линии отца в нашей родне были переселенцы с Украины, а по линии матери — ссыльные поляки, которые в середине XIX века были сосланы сначала в Западную Сибирь, а потом, по их же прошению из-за того, что дети умирали от очень плохого климата, были переведены в Восточную Сибирь, где жили их знакомые и родственники. Здесь они обосновались, занимались крестьянством.

Мой дед был красным партизаном в армии Кравченко-Щетинкина и прошел весь путь до Минусинска. В последующем я читала воспоминания А.Д. Кравченко, он пишет, что, когда было принято решение прорываться на юг Енисейской губернии, часть партизан осталась, а наиболее верные ему ушли вместе с ним. Среди наиболее верных был мой дед, который прошел через Саяны и тайгу. Он рассказывал о тяжелейших условиях, в которых им приходилось идти: как падали лошади, пушки, раненые в пропасти, как питаться было нечем, а у них был обоз с женщинами, детьми, ранеными; как их преследовали колчаковцы... В общем, эти детские воспоминания навсегда остались в моей памяти.

Второй мой дед был председателем колхоза в Большемуртинском районе. Его убили кулаки, и мой отец с его сестрой остались сиротами, потому что перед этим умерла их мать. В результате этих тяжелейших потерь свое детство они провели в Енисейском детском доме.

В войну мой отец работал на эвакуированном заводе имени К.Е. Ворошилова, изготавливавшем артиллерийские орудия. Во время испытаний у него оторвало замком от орудия обе ноги. Так, в 19 лет он стал инвалидом. Тем не менее моя мама, простая крестьянка, ухаживая за такими же инвалидами, как мой отец, в Рыбинском доме инвалидов, полюбила его, вышла за него замуж. Так и образовалась семья, в которой

выросло пять детей.

Папа мой умер очень рано, в сорок лет, а маме недавно отметили всей семьёй юбилей, ей исполнилось 80 лет. Я очень счастлива, что она с нами! Она смогла дать образование всем пятерым: я стала учителем истории, мой брат — учителем английского языка, одна сестра получила высшее экономическое образование, вторая сестра выучилась на медика, а брат стал ветеринаром.

Мама нас никак не ориентировала, ей было некогда. Она работала с утра до вечера. Мы сами выбрали те профессии, которые нам понравились. Вообще на всех жизненных этапах мама нам помогала как материально, так и морально, и можно совершенно точно сказать, что наша мама во всех смыслах — настоящая мать. Она является примером трудолюбия, ответственного отношения к людям и внимания к близким!

Её долголетие несмотря на трудные жизненные ситуации объясняется её терпением, умением согласовывать свои поступки и действия с определенными крестьянскими нравственными нормами, которые были ей привиты, когда она была ещё девушкой.

— Валентина Васильевна, как Вы поступили в педагогический институт?

— Сначала я закончила педучилище, потом педагогический институт. Очень рада, что у меня именно так выстроилась профессиональная подготовка, потому что педучилище дало мне основательное профессиональное образование. Нас учили всему практически с нуля. На уроках труда в течение четырех лет мы сделали все поделки, которые должны были, как учителя, сделать с детьми. Мы спели все песни, которые должны были спеть с учениками в начальных классах, делали и «сдавали» все физические упражнения и виды спорта: коньки, лыжи, гимнастика, баскетбол, волейбол... В общем, всё в этом педагогическом училище было построено на том, чтобы не было ни одной операции, которую не мог бы выполнить учитель начальных классов.

Безусловно, очень большое внимание уделялось и общеобразовательной подготовке. Все четыре года мы изучали химию, физику и другие предметы. Были у нас такие предметы, как землеведение, которые значительно расширяли наш кругозор. Кроме того, тогда было очень много конференций, конкурсов, что также давало нам довольно обширную подготовку.

Без сомнения, поступление в педагогический институт на истфак тогда тоже было для меня знаковым событием. Конкурс на заочный факультет был тогда 8 человек на место. Я неплохо сдала экзамены, и меня приняли. Мне удалось без «хвостов», не отставая от своей группы, несмотря на то, что я вышла замуж и родила ребенка, закончить институт.

Институт, научил систематизации материалов, выстраиванию причинно-следственных связей, приучил к тому, чтобы ни одного дня не проходило без чтения, хочу сказать, что я никогда не читала детективов, потому что просто не было на это времени. Как историк я читала специальную литературу. В наших библиотеках хранятся книги, которые должен прочитать не только учитель истории, но и каждый образованный человек, живущий в России, чтобы осознавать себя частью не просто географического пространства, а частью Российского государства.

— *Валентина Васильевна, у Вас есть любимый период в истории?*

— На истфаке у нас преподавала Шатрова Галина Петровна. Она читала нам лекции по декабризму, и я писала спецкурс по этому движению. Для того чтобы написать спецкурс по «Союзу освобождения», я ездила в Иркутск, где в Белом доме были блестящие архивы, протоколы допросов декабристов, на базе которых я писала свою работу. Была перечитана масса монографий, я влюбилась в Милицу Васильевну Нечкину и других исследователей этого периода нашей истории. Поэтому период декабризма стал для меня любимым периодом в нашей истории.

— *Валентина Васильевна, как начался Ваш трудовой путь после окончания института?*

Так получилось, что моя трудовая биография началась в Ирбейском и Манском районах: там я вела, как ни странно, немецкий язык. Немецкий, потому что работать я начала после окончания педагогического училища, и у меня были неплохие оценки по

иностранным языку, а учителей иностранного языка не было. Я довольно ответственно относилась к этому, учila все тексты наизусть, слова... Ребяташки неплохо читали и переводили, отвечали на вопросы, и сейчас, спустя годы, у меня нет угрызений совести, что я занималась не своим делом. Потом уже, когда закончила истфак, я стала вести историю.

— *Как Вы встали на путь партийного роста?*

— Это было неожиданно, потому что я в 28 лет вступила в коммунистическую партию и была директором школы и, наверное, была неплохим директором школы, потому что меня наградили грамотой Министерства образования РСФСР.

Однажды меня пригласили в районный комитет партии и предложили возглавить идеологический отдел. Для меня это предложение было неожиданным, поскольку меня всё в жизни устраивало: муж у меня работал главным инженером, я — директором школы, у нас было двое маленьких детей. Но после третьего вызова мне было сказано: «Вы серьезно относитесь к своей партийности?». Я ответила, что достаточно серьезно. «Тогда будете выполнять партийные поручения».

Так, я стала сначала заведующей идеологическим отделом, потом — секретарем по идеологии, потом меня избрали первым секретарем райкома партии. Кстати, выборы проходили на альтернативной основе, и второй кандидатурой на этот пост был инструктор краевого комитета партии. Подавляющим большинством меня избрали первым секретарем Сухобузимского райкома партии. Это было в октябре 1990 года, в очень тяжелое «перестроенное» время, когда было очень сложно работать.

В 1991 году, когда партию запретили, я стала собирать новую партийную организацию в Сухобузимском районе и до 1994 года возглавляла партийную организацию района, но уже как оппозиционную.

— *В 1985 году началась «перестройка». Верили Вы тогда в новые веяния и в*

осуществление проводимых в стране реформ?

Мы все хотели, чтобы и общество, и государство, и трудовые отношения менялись. Безусловно, как и большинство людей, мною искренне были восприняты призывы «перестройки», обновления социализма. Ведь никто не говорил о том, что мы будем строить капитализм. Перестройка шла под лозунгом «Больше социализма»: поднимались и заново прочитывались работы В.И. Ленина, искались пути перестройки экономических отношений. Помню, меня заинтересовала статья Вилли Брандта о демократическом социализме в журнале «Проблемы мира и социализма».

Мы с энтузиазмом создавали кооперативы, надеясь на то, что нужно создавать собственность, альтернативную государственной. Под это выделялись большие государственные кредиты. Люди, которые работали в этих новых сельскохозяйственных кооперативах, получали деньги, покупали технику под очень маленькие проценты. Сейчас практически их нет.

Сейчас понятно, что недооценка последствий «перестройки» привела к таким катастрофическим результатам. Помню, меня насторожил ответ Горбачева на вопрос одного из корреспондентов из Индии о том, что происходит в Прибалтике: он ответил, что там «перестройка». Я поехала в Дом политпросвещения, взяла три подшивки газет: «Советская Латвия», «Советская Литва» и «Советская Эстония» (в нашем Доме политпроса были газеты всех союзных республик). Когда я прочитала о том, что там происходит, хотя ни по телевидению, ни в «Правде», ни в «Известиях» об этом не говорилось, у меня волосы дыбом встали — там уже полностью раскручивалось «национально-освободительное» движение: сбрасывались красные флаги и вывешивались национальные стяги. Там был настоящий «буржуазный национализм». Результатом всего этого стала потеря великого государства и запрет партии, которая была стержнем, цементирующим всё государство.

На сегодняшний день у нас в стране нет скреп, альтернативных партий не создано, отсюда, на мой взгляд, и все проблемы. В свое время прочитала книги Льва Гумилева, очень заинтересовалась теорией пассионарного развития. Но мне бы очень не хотелось, чтобы русские исчезли как кельты, хазары, половцы в мировом пространстве. Я считаю, что тысячелетняя история Российского государства

обязывает сегодняшних политиков принимать более взвешенные и ответственные решения и заботиться о сохранении государства.

— *Валентина Васильевна, в 1999 году Вы стали начальником управления образования Сухобузимского района и сохраняли этот пост до 2001 года. Расскажите, пожалуйста, что Вам удалось предпринять на этом посту.*

— Вы знаете, после 1991 года я три месяца была безработной. Мне позвонил, кстати сказать, не учитель, не начальник управления образования, а директор Сухобузимского совхоза Исоян Александр Христович и задал вопрос: «Ну что, сидишь?». Я говорю: «Сижу». «Куда ты хочешь идти работать?». А мне к тому времени предлагали работу начальника райсобеса, идти в банк, возглавить страховую компанию — я ничего из этого не приняла. «Ну как куда? Откуда ушла? туда и хочу вернуться — в школу». «Значит, ты пойдешь в школу». Словом, решали мою судьбу руководители хозяйств, а не чиновники в трёхэтажном здании. Это во многом говорит о стремлении их к «самосохранению».

Вот я пришла в школу, работала несколько лет учителем, а потом сразу из учителей мне предложили возглавить управление образования. Пришлось работать в тяжелые годы, когда у власти в крае был ещё А. Лебедь. Это было время неплатежей, очень плохо обстояло дело с финансированием. В свою копилку я могу отнести то, что мне удавалось находить понимание у руководства района, и я свою энергию направила на ремонт канализации, крыш, отмосток, пищеблоков в школах.

Что касается образовательного процесса, то период неплатежей привел к тому, что в школах не было инспекторских проверок: как учителя проверять, если ему не выплачивают зарплату! Мне удалось убедить учителей, что необходимо вводить контроль за работой, придавать новые импульсы аттестационной работе, потому что учитель не может работать по схеме «получил зарплату — ушел». Необходимо, чтобы учитель постоянно работал над собой, поэтому мы стали поощрять учителей как морально, так и материально, и у нас «взбодрилась» ситуация в районе; учителя были заинтересованы в том, чтобы учить детей, лучше работать.

— *С 2001 года Вы являетесь депутатом Законодательного собрания Красноярского края, входите в состав комитета по образованию. Скажите,*

пожалуйста, за последние восемь лет как изменялась система образования?

— Здесь можно увидеть как положительные, так и отрицательные моменты. Положительным было то, что за эти годы были выделены достаточно большие средства на укрепление материальной базы школ, это позволял бюджет. Очень много школ отремонтировано, были выделены очень большие средства: 100-120 миллионов выделяли ежегодно на приобретение учебников, по 100 миллионов на приобретение автобусов. Сегодня материальная база подвоза детей значительно улучшена. Выделяются средства на укрепление пищеблоков, потому что оборудование изношено.

Из отрицательного — это массовое закрытие малокомплектных школ. У нас закрыто более 100 школ за 2 года. Это политика министерства образования России, она проводится по всей стране под видом того, что нужно сохранять только те учебные заведения, где высокое качество обучения, и почему-то малокомплектным школам сразу поставили «двойку». С этим я категорически не согласна и протестую всеми силами против того, чтобы школы закрывались. Никакой автобус не может поднять качество образования.

Особенно печально, когда закрывают начальные школы и ребенок начинает жить самостоятельно, в свободном пространстве, а родитель не может зайти в школу, узнать, как учится его дитя. Это я считаю неправильным, потому, как если мы говорим о том, что нужно давать качественное образование детям, ребенок вне зависимости от того, где он проживает, должен быть обеспечен государством нормальными образовательными учреждениями. Государству надо вкладывать деньги и в ремонт, и в реконструкцию уже существующих малокомплектных школ, и в строительство новых.

Печально, что в крае у нас в этом направлении ведется мало работы, ежегодно сдаются по 2-4 школы. Это ненормально для такого края, когда в советское время сдавалось и по 15, и по 20 школ ежегодно.

— *Как Вы относитесь к намерениям отдельных чиновников от образования сделать платным школьное обучение?*

— Я категорически возражаю, потому что это противоречит Конституции, ко-

торая гарантирует получение образования всем гражданам. Если мы введем платное обучение в средней школе, то часть детей не сможет получить образование в силу того, что у нас примерно третья населения живет за чертой бедности. Я считаю, что этот процесс направлен на деградацию нашего населения.

Советская власть осуществила гигантский проект: сначала государство перешло ко всеобщему начальному обучению, затем, не имея денег, ресурсов, оно перешло к семилетнему всеобщему, затем к восьмилетнему всеобщему образованию и, наконец, это был всеобуч — всеобщее среднее образование. «Перестройкой» закон о всеобуче был отменен. Сравнительно недавно его опять ввели, но за его исполнением никто не смотрит. Той ответственности, которая была тогда, когда мы за каждого ребенка отвечали вплоть до того, что он после восьмого класса пошел в ПТУ, пока он его не оканчивал, мы за этого ребенка отчитывались. Если он бросал ПТУ или техникум после восьмого класса, мы были обязаны взять его в школу или трудоустроить его таким образом, чтобы он нигде не болтался. Этой цепочки сегодня нет, и закон о всеобуче, который был принят, носит формальный характер.

— *Что бы Вы хотели пожелать молодежи, студентам?*

— Считаю, что истфак имеет блестящую историю, и всегда говорю о том, что он был открыт в годы Великой Отечественной войны. Сейчас мировой кризис — не мировая война, и это не является основанием для того, чтобы уменьшать средства на образование. Открытие исторического факультета — это пример того, что в нашей стране всегда был потенциал, который давал возможность развивать науку и заботиться о будущем поколений. Историкам надо это ценить и уметь анализировать происходящие события, чтобы чувствовать себя уверенно и понимать, где ты, с кем ты и куда тебе идти.

ЗАВОДЯН ВЕРА НИКАНДРОВНА¹

Вера Никандровна Заводян, директор Тумаковской средней общеобразовательной школы Ирбейского района. Выпускница историко-филологического факультета Красноярского государственного педагогического института 1972 года.

Вера Никандровна родилась 13 января 1942 года в д. Коростелево Ирбейского района Красноярского края. Родилась и воспитывалась в большой, многодетной семье. Еще в раннем детстве она мечтала стать учительницей. Перед глазами всегда был пример для подражания: дяди и тетя работали в школе. Училась, стремилась к новым знаниям, и все получалось. Мечта сбылась – совсем молоденькой пришла в школу и начала свою педагогическую деятельность. Годы пролетели, и вот за плечами уже не один год работы как директором, так и учителем. Множество заслуг на поприще образования. Новые идеи и замыслы. Вера Никандровна 34 года работает бессменным руководителем образовательного учреждения, которое является одним из ведущих в районе.

В.Н. Заводян всегда в курсе дел района, села. Жители по любым вопросам обращаются к ней как к депутату районного совета, и она всегда найдет слова поддержки и окажет помощь. А сколько она сделала, чтобы осуществить мечту о строительстве новой школы в селе Усть-Яруль! Школа строится, а директор гордится своими учителями: «Без сомнения, все учителя у нас одаренные, творческие, любящие работу и вкладывающие душу в воспитание ребят». Действительно, в школе сформировался стабильный педагогический коллектив. Все имеют высшее образование, большинство из педагогов – выпускники школы. Средний возраст учителей – 40 лет, но есть и молодые.

Особую гордость испытывает Вера Никандровна за своих учеников. Ребята

¹ «Слово о Педагоге» и воспоминания Веры Никандровны Заводян записала и обработала учитель истории Тумаковской СОШ Любовь Николаевна Гаврилькова, выпускница исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.

радуют своими успехами. А весь секрет в том, что в школе создаются такие условия, чтобы каждый ребенок мог проявить себя. Ведь в каждом есть талант, главное – дать шанс ему раскрыться. Дети активно вовлекаются в процесс обучения и воспитания. Для того чтобы учиться стало не только полезно, но и приятно, в школе проводятся различные акции. Например, ежегодный весенний «Слет ударников учебы», который включает в себя торжественную линейку, посвящение в отличники, награждение лучших по успеваемости, интеллектуальные игры. Стимулом к хорошей учебе является и небольшая стипендия. Учеба в школе всегда на первом месте, но уделяется внимание развитию и других талантов.: спорт, творчество, рукоделие. Для дополнительной занятости учащихся в школе работают 13 кружков на любой вкус: и изостудия «Радуга», и вокальная группа «Эдельвейс», и ансамбль духовной музыки «Свеча» – участник краевого конкурса-фестиваля детского художественного творчества, посвященного 160-летию художника В.И. Сурикова (2008 г. Диплом III степени), и ансамбль мальчиков «Казачок» – участник фестиваля казачьей культуры «У Красного яра» в 2009-2011 гг. (дипломы I, II, III степени). Кроме того, ребята посещают кружок по прикладному искусству, секцию познавательных проектов и клуб судомоделирования. В школе организовано множество спортивных секций – от классического футбола до брейк-данса. Для желающих заниматься хореографией и музыкой организована доставка в музыкальную школу и районный Дом культуры. Попробовать свою ответственность за других учащимся школы позволяет участие в различных отрядах: «Юные пожарные», «Юные инспекторы дорожного движения». Есть и оперативный отряд, работающий с детской комнатой милиции.

Школа имеет еще одну особенность: здесь стараются приучить детей к сельскохозяйственному труду. На базе школы работает производственная бригада. Школа имеет 152 га земли. Деньги, полученные от реализации зерна, идут на улучшение материальной базы школы. Кроме того, в школе ребята обучаются тракторному и автомобильному делу, что, несомненно, пригодится им в жизни. В этом направлении школа является экспериментальной площадкой района.

Авторитет учителя сложился из ее деловых и профессиональных качеств. Время требует современного подхода к управленческой деятельности, и наш директор ему

соответствует. За успехи в обучении и воспитании детей Вера Никандровна Заводян отмечена почетной грамотой РСФСР, званием «Отличник народного просвещения», медалью «Ветеран труда». В ее арсенале имеются награды российского, краевого и районного уровней за добросовестный труд, активную жизненную позицию, трудовое и военно-патриотическое воспитание учащихся, основанное на исторических и культурных традициях сибирского казачества. Большое внимание в школе уделяется развитию творческих способностей детей. Школьный ансамбль «Казачок» является лауреатом краевого конкурса «Казачий круг», и Енисейское казачье войско наградило Вера Никандровну медалью за долголетнюю добросовестную деятельность по возрождению культуры казачества. А сколько грамот, благодарностей, наград получила она за свою жизнь – не сосчитать. Все они разные и заслужены кропотливой нелегкой работой, в которую вложила душу и сердце учитель-директор Вера Никандровна Заводян.

Воспоминания Веры Никандровны Заводян

Отец ушел на фронт, а мама осталась с четырьмя малолетними детьми. Сказать, что жили трудно, значит, ничего не сказать. До сих пор чувствую запах жмыха, черного хлеба и такого вкусного супа из лебеды и крапивы. Из детских воспоминаний в памяти осталось то, как я ходила к маме на работу за очередной порцией хлеба и жмыха для старших братьев и сестры. Помню, как у мамы просила бездетная пара отдать им меня, на что мама ответила: «Придет муж с фронта, что я ему скажу?». Так и не отдала. Помню возвращение отца с фронта, ведь я родилась без него: подъехала машина, из нее вышел незнакомый мужчина и направился к нам в избу. Я спросила у мамы: «Что это за незнакомый дядька?» Мама ответила: «Это твой отец». Относилась я к нему поначалу очень настороженно, но потом мы подружились.

Еще одно воспоминание из детства связано с 1953 годом, когда умер Сталин И.В. Было тепло, таял снег, мы бегали по лужам и удивлялись тому, что люди вокруг плакали.

С детства мечтала стать учителем, даже в деревне говорили – растет учительница. Любовь к этой профессии мне привили мои дяди и тети, которые

проработали всю жизнь учителями. Это Николаев Алексей Никифорович, который работал директором школы в Устьянске Абанского района, Пересторнины Нина Максимовна и Серафим Максимович. У меня двое сыновей. Старший Владимир посвятил себя работе в органах внутренних дел, а младший Александр пошел по моим стопам – стал учителем. Невестка Любовь тоже учитель. Так и сложилась у нас династия педагогов. Школа была и остается для меня любимым местом пребывания. Всегда нравилось учиться. Моя первая учительница Ходько Зинаида Евстигнеевна привила любовь к учению и самостоятельности. Вспоминаю себя «октябренком», как гордилась тем, что ношу на груди звездочку. Это было почетно и вместе с тем ответственно. Хотелось быть достойной звания «октябренка». До сих пор вспоминаю октябрятские сборы, совместные мероприятия по сбору макулатуры, металлолома. В совместных делах учились коллективизму, товарищству и ответственности. После окончания начальной школы в Коростелево поступила в семилетнюю школу с. Хомутово. Предметы нравились все. Много было и общественной работы: староста класса, председатель учебного комитета, пионервожатая. Словами благодарности я вспоминаю своего классного руководителя Лежневу Александру Дмитриевну: ее требовательность, доброту, манеру ведения урока. Учила она нас математике, интересно и доходчиво объясняя все тайны «царицы наук». А в становлении меня как общественницы большое влияние оказал Лежнев Николай Иванович, работавший тогда директором школы. Учил ответственности, умению высказывать и отстаивать свою точку зрения, а также самостоятельно принимать решение. Это повлияло на выбор профессии в будущем. Пионерские годы были чудесные: сборы, походы, песни у костра, соревнования, экскурсионные поездки, а что для нас значила борьба за присвоение отряду имени пионера-героя! Горы готовы были свернуть, только бы удостоиться такой чести. И добивались, и гордились достигнутым. Вспоминаю пионерские костры и поездки в районный центр с. Ирбейское на День Всесоюзной пионерской организации 19 мая. Эта многоликая детская толпа в красных галстуках, ощущение торжественности момента, кажется, что все было только вчера.

Было у нашего поколения удивительное стремление к знаниям. Жили мы в интернате и еженедельно ходили домой пешком за 10 км. А возвращались тем же

ходом, неся за плечами рюкзак с продуктами на неделю. Никто не роптал, но все твердо знали, если будут плохо относиться к урокам, то не сдадут экзамены и будут оставлены на второй год обучения в этом же классе. Родители всегда следили за успеваемостью детей, помочь мало чем могли, но контроль был всегда. Хорошо учиться было престижно. Мы всегда чувствовали родительскую заинтересованность в наших делах, поэтому многое успевали и в учебе, и в общественной жизни.

На старшей ступени школьного образования я встретила новых учителей и одноклассников. Это было уже в с. Талое. Всегда с благодарностью вспоминаю учителя математики Петецкого В.В., учителя истории Ким С.С., учителя географии Бельш И.О. и др. Вспоминаю и моих одноклассников: Веденеева Ивана, Болдова Владимира, Коростелеву Валентину, Шлемберг Валентину. Все мы были из разных деревень и жили в интернате. В старшей школе много проходило комсомольских собраний, конференций, съездов. А самый замечательный праздник для нас был День комсомола, который отмечался 29 октября. Было принято этот праздник встречать высокими достижениями в учебе и общественной жизни. На старшей ступени к учебе относились особенно ответственно. Каждый понимал, что все зависит от тебя самого: и сдача экзаменов, и возможность реализовать себя в самостоятельной жизни.

В 1960 году после окончания Тальской средней школы я поехала работать учителем в таежную деревню Выжига, там работала моя тетя Пересторонина Нина Максимовна, которая оказала большое влияние на становление меня как учителя. В 1961 году я поступила учиться в Енисейский пединститут на факультет математики. После окончания I курса по состоянию здоровья учебу пришлось оставить. И в 1962 году я снова пошла работать учителем математики теперь уже в Усть-Каначульскую восьмилетнюю школу. Коллектив был молодой, нам до всего было дело. Активно участвовали в общественной жизни села, особенно в художественной самодеятельности. К нам, тогда еще совсем молодым учителям, уважительно относились и дети, и родители детей.

В 1963 году я была переведена в Усть-Ярульскую среднюю школу в качестве старшей пионервожатой. Дел было много, успехи были и в учебе, и в труде. Тогда я

получила первую сою награду – Грамоту ЦК ВЛКСМ в честь 50-летия Всесоюзной пионерской организации. Жизнь была интересной, творческой, много было поездок по городам Советского Союза.

В 1965 году поступила в Красноярский педагогический институт на факультет истории. В 1972 году получила диплом об окончании по специальности «История и обществознание». Сегодня добрым словом вспоминаю преподавателей пединститута Болтинскую Л.В., Петухову Ю.К., Шахматова, Воробьева В.И. Это они учили нас самостоятельно добывать знания и работать с источниками. Я благодарна преподавательскому коллективу исторического факультета за те знания, что нам дали. Все хорошее в жизни – от учителей. Сегодня я поздравляю наш педагогический университет с юбилеем, а преподавательскому коллективу желаю здоровья и творческих успехов на поприще образования. Сейчас меня радует, что в школу идут работать молодые учителя. Значит, дело наше продолжается!

КОВАЛЕВА ЛЮДМИЛА АНДРЕЕВНА¹

Людмила Андреевна Ковалёва (Загатина) родилась 21 января 1948 года в городе Норильске Красноярского края. Выпускница Красноярского государственного педагогического института 1972 года. Педагогический стаж – 40 лет.

Родилась я в обычной рабочей семье в г. Норильске. Отец, Андрей Васильевич, родился в деревне Новотроицк Ермаковского района Красноярского края в бедной многодетной семье, где было девять ребятишек. В 1940 году пошёл служить в армию, а через год началась война. Был ранен, контужен, но воевал до победы, имел боевые награды, закончил войну в Кёнигсберге. А потом участвовал в военных действиях на

¹ Авторские воспоминания Ковалевой Людмилы Андреевны, учителя Соколовской СОШ Иланского района. Работу над воспоминаниями в процессе интервьюирования и редактирование помогала осуществить учитель истории Соколовской СОШ Ирина Геннадьевна Шледевиц, выпускница исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.

востоке (Япония).

Вернулся домой в 1947 году. В деревне голод, нищета, из четырёх братьев с войны не вернулся один, Павел. За годы военного лихолетья подросли девчонки, влюбился пapa в соседскую черноглазую Клавдию, которой только и было-то шестнадцать годков. Поженились и поехали на Север «за длинным рублём», как говорили в то время. А осенью 21 октября 1948 года родилась я, маме моей на следующий день исполнилось 17 лет.

На Севере жизнь была трудной: тяжёлые погодные условия, полярные ночи, когда солнце появлялось низко над горизонтом всего на несколько минут. Пapa работал охранником в тюрьме, где было много политзаключённых, а мама работала в воинской части поваром. Прожили мы в Норильске 14 лет. Потом мама заболела, её лечил заключённый врач из Ленинграда (отец приводил его на квартиру, а потом снова уводил в лагерь). Он потом посоветовал увезти маму на материк. Так мы оказались в селе Мигна Ермаковского района, что на юге Красноярского края. В Мигне жило много наших родственников, бабушка по маминой линии, дядьки и тётки. Мигна – самобытная деревня: расположена на дне глубокой чаши, вокруг тайга, а по линии горизонта в лёгкой дымке – Саяны. В тайге водились соболя и белки, лисы и медведи. Мужчины занимались охотой. Помню знаменитого медвежатника Собакина Ивана Евдокимовича, на его счету было более ста медведей. Настоящий русский сибирский богатырь.

Детство моё прошло между городом и деревней. Когда у меня появился брат, мне шёл седьмой год. По слабости его здоровья мы с лета остались зимовать в деревне Вознесенка, что расположена рядом с Мигной. Мы почти каждое лето приезжали в эту маленькую деревенку на отдых к бабушке. Бабушка жила одна, дед не вернулся с войны, в 1937 году он был отправлен в лагерь, а затем на фронт, в 43 году пришла похоронка. Вот у бабушки мы и остались зимовать. Вознесенка – деревенка небольшая, но начальная школа там была: большой, рубленый из брёвен дом, весь двор которого утопал в цветах. В свои 6 лет я уже умела читать, бабушка была неграмотная и не верила, что я читаю. Помню, принесли газету «Правда», и бабушка устроила мне экзамен: прочитать слово «коммюнике», прочитать-то я прочитала, а

понять не могла, что оно значит. Соседские дети собирались в школу, покупали учебники, тетради, карандаши. А я плакала и просилась в школу, мама ходила к учительнице, но ей отказали, т. к. мне не было 7 лет. И однажды я подошла к учительнице на улице и попросила её взять меня в школу. Она посмотрела на меня, погладила по голове и сказала, чтобы завтра я пришла с мамой. Утром мы пошли в школу, меня взяли с испытательным сроком до дня моего рождения. То первое сентября я помню всю жизнь, это был, наверное, самый главный праздник. Я важно шагала в форменном платьице, белом переднике, с белым бантом на голове, с букетом белых астр и с новеньkim портфелем, а рядом шла мама. После уроков я прибежала домой и сказала: «Я буду Любовь Ивановна!».

Мою первую учительницу звали Любовь Ивановна Опарина. Это был удивительный человек: добрая, чуткая, справедливая. Таким, наверное, и должен быть учитель. Я любила школу, любила учиться, даже четвёрки огорчали меня. И со второй

четверти меня вписали в классный журнал. В 1 классе нас было 10 человек и только двое были троичниками, остальные учились на «хорошо» и «отлично». Ну разве могла я после первого класса уехать в какой-то Норильск, в какую-то другую школу. Я осталась у бабушки на 2 года. Это было счастливое время: учёба доставляла удовольствие, я полюбила книгу. Сначала это были сказки, стихи, затем повести и рассказы о путешествиях, о дальних

странах, о войне. В школьной библиотеке был кружок «Книжкина больница», мы все посещали его, «лечили» книги и «запоем» читали, обменивались книгами, устраивали очереди на интересную книгу, зачитывались Гайдаром, «Четвёртую высоту» Гули Королёвой я прочитала пять раз, а потом был «Васёк Трубачев и его товарищи», я плакала над его страницами. Чтение открывало нам окружающий мир, книга учила понимать прекрасное, учила любить Родину, ценить дружбу и товарищество.

В старших классах пришло увлечение иностранной литературой. Э. Золя, О. Бальзак, Т. Драйзер, Ги Де Мопассан, Э.-М. Ремарк – герои их произведений

раздвигали границы, давали возможность понять и узнать иной мир. Увлечение чтением со временем переросло в потребность.

Книга стала источником знаний, учителем, советчиком на всю жизнь. Во времена моего детства книга была единственным источником информации, который был доступен всем. Конечно, слушали радио, «крутили» пластинки на патефоне, затем появились проигрыватели. Но это было не то, т. к. книга оставляет право выбора, а её содержание заставляет сопереживать ситуации.

В 1957 году родители купили дом в деревне Мигна, и мы с мамой и братом стали сельскими жителями, а отец остался по вербовке на Севере зарабатывать деньги на жизнь. В мигнинскую школу я пришла в четвёртый класс. Мне всегда везло с учителями, учителем 4 класса был Яков Николаевич (фамилию не помню). Школа была огромная, деревянная, двухэтажная, очень уютная. Советская школа шестидесятых – это колыбель знаний, порядка, дисциплины и трудолюбия. Нам многое не разрешалось: носили только форменную одежду, белые банты, кружевные жабо и манжеты только по праздникам, на вечерах. Туфли на низком каблуке (мальчиковые), никаких стрижек, чёлок, только косички.

Помню, как классе в восьмом мама подстригла меня коротко (у меня были вьющиеся волосы), и я в понедельник пришла на занятия. Встречала нас по утрам завуч Яковлева Людмила Игоревна (учитель русского языка и литературы в старших классах, приехала в Сибирь по распределению из Ленинграда). Мы все были влюблены, восхищены ею, это был пример для подражания: строгий тёмный костюм, белоснежная блузка, высокая причёска, открытый лоб, чуть-чуть помады и ухоженные руки с отполированными ногтями. Людмила Игоревна любила нас, детей, отдавая нам своё время, свои умения, своё сердце. Увидев меня с кудрявой шевелюрой, она подошла ко мне и тихонько сказала: «Завтра чтобы были косички». И всё: ни криков, ни вызова к директору, ни жалобы классному руководителю. А на утро косичек не было, но упрямые кудряшки были заколоты, а скрывал это безобразие на голове огромный бант, который с лёгкой руки физика окрестили пропеллером.

Я полюбила новую школу, быстро стала активисткой: в 4 классе меня избрали председателем совета отряда, а в 5 я уже была председателем совета дружины.

Увлекалась всем: участвовала, пела в хоре, читала стихи; посещала кружок живописи, где мы не просто учились рисовать, а знакомились с шедеврами мирового искусства, была редактором стенгазеты «За учёбу», еженедельно на трёх ватманских листах выпускающейся. В школе было много кружков, студий. Жизнь бурлила, школа была центром (притягательным!) для всех.

Ведь и родители приходили не только на собрания, работал родительский лекторий, папы и мамы спешили в школу, т. к. вели всевозможные кружки, они общались с детьми, учили пекать пироги и торты, мариновать и солить овощи, варить варенье, шить, вышивать, кроить, выпиливать лобзиком, знакомили с техникой. При школе была теплица (выращивали рассаду, разводили цветы), был огромный сад (яблоньки-ранет, смородина, малина, редкая по тем временам виктория). Гордостью школы был огород. Там росло всё для организации питания: картофель, огурцы, капуста, фасоль, горох, а какие помидоры вырастали... Работали в саду и огороде мы, наши учителя и родители. Никто и никогда не залез на огород, не напакостил в саду. Мы знали, что можно зайти в сад, поесть малины, но делать это надо, как у себя дома. Нам хватало овощей, варенья, повидла, сухофруктов на долгую зиму. Это была заслуга нашего биолога Фищева Леонида Тимофеевича.

Вообще, в мигнинской школе был уникальный учительский коллектив. Приведу один пример: в школе работал абсолютно слепой химик Дроздов Павел Иванович (закончил Московский университет, в военное время в один из налётов немецких самолётов на крышу общежития упала зажигательная бомба, и на лицо попал горящий шлак). Так вот, Павел Иванович знал всю химию наизусть, приходил на урок без учебников, без планов. Классный журнал все годы учёбы вела я, он помнил все оценки, и однажды одному из одноклассников я поставила лишнюю четвёрку, чтобы в четверти он вышел ударником. Когда я прочитала вслух все оценки, Павел Иванович спросил, за какую тему стоит «злосчастная» четвёрка. Врать было бесполезно, я встала и призналась в содеянном. Насколько мудрым оказался учитель, судите сами. Он поставил четвёрку за четверть, а мне посоветовал помочь подтянуться этому ученику. Это был урок на всю жизнь. Мы знали, как трудно слепому учителю: всегда чисто промывали доску (он мог писать мелом по написанному), проводили опыты

ученики-консультанты, то есть мы берегли нашего учителя.

Я любила все предметы, кроме «Конституции». Был такой предмет в 9 классе «Конституция. Свод законов», казался мне скучным, каким-то казённым, вела этот предмет учительница истории Сунцова Мария Романовна. Историю мы любили и понимали, так что дело не в учителе.

Учителя оставили огромный след в моей жизни. Хотелось быть похожей на них. Учителя доверяли нам, не читали нотаций, относились с пониманием, они жили нашей жизнью, щедро делились знаниями, всем, что умели сами. Разве можно забыть, школьные вечера, которые проводились еженедельно по субботам. Это были не просто танцы. Это были тематические вечера: мы летали в космос, разучивали старинные танцы (кадриль, подъеспань), учились танцевать народные танцы, вальс, танго. Кто из нынешних выпускников умеет вальсировать? Вместе с учителем биологии (он же учитель пения) мы колесили с агитбригадой по соседним деревням, иногда ночевали в клубе, но никогда и никто не позволял себе спиртного, сигарет.

У нас был удивительный класс: 9 девчат и 9 мальчишек, трое-четверо в четверти имели тройки, остальные учились на совесть. Из 18 выпускников только трое не имеют высшего образования, никто не был судим, считаю, что это заслуга педагогов. Мы стали людьми, вышли в мир с багажом знаний. С одноклассниками и сейчас общаемся по Интернету, а раньше переписывались, перезванивались.

Школьная дружба – она навсегда. Были, конечно, и конфликты, мы совершали проступки – нас наказывали (разбирали на совете дружины, на заседаниях комитета комсомола, иногда вызывали родителей, объявляли выговор). Я была примерной школьницей, меня всё это обошло стороной. Мне некогда было совершать проступки, хотелось побольше узнать, научиться, успеть. Я пропадала в школе с утра до вечера с перерывом на обед. После занятий – помочь по дому, по хозяйству. К этому времени моя семья в полном составе переехала в Мигну. Папа работал лесником, мама поваром в больнице, брат учился в школе.

Я прошла все ступени общественной детской организации: в 1 классе я стала октябрёнком, носила звёздочку с портретом Ленина в детстве, в 3 классе вступила в пионеры, была председателем совета отряда, затем председателем совета дружины.

Когда мне исполнилось 14 лет, я стала комсомолкой, тогда же меня избрали комсоргом школы. Общественная деятельность доставляла удовольствие. Мы придумывали новые дела: взяли шефство над детским садом, помогали в библиотеке, собирали металлом и макулатуру, вывозили золу и куриный помёт, собранные по дворам, на колхозные поля. Помогал нам во всех делах наш вожатый Борис Павлович Ширнин. Мы, девчонки, все были в него влюблены, ходили за ним, как хвостики. Потом он закончил КГПИ и работал учителем истории в городе Норильске.

Общественные детские организации — это огромный плюс в педагогике. Ребёнок должен быть всегда на виду, всегда занят, безделье плодит подонков, отморозков. Во времена моего детства мы много двигались, играли. Классики, скакалки — любимое времяпровождение. Догоняшки, прятки, лапта, казаки-разбойники — эти игры воспитывали ответственность перед командой, в них мы играли, собираясь вечерами на улицах. Хотелось попробовать себя и в спорте: лыжи, акробатика, бег, метание диска, эстафета — всё это было. А ещё — туризм два раза в год, весной и осенью. Мы вместе с нашим физиком (любителем побродить по тайге, порыбачить) ходили в туристические походы. Сначала это были однодневные выходы на природу. Вставали рано, часов в 5–6, собирались у школы и гуськом, друг за другом, уходили в тайгу.

Помню, вышли к лесной речушке, устали, решили порыбачить. Пацаны забросили удочки, Владимир Иванович развёл костерок, набросали в него картошки, закрепили ведро для ухи. Вот уж и вода закипела и картофель опущен, добавили крупу (у кого какая была), лаврушку, лук, только рыбы нет, не повезло рыбакам, поймали одну краснопёрку, размером в 15 сантиметров. Так вот, такой вкусной ухи я больше никогда не пробовала. А потом были песни у костра, различные истории из жизни, но самое интересное было впереди. На землю опустилась ночь, высипали звёзды, а наш учитель сказал: «А хотите побывать в космосе?». Посмотрел на небо и начал рассказывать о звёздах, созвездиях, галактиках. Наш Бабушкин Владимир Иванович оказался не только физиком, но и лириком, увлекался астрономией. До поздней ночи мы слушали и любовались бездонным, мерцающим небом. Разве такое забудешь...

А вот выпускного вечера у меня в мигнинской школе не было. В 1964 году моя семья переезжает в город Красноярск, переезжаем осенью, и я опаздываю к началу учебного года. Ах, как мне хотелось остаться в Мигне... Но бабушка умерла, другие родственники не захотели брать ответственность за меня, да и мама настаивала на переезде в город. Приехали в октябре, и я струсила, побоялась, что не догоню одноклассников, впереди был одиннадцатый класс. Но учиться хотелось, и я поступила в школу рабочей молодёжи. Учёба там была в две смены: утром и вечером. Я ездила с утра, всегда в одну смену, меня заметили, стали давать дополнительные задания, советовали, какую литературу читать, учили, как пользоваться справочниками. Учёба давалась легко, но мне было скучно, т. к. вечерняя школа – это вечерняя, никаких мероприятий, привычный ритм жизни был нарушен. Я начала искать работу, меня взяли «по знакомству» на «закрытый» завод Красмаш. У меня появились друзья, подруги, меня выбрали комсоргом ОТК. И снова походы, выезды в колхоз на просушку зерна, художественная самодеятельность, коллективные выходы в театр и кино.

К городу я привыкла быстро. Экзамены сдала на «хорошо» и «отлично», но поступать в институт не решалась, да и работа мне нравилась: беленький халатик, прямо в цехе – маникюр, ОТК – как аквариум, мы проверяли форсунки для ракетных установок.

Мне хотелось выучиться на учителя русского языка и литературы, но в нашей большой родне не было ни одного педагога, поэтому все меня отговаривали. И только мама говорила, что учитель – это прекрасно. В то время профессия учителя была престижной, был конкурс. С первой попытки я не поступила. Сколько было слёз, страданий.

Потом я узнаю, что вне конкурса принимаются люди, имеющие педагогический стаж. От завода переводом перехожу в 67 школу старшой пионервожатой. Этот год пролетел, как одно мгновение. Кто работал вожатым, тот знает, что это такое. Это ненормированный рабочий день: чем больше делаешь, тем больше работы, она, как снежный ком, обрастаёт всё новыми и новыми делами. Но мне понравилась обстановка в школе, отношение учителей, особенно организатора Е.С. Подопригора.

Вот уж беспокойный, одержимый человек, педагог с большой буквы. Конечно, были и такие классные руководители, которые не помогали вожатым (нас было трое), а старались переложить всю воспитательную работу на нас. К сожалению впоследствии мне приходилось иметь дело с подобными учителями, бездушными урокодателями. Несмотря на занятость, я готовилась к поступлению в вуз. Лето 1968 года, отпуск, учебники, занятия. И вот свершилось: я студентка КГПИ, факультет истфил, отделение русского языка и литературы, 13 группа.

Свой выбор профессии я сделала, благодаря педагогам, которые встретились на моём пути. Это первая учительница Любовь Ивановна Опарина, низкий ей поклон и светлая память. Это Яковлева Людмила Игоревна – учитель русского языка и литературы Мигнинской школы. Она была строгой и доброй, всесторонне образованная, она даже внешне была индивидуальной. Её уроки для многих из нас стали уроками жизни.

Наверное, я счастливый человек, потому что не ошиблась в выборе профессии, всегда шла в школу, как на праздник. Рада была каждой встрече с детьми, с коллегами. Вслед за мной поступил и закончил КГПИ мой брат, стал историком, стала учителем русского языка и литературы двоюродная сестра, мой сын закончил Канский педагогический колледж. Так что жизнь продолжается.

Однако, заметно изменилось отношение к учителю – теперь это непрестижная работа. Часто учитель просто беден, иногда выглядит гораздо хуже учеников, ходит пешком или ездит на общественном транспорте, а ученики приезжают на «крутых» иномарках. Да дело даже не в деньгах, учителя можно оскорбить, оклеветать, унизить, он совершенно бесправен. Поэтому и не идёт молодёжь (с высшим педагогическим образованием!) в школу. Идут в торговлю, становятся перекупщиками. И осуждать их за это нельзя. Тот мизер, который получает учитель, его хватает на питание (не очень хорошее), одежду, квартплату, а воспитание детей, а их обучение... У учителя нет никаких льгот, он только должен, должен всем: родителям, району, гороно, общественности и т. д. Будучи студентами, мы мечтали о работе в школе, надеялись, что сможем получить благоустроенную квартиру, приобрести машину, посмотреть мир. Увы жизнь расставила всё по-иному.

Годы студенчества – разве можно их забыть? Не зря говорят: «Кто студентом не был, тот и жизни не видал». И это точно. Несмотря на занятость (лекции, семинары, занятия в библиотеке (компьютеров не было)), успевали и в кино сходить, и в театр, посидеть в кафе. В институте был организован факультет общественных профессий. Я занималась в секции «Оформление спектаклей». Мы научились оформлять декорации, шить костюмы, рисовать плакаты, писать лозунги и много чего ещё. Занятия были один раз в неделю 2 часа. Мне это очень пригодилось. Учёба давалась легко и доставляла удовольствие. Преподавательский состав был замечательный. Разве можно забыть Сонькину Раису Абрамовну, до сих пор помню её речь с мягкой картавинкой. А какие лекции читала нам Размахнина Валерия Калистратовна по зарубежной литературе! Мы все любили её, старались подражать (даже пробовали курить). Маленькая, худенькая, всегда на каблуках, энергичная, она просто порхала по аудитории, увлечённо рассказывая об очередном шедевре. Фонетика – азы языка, как же трудно давалась она. Открывала «секреты» фонетики Танская Елена Петровна, добрейшей души человек, хотя на вид сурова и неприступна. Потом мы узнали, что у неё был болен сын, и жалели её, старались не огорчать.

Я жила дома, но любила бывать в общежитии. Конечно, жить там было весело, но трудно, я удивлялась: как девчонки всё успевают. Особенно запомнились выезды в колхоз. На первом курсе мы отправились на уборку урожая в Назаровский район в деревню Кольцово. Целых полтора месяца мы жили в колхозном общежитии, спали на нарах, сами готовили еду. Поварами согласились быть сёстры Фадеевы. Нас было 50 человек, 49 девчат и 1 парень (захоз). Уставали очень, да и бытовые условия были ужасные. Стирали холодной водой, в бане мылись у местных раз в неделю. Но жили весело, ходили в клуб на танцы и в кино. Проводили вечера и концерты. Я считаю, что человек должен попробовать жить в разных условиях и поработать тоже. Для некоторых таким мучительным был физический труд, что они плакали по ночам, мы жалели этих городских девочек.

Интересной была педпрактика на последнем курсе. Уже был опыт двухнедельной практики в 10-й школе. Ежедневно мы посещали уроки в классах, к которым нас прикрепили. Для меня это был 6 класс, учительница-методист раскрывала секреты

своего мастерства. А потом был мой первый самостоятельный урок, разве это забудешь... Потом целую четверть (третью) я была в 17-й школе. Там я посещала уроки русского языка и литературы, сама проводила уроки, проверяла тетради, составляла планы и всё больше убеждалась в том, что нужно много знать и уметь, любить детей, жить их жизнью. И тогда детское сердечко ответит любовью. Но самой интересной была педпрактика на последнем курсе, которая началась 3 сентября и продолжалась до новогодних праздников. Это была проверка «на прочность». Мы разъехались по всему краю, меня направили в Туруханский район в посёлок Горошиха, который располагался за полярным кругом. В школе учились дети разных народов севера: эвенки, ненцы, селькупы, русских было совсем мало. Это была настоящая работа с полной нагрузкой, с классным руководством.

Классы были небольшие по 10–15 человек, но ученики были уникальные: в 4 классе могли учиться шестнадцатилетние, в 7 классе восемнадцатилетняя девушка летом вышла замуж, муж приезжал к ней в интернат, она ждала ребёнка. Бывало, что и напивались наши ученики, дрались, убегали из интерната на охоту. Вольные, кочевые люди, но они знали, что учиться надо, чтобы выжили их малочисленные народы. Работалось трудно, но интересно. Это была школа жизни для начинающего учителя.

Так, в далёком 1972 году, 40 лет назад, я закончила Красноярский пединститут и по распределению приехала в село Соколовка Иланского района. Начинала учителем русского языка и литературы, затем стала организатором внеклассной работы, проработала год и была назначена заместителем директора по учебной части. Проработала 17 лет завучем. Всю жизнь учила детей, сама училась: занималась самообразованием, проходила курсы повышения квалификации.

За 40 лет многое изменилось. В жизни молодёжи изменились приоритеты: деньги, достаток, вседозволенность – ни к чему хорошему не приведут. Пьянство, наркомания... Как много заблудившихся душ. Посмотрите, как одеты молодые люди (наши «стиляги» 60-х – бедные и смешные), какие у них причёски, татуировки на всех частях тела, проколотые уши и пупки. Что стало с нашей молодёжью? У молодых всегда есть кумиры, которым поклоняются, им подражают. А кому подражать, с кого

брать пример, если на экранах телевизоров сплошное «мыло», порнография и разврат. Мелькают голые попки, демонстрируются «надутые» губы и груди. Дети всё это видят, воспринимают по-своему, отсюда педофилия, гомосексуализм и прочее. Помоему педагогика зашла в тупик, произошла переоценка ценностей. Деньги, коррупция, кто-то владеет миллионами, а на ремонт школы, детского сада у государства средств нет. Мы были защищены: имели возможность учиться бесплатно, после окончания института нас обеспечивали работой, мы становились самостоятельными, зарабатывая на жизнь. А сейчас, закончил школу с медалью, институт с красным дипломом, а на работу не берут – нет опыта, а откуда ж ему взяться?

Я думаю, что сломана, искорёжена вся система государственного устройства. Мы росли, с уверенностью глядя в завтрашний день. Медицина была доступной, бесплатной, где бы тебе не стало плохо, тебе помогут. А теперь нет, нужен медицинский полис (просто ничего не значащая бумажка, а без неё ты не человек). В педагогике что происходит: умный, с высоким уровнем знаний абитуриент не поступит в вуз, а вот посредственность будет учиться в престижном учебном заведении, заплатив определённую сумму. И экзамены в сессию будет оплачивать, и диплом купит, а специалист никакой. Наше образование было одним из лучших в мире, а теперь мы уступаем даже африканским странам.

К сожалению, народ нищает, спивается, сложившиеся системы образования и медицины рухнули. А как живут наши старики на нищенскую пенсию... Мы же хотим догнать и перегнать Америку, и всегда хотели, да только идём не тем путём. События 90-х годов потрясли страну, мы поверили, что придёт демократия, что народ обретёт настоящую свободу, начнёт новую жизнь. В настоящее время о народе вспоминают только перед выборами. Хочется верить, что справедливость восторжествует и пусть не дети, а хотя бы внуки живут достойно в свободной стране.

КОРОТЕЕВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ¹

Николай Васильевич Коротеев, родился 20 марта 1953 года. Живет и работает в г. Ачинске. Учитель истории Ачинского кадетского корпуса. Выпускник отделения истории историко-филологического факультета КГПИ 1974 года.

Отдав образованию 38 лет, считаю выполненным свой долг перед родным педуниверситетом. Пожалуй, начиналось все в маленьком домике под железнодорожной насыпью у бабушки в далекие пятидесятые годы. В свои пять лет я учился читать по отрывным календарям за разные годы. И имена личностей и партийно-государственных деятелей вошли в сознание раньше детских сказок. Так, сама судьба определила мне быть историком. И когда в десятом классе мы заполняли анкету: «Кем ты хочешь быть?», я написал, что учителем истории.

Летом 1970 года я вышел на перрон Красноярского вокзала и пешком пошел в сторону проспекта Мира. На крыльце старинного здания стоял невысокий паренек Вася Обмолин. Так начиналось знакомство с будущими друзьями по учебе, затем и по жизни. Ректором института была тогда Ольга Гавриловна Пелымская, а набирала группу Болтинская Людмила Венедиктовна. У меня пытались выявить предрасположенность к педагогической деятельности. И я вспомнил, что младшая сестра матери закончила Красноярское педучилище. После беседы дали направление в общежитие на улице Урицкого, 33. В комнате общежития состоялась встреча со Снопковым Валерой, Сергеем Галенковским, Васей Обмолиным, Геной Сукачевым. Еще один рыжий мальчишка из нашей комнаты завалил первый же экзамен и съехал.

Валера Снопков поступал после армии. Он служил в Чехословакии, входил с танковыми частями 21 августа 1968 года. И мы впервые воочию увидели человека, участвовавшего в исторических событиях. Армейская закалка отразилась на его

¹ Авторские воспоминания Николая Васильевича Коротеева, выпускника исторического факультета Красноярского государственного педагогического института.

подтянутости, серьезности. Он сразу навел порядок в комнате, заставил нас готовиться к экзаменам, не отвлекаться на соблазны столичного города. И благодаря ему мы все поступили, кроме «рыжего». Все годы учебы в вузе Валерий Алексеевич Снопков был неизменным уважаемым старостой нашей группы. «За глаза» мы называли его «сержант».

К сожалению, не помню, кому я сдавал историю, все заслонил страх из-за возможного провала. Но сдал на «отлично». Из всей большой подгруппы у этого преподавателя сдали на «5» и поступили всего 4 человека: я, Саша Лужецкий, Боря Андюсов, а четвертого не помню. На сочинении была тема «Образ коммунистов в романе Шолохова „Поднятая целина“». На русском языке вопрос был «Имя существительное». По литературе бодро рассказал биографию Маяковского и стихотворение о советском паспорте. Для меня самым сложным оказался немецкий язык. Принимали студентка и студент. Я уверенно на русском языке пересказал немецкий текст о переходе Ленина через Финский залив, год-то 100-летия Ленина. Мне указали, что вообще-то это отрывок Тургенева «Записки охотника». Есть вода, лес, но Ленина нет и быть не могло. Посмотрели на предыдущие оценки и попросили рассказать свою биографию на немецком языке. В общем, впоследствии я два года мучался на уроках немецкого языка у очень доброй, уютно-домашней Лидии Ивановны Накопии. Экзаменационный марафон успешно завершился и я оказался причастен к старинным стенам здания пединститута на проспекте Мира.

Но по тем временам надо было пройти чистилище колхоза, о чем я нисколько не жалею. Нам повезло оказаться во владениях Вепрева в деревне Сахновка, второго отделения Назаровского совхоза. Надо сказать, осень стояла солнечная, теплая до ноября. За это время мы перезнакомились, определили свои симпатии. Самое чудесное время я провел на волокуше. Сидя рядом с трактористом, собирали в сеть сено, сгребали в одну копну. Затем забирались на вершину собранной копны, любовались огромным небом и засыпали. Правда, один раз под сеть металлическую попал наш товарищ Саша Лужецкий. Его завернуло в копну, на время мы его потеряли. Но все обошлось благополучно, хотя сильно перепугались за него.

Нас разместили в новом домике на две половины. Девочки приходили нас мазать

зубной пастой, мы с ответным визитом старались напугать их. Валера Снопков повесил большую куклу, которая не выдержала безответной любви. Заодно давали отпор непрошенным ухажерам из местных аборигенов. Самой адской оказалась ночная смена под зерносушилкой. В марлевых повязках было жарко, а без них пыль забивала легкие. Да и работа на силосной яме немало выматывала нас. Бригадиром был назначен староста группы Валера Снопков, как самый старший и ответственный товарищ.

Именно там моим близким другом стал парень из солнечного зеленого поселка у Абакана, всегда улыбающийся Серега Галенковский, худощавый среднего роста, очень обаятельный. Его сразу же выделила крепенькая девушка из Красноярска Верочка Лалетина. Она так трогательно ухаживала за ним, когда он приболел. Но он отодвигался от ее ухаживаний, вдавливаясь в стену. Когда Вера поняла, что я являюсь близким его другом, она заполнила собой мое жизненное пространство. Мы с ней гуляли по улицам города, сидели рядом на лекциях, переписывались, чтобы не мешать лекциям. Почти все считали, что у меня с ней роман. Хотя мне пришлось принимать на себя ее романтическую любовь к Сереге.

Вахтеры пускали ее в общежитие. Она присутствовала на наших танцах. При этом давала понять возможным соперницам, что Сергей принадлежит только ей. Она занималась гантелями, не совсем легкой атлетикой, обладала решительным характером, поэтому с ней предпочитали не связываться. Во время танца она легким движением руки направляла взгляд Сергея строго на себя, не позволяя ему отвлекаться на другие, не менее приятные девичьи контуры. Когда ей нужно было поговорить о Сергееве, она приходила днем к нам в комнату, если я спал, пальцем тыкала в бок, отчего я мгновенно просыпался и покорно следовал за ней на улицу.

Во время такого тесного постоянного общения неизбежно возникали недоразумения. Однажды в комнате я не так выразился, чем весьма ее разгневал. Дверь открывалась внутрь, что приближало ее ко мне и усиливало вероятность моего травмирования с ее стороны. Отступать было некуда, я машинально засунул руку в карман, вынул носовой платок и изобразил тореадора, чем спас свое здоровье, вызвав у нее приступ веселья вместо гнева.

Абсолютно домашним и неприспособленным для сельхозработ был интеллигентнейший умница Саша Лужецкий. Его отец был заместителем директора завода Сибтяжмаш. Во время работы на силосной яме он сильно замерзал по ночам, кутался в одеяды, на голову надевал какой-то платок. Зато уверенно себя чувствовали деревенские парни Валера Седельников и Вася Обмолин. Примерно в то же время зародилась любовь Валеры Снопкова к Татьяне Ануфриевой. Неунывающей, приспособленной к деревенским условиям была наша повариха из Абана Надя Буркасова (ныне талантливый педагог Калякина Надежда Васильевна), надолго ставшая негласной «мамой» группы. Она была и старше всех нас и мудрее.

Мои одногруппники. Пожалуй, свои впечатления начну с моего самого уважаемого брата по жизни Андюсева Бориса Ермолаевича, нашего признанного сибирским ученым сообществом историка. А 42 года назад я встретил худенького энергичного юношу из Курагинского района. Все четыре года мы жили в одном общежитии, и, как говорится, «съели вместе пуд соли». Он поразил нас невероятной способностью быть внимательным и заботливым к своим товарищам. Он настолько проникался болью или радостью, переживал взлеты и падения собеседника, по сути, являлся душевным лекарем. Он всегда встречал улыбкой девочек, предлагая им свою помощь. Он умел радоваться за других так, что все мы его считали своим лучшим другом. У него было самое изумительное качество – ничего не требовать взамен за свою помощь. А как он умел поддержать поссорившихся влюбленных, рассмешить, нарисовать дружеский шарж, успокоить во время сессии боящихся студенток.

Его выделяла среди других студентов неиссякаемая жизнерадостность, оптимизм. Казалось, что у него самого не было проблем, что он самый счастливый человек на свете, удивительно добрый и щедрый. Девочки отвечали ему любовью к нему как к старшему брату, вовремя приходящему на помощь. В отличие от многих друзей, он и сейчас обладает умением искренне радоваться за других, реально оказывать помощь. Его увлеченность историей выходила за рамки научности, он полностью погружался в исторический материал. Интерес к прошлому, красотам и духовным богатствам края привел его еще в детстве к профессии историка-краеведа. И впоследствии, прививая своим ученикам любовь к истории, вместе с ними

участвовал в археологических раскопках на побережье Черного моря.

Он все годы студенчества учился по вечерам в художественной студии. Пейзажи родных мест украшают стены квартир товарищей, в том числе в моей. А начинал он в институте оформителем и художником факультетского общежития. Моя жена Лидия Максимовна преподавала в школе краеведение по его учебнику. И считает его изложение поэтическим гимном нашему краю, населению. Внимание к деталям быта людей, увлечений происходит от его деревенского детства и юности. Его профессиональный рост историка, работающего ныне на нашем историческом факультете, нисколько не отразился на уникальных человеческих качествах. И мы с ним очень рады, что наша дружба прошла испытание временем и должностями, расстоянием.

Валерий Снопков – старший среди нас не только возрастом, но и уравновешенностью, серьезным отношением к делу, принципиальностью. Из Богоцела ушел в армию, танкистом служил в Чехословакии с момента ввода войск 21 августа 1968 г. Сдав первый вступительный экзамен по истории на отлично, зайдя в аудиторию на письменное сочинение, ушел. Его вернула Людмила Винедиктовна Болтинская. И все учебные годы он учился ровно, основательно. Был организатором походов, увлекался археологией. Женился в студенчестве на одногруппнице Танечке Ануфриевой. После института работал в Новоселовском районе и Богоцеле учителем, директором школы и ПТУ, завгороно, замглавы города Богоцела по социальным вопросам, кем и продолжает работать в настоящее время.

Седельников Валерий из Сухобузимского района, целеустремленный, уверенный в себе сильным характером. Мне всегда казалось, что он знает, что хочет получить от жизни и как этого добиться. В итоге защитил кандидатскую диссертацию, многие годы преподавал историю в техническом вузе, ныне работает ректором филиала московского вуза.

Герасимов Виктор, полный, большой, запомнился добродушным спокойствием, основательностью мыслей и поступков. Учился в основном на тройки, но без пересдач экзаменов, умудрился ни разу не получить стипендию. Но был хорошим товарищем. После института, он некоторое время проработав в образовании директором школы,

затем работал директором учебного комбината. Но, неожиданно, сделал карьеру машиниста-инструктора станции Иланская, мастера в депо. Сейчас по болезни на пенсии.

Так начиналась наша профессиональная деятельность и жизнь, в той или иной степени связанная с Историей. Так было положено нашему студенческому Братству на всю оставшуюся жизнь. Сейчас, спустя многие десятилетия, оглянувшись назад, понимаешь, что самыми счастливыми и запомнившимися были для нас студенческие годы в стенах родного Красноярского государственного педагогического института.

КУН ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА¹

Юлия Викторовна Кун (Лобзова), родилась 11 сентября 1961 г. в городе Иланский, проживает в селе Соколовка Иланского района. Выпускница физико-математического факультета КГПИ 1982 года. Педагогический стаж – 30 лет.

Мне повезло родиться и вырасти в семье, где царили любовь и уважение друг к другу, внимание и забота, интерес к знаниям и увлечениям детей. Семья – обычная советская семья: мама, папа и две младшие сестры. Папа – Лобзов Виктор Дмитриевич всю жизнь проработал на станции Иланская дежурным по станции. Маме Лобзовой Людмиле Ивановне пришлось сменить довольно много мест работы и профессий: учитель в начальной школе, швея-мотористка на швейной фабрике города Иланский; осмотрщик вагонов,

¹ Авторские воспоминания Кун Ю.В., учителя Соколовской СОШ Иланского района. Работу над воспоминаниями в процессе интервьюирования и редактирование помогала осуществить учитель истории Соколовской СОШ Ирина Геннадьевна Шледевиц, выпускница исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.

корректор в редакции районной газеты «Ленинец». Осталась неисполненной её мечта о получении высшего образования. Семья, дети – вот чему была предана и в чём находила смысл жизни. С малых лет помню, как мама говорила, что она «неуч», и всегда хотела, чтобы её дочери выучились и стали настоящими людьми.

Наша семья жила, перебиваясь от зарплаты до зарплаты, одевались скромно, не имели богатой обстановки, лишь самое необходимое. Но мне всегда завидовали одноклассники: «Юлька, какие у тебя хорошие родители». Если надо было организовать поход, прогулку в лес, то они всегда с нами. Играли, жгли костры, встречали рассветы. Своим примером учили жить по совести, не брать чужого, настойчивости и ответственности. Именно эти качества помогли мне в учёбе.

Как и у каждого, у меня были любимые предметы (русский язык, математика) и те, которые не очень нравились (история, литература). Не нравились они мне потому, что приходилось много читать, чтобы подготовиться к уроку, а читала я медленно. Были и любимые учителя. Всех их помню до сих пор по имени и отчеству. Разные они, но каждый сумел отдать частичку своей души. Десять лет в школе – это же целая жизнь! Класс у нас был большой (около 30 человек), дружный. Как мне кажется, у нас не было деления на бедных и богатых, на двоичников и отличников. Мы были коллективом. Если сбежать с урока – то вместе; подготовить классное мероприятие – тоже. И наказывали нас, если мы того заслуживали, одинаково. И отвечали мы не только за свои поступки, но и за одноклассников. Были ситуации, о которых вспоминать не очень приятно и стыдно; и попросить прощения уже поздно, так как этих людей уже нет на свете.

Ещё в школе было ясно, что вся моя жизнь будет связана с математикой. Об этом говорили и одноклассники, и учителя. Вот только выбор учебного заведения определялся количеством студентов на одно место. Не хотелось рисковать, разочаровывать родителей. Поэтому и выбрала пединститут, где конкурс был 3–4 человека на место. Поступила сама, как большинство в то время. Это сейчас обучаться можно, заплатив за поступление. Мне ещё не исполнилось 17 лет, когда пришлось ехать в Красноярск, подавать документы и сдавать экзамены (до этого я была в Красноярске два раза: на экскурсии, когда училась в 5 классе, и в больнице,

расположенной где-то около железнодорожного вокзала).

В город приехали с одноклассницами. Они вместе поступили в политехнический техникум, а я – в пединститут. Говорят, «язык до Киева доведёт», но первое ощущение растерянности, беспомощности и суеты большого города я не забуду никогда. Во время вступительных экзаменов я жила в общежитии на улице К. Маркса, что в двух минутах от корпуса физмата. Жила в комнате с девочкой из Юрт. У нас оказалась общая одноклассница, переехавшая из Юрт в Иланский. Это было подтверждением того, что мир тесен.

Отправляя меня в институт родители, конечно же, переживали за меня, хоть и не опекали, как это часто приходится видеть сейчас. В Красноярске у нас не было родни, мне некуда было бы идти, если бы не дали общежития. Снимать квартиру для меня у родителей не было и в мыслях. Всё чем они помогли, это дали адрес и телефон Нины Прокопьевны Силковой (человек уже тогда известный в крае, а сейчас и в стране). А для нас она была просто соседкой. Она ровесница моих родителей и я её не помню. Мне сказали: «Если будет трудно, позвони, она поможет». И трудности пришли, когда на зачислении мне не хватило места в общежитии. Получив согласие от девчонок на подселение шестой в комнату, где их уже пятеро, пройдя коменданта общежития, декана факультета и ректора института, мне всё-таки удалось добиться ордера на заселение. Но воспользоваться «связями» я так и не решилась. Это была очередная моя «победа».

Учёба первый год давалась очень нелегко. Сказались смена обстановки, смена преподавателей. Вспоминаю, как не понимала на занятиях, о чём идёт речь, когда решали самые простые уравнения. Какая-то растерянность, как будто я совсем ничему в школе не училась. Продолжалось это около года. И преобладающая оценка была «3». Но не зря говорят: «Терпенье и труд всё перетрут». Постепенно всё выровнялось, вошло в привычную колею.

Обычно первый курс ездил на месяц, а то и больше в колхоз на уборку урожая. Но вместо нас отправили студентов третьего курса. А когда мы доучились до третьего курса, то колхозную практику то ли отменили, то ли опять поехал первый курс. Поэтому в памяти остались только однодневные поездки на уборку картофеля. А ещё

практика в пионерском лагере «Гренада» и работа проводницей на скором поезде «Енисей».

После получения диплома по распределению поехала в г. Иланский, в школу № 2, в которой училась сама. Встретили меня в коллективе доброжелательно. Дали классное руководство в 4 классе и часы математики и физики. Очень трудным был период начальный. Утром, перед работой мне кусок в горло не лез. Мама не могла меня заставить выпить кружку чая. Лишь по окончании уроков у меня появлялось чувство голода. И с классом отношения не очень складывались. Было несколько учеников, которые нарушали дисциплину, слабо учились. Возникало очень сильное желание бросить всё, не отрабатывать три положенные года. Но не хватило смелости, решительности, побоялась, что вообще на работу никуда не возьмут.

Заведующий районом Ем Пётр Григорьевич предложил работать на селе, я согласилась, думая, что через два года меня в школе больше не увидят. Но жизнь распорядилась иначе. Приехав в Соколовку я встретила своего будущего супруга. Поженились, вырастили трёх сыновей. Неторопливая, размеренная сельская жизнь всё расставила на свои места. Сейчас я не представляю, где бы я могла ещё работать. Соколовка для меня стала родной. Вот уже тридцать лет живу здесь, и ни разу не возникло желания куда-то уехать. За годы работы в школе неоднократно приходилось давать открытые уроки, проводить мероприятия. Всегда стремилась узнать что-то новое, повысить свой профессиональный уровень. Около десяти лет проработала заместителем директора по учебно-воспитательной работе, шесть – директором школы.

Многое сейчас изменилось в школах по сравнению с советским периодом. Они стали лучше оснащены, повысился уровень обеспечения безопасности образовательного процесса. Но вот престиж и значимость образования, на селе, во всяком случае заметно снизились. Отсутствие средств у родителей для обучения своих детей; трудности при устройстве на работу, и зачастую, её отсутствие, приводят к тому, что в старшей школе большая часть учащихся находится как в камере хранения. Моё личное убеждение, что воспитание ребёнка, в большей степени, зависит от семьи. Школьные учителя и преподаватели институтов могут лишь внести

какие-либо корректизы. Личный пример родителей, их жизнь определяют во многом выбор и жизнь детей. Недаром раньше семью считали основной ячейкой общества. Такой она должна быть и сейчас. Чтобы общество было крепким и здоровым семьи должны «жить», а не «выживать». Многие сёла и деревни держатся ещё только из-за того, что в них есть школа и детский сад. А не будет их, исчезнут, как и раньше в период укрупнения. С развитием науки и внедрением в жизнь современных технологий многие люди становятся «лишними» на своих предприятиях. Там, где раньше работали 10–15 человек, сейчас справляются 2–3.

Власть любого уровня в стране должна обеспечивать уверенность граждан в завтрашнем дне. Заботиться о благосостоянии каждого своего гражданина, а не отдельной группы, создавать рабочие места, обеспечивая тем самым занятость населения. Надо чтобы люди имели возможность зарабатывать, а не жить подачками с «биржи» или от соцзащиты, как это часто происходит сейчас.

Недавно, проезжая по селу с сыном, заметила, что раньше на лавочках сидели женщины с малолетними детьми в перерывах между домашними делами, а сейчас крепкие, здоровые, трудоспособного возраста мужики, «отдыхающие» в перерывах между сезонными работами. Чаще всего под «градусом». Такая ситуация неизбежно приведёт к деградации общества и вымиранию села.

Да, я согласна, человек должен быть мобильным, способным к освоению новых профессий, поиску и созданию лучших условий для собственной жизни. Но вместе с тем не могут все собраться и переехать на новое место жительства, на новостройки и т. д., не могут все стать коммерсантами и индивидуальными предпринимателями. Нужны и дворники, и уборщики. И получать они должны за свой труд не жалкий минимум, на который и одному-то неизвестно как прожить и чтобы дать достойное образование детям. Развал и беспредел, царившие в стране в 90-е годы, сделали своё дело. Не должны люди жить по правилу «лишь бы день прошёл», как мне сказала одна из жительниц села.

ОБЕРМАН ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ¹

Виктор Яковлевич Оберман, учитель истории и обществознания Степановской средней общеобразовательной школы Ирбейского района, на протяжении 20 лет был директором школы. Выпускник исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева 1977 года.

В 10 классе, когда шли мартовские каникулы, юный Виктор Оберман задумался о своем будущем, как и все мы когда-то. Он решил поступить на исторический факультет. Выбор был сделан под впечатлением от прочитанных книг на историческую тематику и под влиянием двух учителей истории, которые встретились на его жизненном пути – М.Ф. Карнаух и А.Н. Жрикова. Помимо этого, не обошлось без влияния педагогических генов. Его мама хотела стать учителем, дядя преподавал географию. Судьбу Виктора Яковлевича предопределила и тяга к творчеству, ведь он заядлый баянист, любит рисовать и столярничать, а главное, делиться этим с детьми.

Его знакомство с историческим факультетом произошло в 1971 году после окончания службы в ВМФ. Для того чтобы стать студентом, нужно было преодолеть барьер из четырех экзаменов. Первым экзаменом было сочинение. Виктор Яковлевич сказал, что это был естественный отбор, своего рода чистка. Конкурс составлял 3–4 человека на место. Во время экзамена актовый зал был набит битком. В связи с этим преподаватели следили, чтобы абитуриенты не списывали, особенную бдительность проявл И.Л. Воеводин, преподаватель курса научного атеизма. Темы сочинений были весьма интересными и экзотичными для нас. Например, тема «Образы коммунистов в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина», которая досталась Виктору Яковлевичу. Его работу оценили на «хорошо». Следующим испытанием был экзамен по истории. В билете попались вопросы: «Причины возникновения движения декабристов» и «Начало Великой Отечественной войны». По итогам ответа Виктор Яковлевич

¹ Интервью провели Свирина Дарья Викторовна и Шугаева Лидия Петровна студентки 3 курса исторического факультета.

получил «тройку», как он признался, из-за своей резкой критики действий Сталина во время отступления Красной Армии.

После двух экзаменов абитуриентов стало меньше. Осталось сдать еще два экзамена, которые связаны с разными языками: русским и немецким. Свою фамилию Оберман В.Я. в списках зачисленных нашел быстро. Одна «тройка» и три «четверки» – результат новоявленного студента КГПИ. Виктор Яковлевич был зачислен на заочное отделение. Операция под кодовым названием «Институт» была завершена.

К этому моменту сложился кружок друзей (не тайный), в который входил Виктор Яковлевич. Так же одним из членов кружка был Виктор Константинович Зберовский, мастер по анекдотам, отец нынешнего профессора кафедры всеобщей истории Андрея Викторовича Зберовского.

В то время исторический факультет базировался на ул. Мира, 83. Сегодня здесь располагается факультет начальных классов. Виктор Яковлевич полюбил это здание, отличающееся строгостью, солидностью, имеющее широкие коридоры и высокие потолки. Атмосфера в нем так и располагала к изучению истории.

В то время как очники заканчивали сессию, для заочников она только начиналась. Им приходилось терпеливо высиживать по четыре ленты, шесть дней в неделю. Занятия начинались в 8.00. Перерыв на обед составлял 20 минут. Очередь в столовой была большая, что не изменилось и по сей день. Приходилось искать закусочные или кафе поблизости. Кто не успевал поесть, тот опаздывал на занятие.

Неотъемлемой частью факультета являются его преподаватели, которых Виктор Яковлевич вспоминает добрыми словами и с улыбкой.

Свои воспоминания Виктор Яковлевич начал с Людмилы Венедиктовны Болтинской, которая преподавала историю Древнего мира. С этим предметом и мы все сталкивались на первом курсе. Студенческая молва донесла до Виктора Яковлевича о строгости и требовательности Людмилы Венедиктовны и, что если сдашь «древний мир», то диплом в кармане. Ох, эти студенты. И по сей день на историческом факультете среди студентов работает этот сломанный телефон. Особенно, старшие курсы любят позабавить первокурсников различными легендами и необычными фактами из трудовой биографии преподавателей. Виктор Яковлевич

указывает на отличительную особенность Людмилы Венедиктовны – это ее тихая речь. Когда она читала лекции, в аудитории стояла тишина. Людмила Венедиктовна, как и любой преподаватель не любила, когда опаздывают. По словам Виктора Яковлевича, «доставалось на орехи тем, кто вздумал опаздывать».

«Историю СССР» читал канд. ист. наук П.Н. Павлов. Студенты изучали Киевскую Русь, знакомились с достаточно серьезными монографиями, например, с трудами Б.Д. Грекова о Киевской Руси. Виктор Яковлевич называет Павла Николаевича Павлова Учителем с большой буквы, отмечая, что он отличался «предельной скромностью, высоким демократизмом, уважительным отношениям к студентам-заочникам».

Также Виктор Яковлевич вспоминает такие предметы, как археология, которую читал Н.В. Нащекин, и психология.

В те времена были предметы, о которых сейчас забыли. А тогда они были частью коммунистической идеологии. Наверное, вы уже догадались, что это, история КПСС. Вел ее Борис Григорьевич Корягин, а семинары – В.А. Пинаев. И такой предмет, как диалектический материализм.

На горизонте второго курса маячила история Средних веков, лекции по которой читала Людмила Александровна Шаферова. Людмила Александровна была очень серьезным преподавателем, преподавала на самом высоком уровне. Виктор Яковлевич вспомнил веселый момент на экзамене. Один из студентов размышлял на тему открытие Америки Христофором Колумбом и немного растерялся. Денисенко, преподаватель, который вел семинары по истории Средних веков, спросил: «Так на каких судах проходило плавание Колумба?» Ответ, конечно, был очень оригинален! Студент сказал: «Они плыли на *пароходах*». Он, видимо, потерялся во времени и пространстве. Смеху столько было!

С особой теплотой Виктор Яковлевич вспоминает о Юлии Клементьевне Петуховой, которая вела методику преподавания. Виктор Яковлевич говорит о ней прежде всего как о человеке, потому что она была со студентами на равных и могла поговорить с ними на жизненные, волнующие темы. Именно в такой непринужденной обстановке знания очень глубоко усваивались. На самом деле нет ничего дороже за-

душевных бесед с преподавателями. Виктор Яковлевич вспоминает Самуила Ильича Кангуна как интереснейшего человека, всегда жизнерадостного. Самуил Ильич помнится ему, всегда опрятным, чисто выбритым, в рубашке с коротким рукавом, в очках. Это была его визитная карточка. Виктор Яковлевич говорит о том, что информацию он всегда выдавал систематично и довольно оптимистично, на понятном студенту языке. Это достаточно ценное качество для преподавателя. До сих пор Самуил Ильич остается преданным этому качеству. Студенты не боялись идти к нему на экзамен, хотя никаких поблажек он не делал. Вот, что значит обаять студентов! Нельзя не согласиться с мнением Виктора Яковлевича, что Самуил Ильич поистине яркий преподаватель!

Не менее яркое впечатление произвела на студентов Галина Петровна Шатрова, преподаватель истории России XIX века. Внешний вид ее, конечно, впечатлял: ярко накрашенные губы, пышная прическа, а на перерывах – с сигаретой во рту. Нас тоже сначала удивил этот момент, но Виктор Яковлевич объяснил, что раньше не возбранялось курить в университете. Галина Петровна сочетала требовательность к студентам с уважением к ним. Примечательный момент, что она называла императоров по имени и отчеству, тем самым не обращая внимания на идеологический занавес тех времен и отдавая им должное, в отличие от студентов-коммунистов, которые считали монархов чуть ли не врагами народа. Виктор Яковлевич отмечает любовь Галины Петровны к декабристам и то, что она «разбудила» Обермана, а он развел... агитацию. Видимо, имея в виду, что у него возник особенный интерес к движению декабристов. Результатом этого стала курсовая работа «Причины движения декабристов».

Виктор Яковлевич вспоминает и Бориса Михайловича Шейнфельда, преподававшего эпоху империализма, называя его выдающимся педагогом. Он выделялся потрясающей логикой, богатой черной шевелюрой, стройностью, аккуратностью в одежде и отсутствием какого-либо юмора. По этому предмету Виктор Яковлевич разрабатывал спецкурс на тему «Красноярский Совет в дни корниловщины», который получил высокую оценку.

В числе замечательных преподавателей был и Александр Иванович Панкратов,

преподававший новейшую историю. Запомнился он также богатой шевелюрой, простыми костюмами, но подобранными со вкусом, но даже летом мог прийти в войлочных ботинках. Примечательно, что он не носил галстуков. Его лекции были понятны и доступны всем. Он импонировал студентам своей скромностью и простотой. Любил, чтобы они читали монографии.

Приводит Виктор Яковлевич и очень интересное сравнение внешности в молодости Якова Михайловича Кофмана с внешностью Карла Маркса. Яков Михайлович уже тогда был обладателем могучей черной бороды. Вел историю СССР 1920-х годов. Читал лекции и вел семинары, был немного суров. Речь его была внятная, четкая и хорошо воспринималась.

Дальше Виктор Яковлевич вспоминает Флюру Тагировну Коновалову, которая читала курс новой и новейшей истории Востока. И отмечает, что она сама по типу была восточной женщиной и на лекциях царил какой-то особенный микроклимат, особенный восточный колорит. Студенты погружались в мир с совершенно отличными от нас отношениями. Это великая способность преподавателя перенести студентов в другую эпоху, хоть и не наяву, а создав правильную обстановку в аудитории, давая возможность студентам проникнуться другой эпохой.

Виктор Яковлевич поведал нам о госах. Интересно, какие экзамены сдавали выпускники исторического факультета в 1977 году? Итак, на ГОСы выносились следующие предметы: методика преподавания истории, история СССР, научный коммунизм, новая и новейшая история. На каждый экзамен выпускники складывались на букет цветов и, кажется, на кофе. Ребята подходили к 9 часам на Мира, 83. А наш Виктор Яковлевич подходил к 8. Его место было определено заранее – это была первая парта. За его спиной пряталась пара–тройка ребят, которые решали поиграть в рулетку и списать на экзамене. Виктор Яковлевич никогда не списывал на экзамене, всегда писал ответ по памяти. Результат – по всем предметам были получены пятерки. Вот это успех!!!

Теперь перед молодыми специалистами были открыты все двери. Виктор Яковлевич продолжил работу с детьми в родной Степановке, ведь он учился и параллельно работал в школе. И до сих пор в ней работает. Факультет сыграл очень

важную роль в его жизни. Он всегда с теплом и с искрой в глазах вспоминает об этом родном для него месте. Помимо этого, факультет «вооружил» его нужными знаниями для работы с текстом, благодаря чему, в последующем он смог написать историю своего поселка, района, стать редактором трех книг воспоминаний.

Мы пришли к выводу после беседы с Виктором Яковлевичем, что историю делают люди, несмотря на высказывание знаменитого французского историка Фернана Броделя, которое гласит, что люди не делают историю, это история делает людей. ИСТОРИЮ ДЕЛАЮТ ЛЮДИ! Виктор Яковлевич один из таких людей. Он строит и создает вокруг себя свою историю, историю своей малой родины. Так что, ребята, все в наших руках. И Виктор Яковлевич пример этому!

Виктор Яковлевич Оберман «Я вспоминаю все сначала...»

Мое «сначало» берет начало в далекой таежной деревне Степановка Ирбейского района, в которой на момент моего рождения (1949 г.) проживало менее ста человек. Здесь, на берегу реки Кунгус («хариусовая река»), в окружении первозданной, уже слегка тронутой деятельностью человека, природы и проходило мое безоблачное детство. Мы со сверстниками много времени проводили в ближайших окрестностях. Ловили мелкую рыбешку: муньку, пескарей, тугунков. С нетерпением ожидали появления первой ягоды – это была «кислица», по научному — красная смородина. Но почему-то мы, пацаны, употребляли ее только зеленую. Затем подходила очередь черной смородины, голубики, в августе совершали разведывательные походы за клюквой. За огородами и в палисадниках благоухали «заросли черемухи душистой». Уже в июле лазали за кедровыми шишками.

А после выполнения обязательных домашних работ дружным интернационалом сверстников играли во всевозможные игры и купались в протоке за огородами. Искали и вели учет птичьих гнезд. А самое главное, мы никогда не голодали. В домашнем хозяйстве была корова, свиньи, куры, кролики. В уходе за всей живностью я принимал посильное участие, особенно за кроликами. Все это вырабатывало характер, трудолюбие, привило любовь к природе, к животным.

Было бы неправильно не подчеркнуть, что в этом безоблачном мире был один

нююанс, затемняющий слегка вышеописанную идиллию. Он напрямую вытекает из моей национальной принадлежности.

Мой отец Оберман Яков Карлович (1926—2010гг.) был сослан в Сибирь в 1941 году из Запорожской области Украины. Мать Мария Александровна, 1930 года рождения, сослана в Красноярский край также в 1941 году из г. Марксштадта Республики немцев Поволжья. Вот и свела судьба их здесь, в нашей деревне. И всю жизнь они прожили в ней. Сначала досталось «на орехи» нашим родителям. Когда их распределяли по деревням, то жители с любопытством выходили посмотреть на «фашистов». Но, увидев немцев в деле, стали оказывать содействие в добыче пропитания и обустройстве быта. Мне тоже доставалось, иногда дразнили «гитлером», иногда — «фашистом». Просто так, ни за что. Иногда и какой-либо фронтовик называл «недобитым фашистом». Было обидно и больно.

Шлейф принадлежности к немецкой национальности и выходящих отсюда последствий нравственного характера тянется за мной и за нами всю жизнь. Не хочу бередить душу этими терзаниями. Это касается и моей сестры, и моего брата. Мы состоялись, все получили высшее образование. Сестра Нина Яковлевна окончила КГПИ в 1974 году, работала учителем математики в нашей Степановской средней школе, сейчас на пенсии. Брат Владимир Яковлевич — полковник юстиции.

Отец имел семилетнее образование, мама окончила 3 класса. Отец мечтал стать трактористом, мать — учителем. Их мечтам не суждено было сбыться. Папа до 1953 года работал сплавщиком, затем всю жизнь на заготовке леса, был бригадиром. Мама сначала была домохозяйкой. С 1968 года и до пенсии работала техничкой в Степановском сельсовете. Видимо, мы с сестрой Ниной уловили мамины устремления и стали учителями. Более того, в нашей большой родне (у дедушки было 8 детей) педагогами и воспитателями стали 13 человек. Целая учительская династия.

Мой дядя, Роберт Александрович Леонгард, — учитель географии (закончил КГПИ). Тетя, Ольга Александровна Старосельцева, — преподаватель немецкого языка (закончив КГПИ, работала в аэрокосмическом университете). Дядя Юрий Александрович — учитель физической культуры (закончил физкультурный техникум). Его жена Надежда Николаевна — учитель географии (закончила КГПИ). Моя сестра —

математик. Двоюродная сестра, Валентина Александровна Кованенко (Леонгард), – учитель русского (закончила КГПИ). Двоюродная сестра, Ольга Александровна, – воспитатель детского сада. Жена, Раиса Андреевна, – учитель русского языка (закончила Кубанский университет). Дочь, Наталья Викторовна, – филолог (закончила КГПУ). Двоюродная сестра, Валентина Робертовна Баранова, – воспитатель детского сада (закончила КГПУ). Племянница, Ирина Николаевна Селигеева (Чумакова), – учитель математики и информатики (закончила КГПУ). Сродная племянница, Левина Роза Михайловна, учится в магистратуре на учителя химии (студентка КГПУ). Возможно, и корни нашей *учительской династии* уходят в Республику немцев Поволжья.

Преподавателям исторического факультета пединститута признаюсь в большой любви. До сих пор удивляюсь большому багажу их знаний, которыми они щедро делились с нами. Меня всегда поражало их человеческое участие в судьбе каждого студента. Были, естественно, требовательность, строгость, а как без этого! И в то же время – всемерное уважение, никаких оскорблений, унижений, насмешек. Я бы даже сказал – заинтересованность в нашей успешности. Подозреваю, что каждый преподаватель хотел нам понравиться, их глаза излучали искренность, увлеченность своим предметом. Они постоянно ненавязчиво учили нас учиться.

В то время не было никакой наглядности, кроме исторической карты, никаких технических средств, кроме мела, а учиться было интересно. Не скажу, что легко! Ведь мы общались 40–50 дней в году, не сравнив с «очниками». В беседах между собой осознавали, что уровень нашей подготовки ниже, чем у студентов очного отделения. Качественное образование достигалось за счет лекций, прекрасно организованных семинарских занятий, своевременных консультаций и рекомендаций, умения преподавателей видеть в студенте партнера по образованию. Студенту всегда давали шанс исправить недочеты.

Среди обучающихся нашего курса «1971-й пробы» были представители разных социальных слоев: учителя, офицеры, работники райкомов КПСС, рабочие. Считаю, что больше всего от вуза получили мы – учителя. Простой пример. Узнаем мы на занятиях о многообразии точек зрения на конкретное событие. Сразу же довожу эту

мысль до своих школьников. Директор, присутствующий на уроке, выражает похвалу. Узнаем о необходимости критического отношения к происходящим событиям, сразу вношу это в свою методическую копилку. Узнаем о занимательном факте из биографии исторического персонажа, на завтра уже сообщаем это детям на уроке. Конечно, и остальные студенты не зря грызли гранит науки, но, думаю, вуз именно нам, учителям-предметникам, дал все необходимое для организации и проведения уроков истории. К слову, о моем директоре школы. Это Карнаух Михаил Филиппович, мы закончили с ним ОЗО в одно время — январь – февраль 1977 года. Он поступил учиться в возрасте 49 лет, так сложилось. 30 лет отработал в школах Ирбейского района. Сегодня мой наставник проживает в поселке Саянский Рыбинского района. Ему 89 лет.

Все мои воспоминания о годах учебы, о преподавателях истфака я изложил в книге «Прими земной поклон» (Красноярск: Офсет, 2009). Сейчас же подчеркну еще раз, истфак не только учил нас профессии, истфак ненавязчиво воспитывал нас, давал образцы высокого поведения, учил коммуникабельности, честности, преодолению трудностей. В аудиториях царило высокое нравственное напряжение, теплота, осмелиюсь предположить, что мы взаимно обогащали друг друга.

Несколько соображений, если они кому-то нужны.

1. Я горжусь, что являюсь выпускником КГПИ. 2. Наша школа тесно сотрудничает с КГПУ им. В.П. Астафьева; передаю привет всем, кто бывал в нашей школе. 3. Огромная благодарность создателям книги «Историки! К торжественному марш!», читал несколько раз. 4. Считаю, что только благодаря КГПИ, я пришел к краеведению. Здесь добрым словом всегда вспоминаю Б.Е. Андюсева 5. Привычка читать исторические труды сохранилась по сей день. 6. Наблюдая за своими учителями-заочниками, вижу проблемы: почему в настоящее время учебные сессии проводятся в разгар учебных занятий? В наше время они проходили только в каникулярное время, что не отражалось негативно на учебном процессе. 7. Поздравляю родной университет и исторический факультет с наступающими юбилеями. Держите высокую планку высшего образования. Каждому преподавателю, студенту – наилучшие пожелания успехов и личного счастья!

ПИЧКОВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА¹

Пичковская Галина Михайловна родилась в д. Петропавловка I Ирбейского района в 1959 году 1 мая в крестьянской семье. Выпускница физико-математического факультета Красноярского государственного педагогического института 1980 года.

Мой отец, Ивашкин Михаил Корнеевич, начиная с 16 лет, работал трактористом. С рассвета и до заката — он в поле, а мама, Лидия Ефимовна, с нами дома. Нас в семье четверо — три сестры и брат. Мои родители тоже были из многодетных семей: у папы 4 брата и 3 сестры, а у мамы 4 сестры и брат. Сами умели работать и нас к тому же приучали. Пустое времяпровождение не поощрялось, да и мы, подрастая, понимали, что надо помогать по дому, в огороде, по хозяйству и на сенокосе. Жили дружно, во всем был порядок. Большого достатка в семье не было, но родители радовали нас покупками. До сих пор вспоминаю 3-колесный велосипед, подаренный мне в 7 лет. Счастью не было предела.

Потом начались занятия в школе. Учиться мне нравилось, во мне жило непреодолимое желание учиться только на «5». Родители поощряли это. Сами малограмотные, но понимали, что наш жизненный успех зависит от образования. Помню, с каким благоговением мы смотрели на нашу учительницу. Предел мечтаний — быть похожей на нее. И уже с 3 класса я знала точно, что буду учителем. Нравилась школьная жизнь: линейки, сборы, собрания, субботники, сбор макулатуры и металлолома, походы на природу, посиделки у костра, походы в кино. Летом все свободное от домашних забот время проводили на свежем воздухе, как теперь принято говорить: играли в футбол, «выжигало», «продаешь — не продаешь», «третий лишний». Интересно было. Быть октябринком, пионером, комсомольцем было почетно. Сама процедура приема в детские организации была торжественной и очень значимой для нас. Теперь понимаю, что практически мы, школьники, никогда

¹ Авторские воспоминания Галины Михайловны Пичковской, выпускницы КГПИ.

не выпадали из поля зрения взрослых. И это при том, что взрослых часто с нами рядом не было. Но было главное — понимание ответственности, гордость за порученное дело и желание не подвести старших. Не надо думать, что у нас не было детства, что мы были слишком заорганизованы. Все у нас было, ведь мы были детьми, любили и пошалить, но умели и дружить по — настоящему. В играх и делах мы взрослели, постигая азы жизни. Сейчас школьные годы вспоминаю с благодарностью.

Главный источник знаний — книги. А читать я любила. С благодарностью вспоминаю своих учителей Горбанович Екатерину Дмитриевну (русский язык) и Вагнер Тамару Михайловну (математика). Считаю, что благодаря им школа для меня была, что называется, домом родным. Благодаря им я выбрала профессию учителя. Девять лет я училась в своей родной Петропавловской школе, а затем два года в Тумаковской средней школе. Окончив школу, сразу поступила в педагогический институт на физико-математический факультет, отделение математики. Не надо говорить, как рады были мои родители, как они гордились мной. Ведь не так часто сельские дети поступают в вузы. А я в семье уже вторая получала высшее образование. Старший брат Ивашкин Пётр Михайлович учился на третьем курсе политехнического института.

Студенческие годы тоже были интересными. Все успевали: и экзамены сдать вовремя, и на танцы сходить в субботу и воскресенье в Дом офицеров, в КТЗ, в общежитии, и кино посмотреть. Соблазнов в городе много, трудно отказать себе в удовольствии. Вот тут нам и помогала наша деревенская закалка. Непосредственного контроля за нами не было, но мы всегда могли определить приоритеты самостоятельно. Во время экзаменов — только посещение библиотеки работа с литературой, а уж после могли позволить себе и расслабиться: как правило, покупали торт «Прага» и устраивали чаепитие. Студенческая жизнь тоже была интересной. Вспоминаю поездки в хозяйство «Степное» Назаровского района на I и III курсах: и поработали, и отдохнули замечательно. Именно там я получила свою первую грамоту за трудовые успехи, а вручал ее мне знаменитый Вепрев. После окончания II курса была первая педагогическая практика, проходила она в лучшем пионерском лагере

КрасМаша. Наша группа заняла первое место среди всех практикантов, и нас оставили в качестве пионервожатых работать в лагере. Мы, студенты, участвовали в традиционных апрельских субботниках. Дело привычное — наводить порядок и чистоту в городе. Что примечательно, на субботник с нами выходили и наши преподаватели. И в учебе, и в труде всегда с нами были Эдельман Самсон Львович и Михайлова Клавдия Константиновна. Благодаря Клавдии Константиновне мы освоили методику преподавания математики так, что до сих пор почти все работаем в школе. Милюков преподавал математический анализ и часто приходил к нам в общежитие проверить, как мы соблюдаем режим. Геометрию преподавал Богдашин. Деканом был Роберт Адольфович Майер. Закончила я обучение в институте в 1980 году и сразу же приехала работать в Тумаковскую среднюю школу в качестве учителя математики. Приняла меня моя школа очень доброжелательно. Администрация и учителя помогали мне стать настоящим учителем. И вот уже 33-й год я работаю в этой школе. Горжусь своими учениками, особенно теми, кто выбрал нелегкую профессию учителя. Среди моих учеников три золотых медалиста и четыре серебряных. Многие мои ученики отличаются творчеством и самостоятельностью, стремятся получить глубокие знания. На уроках математики я применяю современные педагогические технологии и методы. Прочно утвердились на моих уроках вузовская технология: уроки-лекции, уроки-семинары, уроки-практикумы, уроки-зачеты. Создаю на уроке ситуации взаимопомощи, всегда подчеркиваю значимость достижений каждого ученика. Особое внимание уделяю технологии проектов, которая позволяет решать задачи формирования и развития интеллектуальных умений, связанных с критическим и креативным мышлением. Многие мои ученики отличаются творчеством и самостоятельностью, стремятся получить глубокие знания.

Результатом моей работы являются победы моих учеников на конкурсах школьного, районного, регионального уровней. В 2008 г. одна из моих учениц принимала участие в международном конкурсе «Математика и проектирование». В 2011 г. мои ученики стали призерами муниципального этапа Второй Всероссийской олимпиады по математике — «Центр поддержки талантливой молодежи». Также я являюсь руководителем научно-исследовательских работ моих учащихся, с которыми

они выступают на районной научно-практической конференции. С самого первого дня моей работы в школе я являюсь классным руководителем. Приоритетной целью моей деятельности является повышение социальной, культурной и гражданской зрелости моих воспитанников. Ведь каждый ребенок – личность. Главное – воспитать личность, найти в ребенке хорошее и поддержать в нем это хорошее.

Поздравляю педагогический коллектив университета, родной физико-математический факультет, всех выпускников педуниверситета с юбилеем! Низкий поклон и самые наилучшие пожелания преподавательскому составу! Своими успехами я обязана вам, тем знаниям, что получила у вас! Так держать! Ведь основа могущества нашего государства – образование!

ЧЕРВЯКОВА ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА¹

Ольга Михайловна Червякова, 1966 г. р., с. Тумаково Ирбейского района Красноярского края. Семья рабочая. Выпускница факультета начальных классов Красноярского государственного педагогического института 1987 года.

Родители: отец — Червяков Михаил Иванович, механизатор, слесарь-медник, ветеран труда, кавалер ордена Красного Знамени, мать — Червякова Валентина Федоровна, бухгалтер.

Учеба воспринималась как святая обязанность, серьезный труд. Учиться плохо, прогуливать занятия в школе, не готовить домашние задания было нельзя т. к. «позор для родителей». Успехи (неуспехи) детей в школе предавались огласке на все село, и о делах в школе знали все. Учитель в то время – фигура неприкосновенная, слово учителя – закон, учитель сказал – выполнить обязан. В семье учитель никогда не обсуждался, все неуспехи – недоработка ученика и родителя. В семье старшие всегда помогали младшим в учебе, до прихода родителей с работы уроки должны были быть выполнены в черновиках. Всегда была ориентация: хорошо учишься – легче будет

¹ Авторские воспоминания Ольги Михайловны Червяковой записала и обработала учитель истории Тумаковской СОШ Любовь Николаевна Гаврилькова, выпускница исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.

поступить в вуз. Профессия для меня была предопределена с раннего детства, почему, не помню, но во всех играх с подружками все сводилось к игре в школу и я всегда была учителем. Подражать было кому – это Ноак Мария Александровна: огромное уважение среди учеников и родителей, на уроках тишина, 45 минут разнообразная работа и как итог слова благодарности учителя, Пичковская Галина Михайловна – новый педагог, только после института, но столько знаний, умений подать материал, что предмет «Математика» из нелюбимого перешел в разряд «я понимаю его (предмет)», Фогель Людмила Тимофеевна — ярко, эмоционально окрашенные уроки русского языка и литературы, хоть и очень трудно было, не все получалось, но до сих пор люблю этот предмет. До сих пор помню некоторые моменты уроков Людмилы Тимофеевны, особенно листок тополя пущенный учителем, и скользящий в воздухе, Мамаева Галина Васильевна – учитель биологии и классный руководитель, интересная добрая женщина, действительно, «как вторая мама».

Общественные организации в школе: для меня было святое – октябренок, пионер, комсомолец. Серьезно готовилась к вступлению, дрожала как «осиновый лист» от торжественности момента. Активным участником этих организаций не была никогда, да и в классе сильно не выделялась, была как бы в стороне. Класс был дружный, активный, конфликтов не помню, все дружили, были отдельные компании, но класс был един. Ходили весной в походы с классным руководителем, участвовали в многочисленных школьных мероприятиях.

После окончания – педагогический вуз, другого даже не планировалось, родители хотели, чтобы поступала на исторический факультет, но я выбрала начфак уже давным-давно и про другое слышать не хотела. Беззаботной студенческой жизнь не назовешь, но успевали все – и кино, театры посетить, и экзамены сдать без «хвостов». Руководил факультетом Кофман Яков Михайлович – великий человек, его интересовало все о студенте, опекал каждого. Запомнился преподаватель русского языка Булохов Виктор Яковлевич, полевая практика с Щербицким Евгением Павловичем, Общественную жизнь в вузе не вела, в колхозы, стройотряды не ездила.

Трудовая деятельность началась в 1987 году в Тумаковской средней школе. (училась по направлению руно). Наставником была Левченко Нина Матвеевна,

опытный, доброжелательный учитель. Вхождение в коллектив не было сложным, т. к. родная школа, учителя опекали, помогали словом и примером. За 25 лет работы в школе была завучем, директором, но больше всего эмоциональной отдачи, удовлетворенности от работы получила, работая учителем с малышами. Неописуемую радость получаешь тогда, когда набираешь первый класс, маленьких ребятишек, мало чего знающих, умеющих, а в четвертом классе выпускаешь учеников, умеющих не только читать, писать, считать, а обладающих своим мнением, взглядом на мир, имеющих определенный запас знаний.

Отношение к учителю в настоящее время разнится с былыми временами. Авторитет учителя упал, родитель не всегда может заменить учителя, в силу своей ограниченности, нет уверенности в завтрашнем днем. Сейчас нельзя уверенно сказать, для чего учишься в школе, зачем? В свои школьные годы я это точно знала, сейчас дети не смогут сказать зачем, т. к. не знают, что будет завтра, куда они смогут поступить, хватит ли у родителей денег на оплату обучения, да и не только оплату, хотя бы выжить в городе, пока учишься. Плата за обучение, плата за общежитие (если посчастливится, а то и за съем квартиры), а после окончания вуза необходимо найти работу – эти проблемы стоят «стеной» перед учеником, его семьей и служат тормозом в получении хорошего школьного образования, поэтому дети не хотят сегодня учиться, т. к. нет перспективы. Можно проводить разные реформы в образовании, но если нет уверенности в завтрашнем дне, нет работы у родителей, в семьях о завтрашнем дне детей не говорят и не мечтают, потому что родители не знают, что будет завтра, дети учиться в школе будут без желания, интереса. Мечта двигает человека вперед, нет мечты – нет движения.

ЧУРИНОВА АЛЛА ВАСИЛЬЕВНА¹

Алла Васильевна Чуринова, учитель иностранного языка высшей категории Усть - Ярульской средней школы Ирбейского района

¹ Воспоминания Аллы Васильевны Чуриновой записала и обработала Любовь Николаевна Гаврилькова, учитель истории Тумаковской СОШ Ирбейского района, выпускница исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева.

Красноярского края. Выпускница факультета иностранных языков Красноярского государственного педагогического института 1977 года.

Первый свой выбор сделала после окончания 4 класса, записавшись в группу французского языка исходя из того, что Перро и Дюма были французами. В школе № 70 г. Красноярска французский язык преподавала Зырянова Неля Николаевна. Уроки проводила легко, интересно. По окончании школы в 1972 г. поступила в КГПИ на факультет иностранных языков на франко-немецкое отделение. Учиться было **очень(!)** трудно, особенно I и II курсы. По 6–8 часов языковой практики, огромные (на взгляд выпускника школы) домашние задания, вытеснившие всю личную жизнь...

Итак, I курс. Посмотрели концерт, подготовленный силами II курса. Неужели мы сможем также говорить, петь, декламировать стихи?

Преподаватели

Финогенко Нина Александровна, вела у нас на 1-ом курсе Практику языка. Сколько сил отдала Нина Александровна, делая из нас «французов». Учила одну и ту

же мысль выражать разными языковыми средствами. Мы даже между собой называли ее «скажи по-другому». Сейчас понимаешь, она развивала в нас контактность, коммуникативность.

Новикова Юлия Григорьевна, преподавала Практическую фонетику, грамотный, очень тактичный, целеустремленный педагог. Как было трудно избавляться от «русского акцента» ... Одно стихотворение на французском было мной прослушано и проговорено более 100 раз, после чего наконец получила зачет.

Плехов Валерий Сергеевич, вел лексикологию, устную практику, домашнее чтение. С удовольствием посещали его занятия. В подлиннике читали и обсуждали с ним произведения французских классиков: Проспера Мериме, Эмиля Золя, Стендаля,

Дюма и т. д. С Валерием Сергеевичем (говоря современным языком) мы сделали проект «Эскадрилья „Нормандия–Неман”». Нашли бывшего комсорга комсомольской организации советских авиатехников, Зарихина Ивана Михайловича, сделали копии его фотографий и оформили стенд, пригласили его на вечер, посвященный памяти эскадрильи «Нормандия- Неман».

Хочется с большой теплотой вспомнить преподавателей-выпускников Московского института иностранных языков им. Мориса Тереза: Максимову Людмилу Михайловну и Власову Евгению Ивановну. Мы учились у них не только языку, но и манерам, стилю поведения высокообразованных людей.

А как эмоционально, интересно преподавала литературу Франции от Рабле до современных авторов Щитникова Галина Иосифовна.

Мы на всю жизнь влюбились в литературу Франции. Как много значит, когда ученики и студенты видят увлеченность своего преподавателя своим предметом.

Щейнерман Этя Абрамовна, участник ВОВ, выпускница Московского института военных переводчиков, преподавала у нас страноведение –интереснейший курс. Грамотный и очень тактичный преподаватель, много сделала для совершенствования наших языковых навыков и нашего становления.

Белавина Бронислава Милишевна учила нас латыни. Грамотный, прекрасный специалист и милая, очень приятная женщина. Было в ней какое-то очарование и человеколюбие.

Штейнберг Евгения Карловна, грамотный требовательный преподаватель. Вела у нас курс перевода, политлексику, теоретическую грамматику.

А еще у нас был наш «придворный кинотеатр» — клуб «Автомобилистов», где благодаря стараниям наших преподавателей мы смотрели фильмы на французском и немецком языках и затем обсуждали их в аудиториях.

Благодарны всем преподавателям французского языка. Они нас научили большему, чем свободное владение языком. Научили учиться, стремиться, увлеченно и последовательно идти к своей цели.

Запомнились живые нестандартные лекции Секерина по научному коммунизму.

Историю педагогики преподавал Вил Александрович Трояновский, педагогику

— Мария Ивановна Шилова.

Из преподавателей немецкого языка запомнилась Иконникова Нина Ефимовна. На выпускных государственных экзаменах было отмечено хорошее знание немецкого языка у нашей группы.

Сейчас оглянувшись назад, понимаешь, что все эти люди, наши истинные **Учителя-подвижники** научили нас учиться, самосовершенствоваться, постоянно преодолевать себя и идти к намеченной цели.

ШЕКШЕЕВА ТАТЬЯНА ЕФИМОВНА¹

Татьяна Ефимовна Шекшееева, 1916 года рождения, сельская учительница, выпускница Красноярского учительского института 1941 года и географического факультета Красноярского пединститута 1949 года. Она из поколения советских людей, испытавших и переживших такие события, как коллективизация, раскулачивание, репрессии, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление. Татьяна Ефимовна в этих труднейших условиях сумела не только выжить, но и найти свое место в жизни и делать добро людям.

Мне уже почти сто лет. Во всяком случае, далеко за девяносто. В силу известных обстоятельств, мало кто в нашей стране может похвастаться древней и достоверной родословной. Знатные и богатые вынуждены были скрывать своё происхождение, а бедные и неграмотные знали своих предков только по рассказам родных. В таком положении оказалась и я. Прожив целое столетие, я могу уверенно рассказать только о том, что увидела и запомнила сама. О себе самой, о жизни своих родителей, да кое-что о дедушках и бабушках. А вот о жизни и происхождении более ранних наших предков я и сама знаю только понаслышке. Так как в семье я была самой младшей, то и уточнять детали своей родословной теперь уже не у кого. Так что пишу, как помню. В моей собственной жизни тоже оказалось немало такого, что проще было о нем не рассказывать. Так я и поступала большую часть своей жизни. Как показали прожитые события, этим я не раз уберегала и себя, и своих родных от

¹ Воспоминания Татьяны Ефимовны Шекшееевой помогал записывать ее сын, видный сибирский историк, кандидат исторических наук Александр Петрович Шекшееев (г. Абакан).

лишних неприятностей, порой более серьёзных, чем те, что нам пришлось перенести и без собственной в том вины. Но времена изменились, и я, наконец могу рассказать обо всём так, как мне это запомнилось. Это — не мемуары и не историческое исследование прожитого, а просто некоторые воспоминания, сохранившиеся в моей памяти.

Родилась я 25 января 1918 года в деревне Большие Копёны Минусинского уезда Енисейской губернии (сейчас Боградский район Республики Хакасия) в семье крестьянина-середняка Прохора Несторовича Ковригина, женатого на Прасковье Демьяновне, урождённой Фёдоровой. Родителями отца были Нестор Дмитриевич Ковригин из тех же Больших Копён и Устинья Васильевна, в девичестве Байкарова, из одноимённой деревни того же уезда. Моя мать происходила из семьи ссыльного мещанина Демьяна Фёдоровича Фёдорова и его второй жены, местной крестьянки Марии Васильевны. Таким образом, я могу уверенно говорить о трёх поколениях своих предков — своём, поколении моих родителей и поколении моих дедов. Зато для моего правнука, например, благодаря этим запискам станут известными предки до шестого колена.

Мой дед по материнской линии, Демьян Фёдорович Фёдоров, был представителем купеческого сословия и уроженцем Санкт-Петербурга. Он рано остался сиротой, и его приютила тётка, родная сестра его матери. Она была солидной питерской купчихой, а муж её — каким-то государственным чиновником. Тётка торговала заграничным товаром и нередко выезжала в Европу по своим торговым делам. Материально жили они неплохо, но собственных детей у них не было. Вот и взяли они к себе на воспитание Демьяна. До 18 лет он жил у них, учился в учебных заведениях, а заодно осваивал и торговое дело.

Со временем тётушка решила, что для обретения богатства можно использовать все средства. Она застраховала свое имущество на довольно крупную сумму и наняла лиц, которые подожгли и спалили её склады и магазины. Однако для получения страховки это событие подверглось расследованию, которое должно было выявить виновника и выяснить мотивы его действий и обстоятельства преступления. Умная купчиха уговорила несовершеннолетнего племянника взять вину на себя,

рассчитывая, что суд пожалеет малолетнего и не станет его наказывать. Так сначала и произошло – мальчика, после того как он показал на себя, отпустили. Но через год, когда Демьяну исполнилось 18 лет, его снова вызвали в суд и уже как взрослого человека приговорили к вечному поселению в Енисейскую губернию. По прибытии в Красноярск этапа заключенных и ссыльных разослали по острогам, тюремам и селениям губернии. Демьяна направили в деревню Узу Абаканской волости Минусинского уезда (ныне Краснотуранского района). Деревня была глухая, без школы, церкви и больницы. Будучи ссыльным, Демьян под стражей не содержался и квартировал у местных жителей. К тому же он получал от государства и небольшое денежное пособие.

Как человека грамотного, местные власти привлекли Демьяна к учету состояния хозяйств и населения. Он записывал сведения о рождаемости и смертности, количестве содержащегося скота, посевных площадей и выращиваемых крестьянами земледельческих культур и овощей в семи деревнях Абаканской волости — в Узе, Кортузе, Салбе, Кара-Беллыке, Белоярске, Сарушке и Новосвиныно. Ему же приходилось заниматься сбором налогов, доставкой их в Абаканский банк и составлением отчёта об этой работе в адрес волостного правления.

Со временем Демьян Фёдорович обзавелся семьёй и построил свой собственный дом. Пережив все войны и революции, он стоит в Узе до сих пор и выглядит прилично. Архитектура его была довольно простой и традиционной – кухня, большая комната, горница, спальня, кладовка и сени. Во дворе располагались два бревенчатых амбара и каменный подвал. Первая жена Демьяна Фёдоровича умерла рано, оставив его с тремя детьми – Николаем, Дарьей и Анной. Через некоторое время он снова женился. Вторая жена, Мария Васильевна, родила ему еще троих: Фёдора, мою будущую мать Прасковью и Агафью. Демьян Фёдорович заботился о детях, нанимал им учителей, готовил их к самостоятельной жизни. Мать моя, впрочем, предпочитала обучаться танцам, в чём и преуспела. Танцевала она действительно хорошо, но знала толк и в домашнем хозяйстве. Умела хорошо готовить, любила наводить чистоту и поддерживать порядок в доме.

Судьба детей Демьяна сложилась по-разному. Старший сын, Николай

Демьянович, погиб в империалистическую войну, а его жена и четверо детей (Ксения, Александр, Иван и Анатолий) остались жить в доме деда. Дочь, Дарья Демьяновна, будучи ещё подростком, упала с полатей и повредилась головой. Второй сын, Фёдор Демьянович, со временем отдался от отца и стал жить самостоятельно. Он построил двухэтажный дом и завёл большое хозяйство. Вполне успешно жил до самой коллективизации. А когда его раскулачивали, он подошел к окну, увидел, что выводят лошадей, – упал и умер. Семью же его сослали на Ангару. Другая дочь, Анна Демьяновна, вышла замуж за жителя деревни Быскар. Жили хорошо, но потом их с мужем тоже раскулачили и сослали в Томскую область. Агафья Демьяновна с мужем и шестью детьми жила в Белоярске. Их тоже хотели раскулачить, но они успели уехать в Ольховку (сейчас г. Артёмовск). После раскулачивания дом в Узе опустел и перешел к новым хозяевам.

Судьба разбросала и его домочадцев, в частности детей Николая Демьяновича, старшего сына деда Демьяна, погибшего на войне. Его сын, Иван Николаевич, пошел служить в армию, Александр Николаевич занялся торговлей, а Анатолий Николаевич стал вором. Он шесть раз попадал в тюрьму, каждый раз бежал из неё и всегда приходил к нам. Мама плакала и просила его бросить воровское занятие, а он ей говорил: «Не бойся, Лёлька, зато вас никто не обворует!». И вправду, у нас не воровали. Хотя и брать-то было нечего. Когда началась Великая Отечественная война, Анатолий Николаевич, отбывавший очередной лагерный срок в Коми АССР, записался в штрафную роту, направленную на Ленинградский фронт. Будучи отчаянным парнем, он отличился, был награжден и освобожден. После войны стал жить в Оренбурге, женился, родилась дочь. Приглашал мою маму, свою тетку, жить у него. А мама сказала: «Куда ж я поеду? Сейчас он хороший, честный, а завтра вдруг опять воровать пойдет. И куда я тогда?» Она ему так и не ответила, а больше от него и писем не было.

Его брат, Александр Николаевич, воевал во 2-й ударной армии генерала Власова, попал в плен и оказался в Германии. После войны Александр был осужден на десять лет заключения в лагерях, которые отбывал, работая на Карагандинских шахтах. Выйдя на свободу, он уехал в Краснодарский край, где устроился в примаки к

какой-то женщине, да так там и остался. Средний брат, Иван Николаевич в период Великой Отечественной войны и в послевоенное время успешно поднимался по армейской должностной лестнице. Впоследствии жил в Москве, работал в Министерстве обороны СССР.

Теперь уже, наверное, никого из них и в живых-то нет. А вот их родной дом стоит как памятник. Приезжая в Узу, я всегда останавливалась возле него и подолгу стояла, вспоминая детство. Помню, как мама зимой запрягала коня, усаживала нас с сестрой, укутанных в тёплые шубы, в кошевку и мчалась из Копён в Узу. Посмотреть на племянников, повидать родных – и обратно, в Большие Копёны...

Мать моя, Прасковья Демьяновна, смолоду вышла замуж за Ивана Максимовича Мосина, который занимался промыслом диких коз в районе медного рудника «Улень». У них родилось трое детей. Но после эпидемии тифа, унесшей в один год семерых членов их семьи, включая мужа и двоих старших детей, в живых осталась только маленькая Лиза, которая еще и ходить не умела. Мама прожила несколько лет одна. Отец, Прохор Нестерович, тоже раньше был женат и имел троих детей. Супруга его умерла. Он пять лет вдовствовал и сознательно не женился, ожидая пока подрастут дети, чтобы возможная мачеха не смогла их обидеть. Помогали ему в воспитании детей его мать и сестра Пелагея.

Свататься к маме отцу посоветовал известный минусинский купец и промышленник Григорий Яковлевич Вильнер, который часто бывал на руднике и хорошо знал и самого Мосина, и его жену. Получив предложение, мама посетила Копёны, где жил Ковригин. Осмотрев дом и хозяйство, познакомившись с детьми и будущей роднёй, она дала согласие на совместную жизнь. Однако потребовала, чтобы жених купил ей золотые серьги, шелковую фальшонку и коробочные ботинки. Для тех, кто не знает, поясню: фальшонкой назывался черный кружевной шарф, а под «коробочными» подразумевались фабричной работы туфли, купленные в магазине. Все её желания Прохор Нестерович, конечно, исполнил, и они обвенчались в Усть-Ербинской церкви.

Судя по тому, что говорили, мать моего родителя, а моя бабушка, Устинья Васильевна Ковригина, еще девочкой перебралась в наши края из Забайкалья.

Произошла как бы обратная волна переселения – многим из покорителей Сибири климатические условия Забайкалья показались слишком суровыми и малопригодными для занятий земледелием и скотоводством. Вот они и решили переселиться в более плодородные места. Забайкальцы, облюбовав место на правом берегу Енисея между Унуком и Беллыком, основали целую деревню. Многие из них не захотели открывать своих настоящих фамилий и назывались Байкаловыми. Из-за обилия однофамильцев и всю деревню стали именовать «Байкалово».

Сначала поселенцы нарыли себе землянок, потом завели скот и стали выращивать хлеб. Постепенно появилась возможность строить небольшие избушки, а затем и дома. Со временем это поселение превратилось в довольно большую деревню с добротными постройками. Напротив её, на левом берегу Енисея, находилась другая деревня — Большие Копёны. В этих местах Енисей разливался широко и его протоки образовывали множество островов. Некоторые из них были длиной по 8–10 километров и по 2–3 километра шириной. Острова имели собственные имена и назывались «Березовый», «Черемуховый», «Талый». Говорили, что на острове «Бобровом» когда-то водились бобры, от которых он и получил своё название.

Когда Устинья Васильевна Байкалова повзрослела, то она вышла замуж за Нестора Дмитриевича Ковригина из Копён. А вот о прабабушке Нестора рассказывали, что она была представительницей коренного населения – «юртошной» (т. е. живущей в юрте – А.Ш.) хакасской, вышедшей замуж за русского. Хакасское население в основном занималось скотоводством, табунным коневодством и разводило овец. К описываемому мною времени проживало оно не только в юртах, но и в избах, построенных по-крестьянски. Питались хакасы преимущественно мясом и молоком. Грамотных среди них было немного. Среди хакасов были распространены глазные заболевания. Хлеб коренные жители выращивали мало. С целью его приобретения они готовили кедровую и лиственничную серу, которую в деревнях обменивали на печёный хлеб и свежее молоко. Сами они из молока готовили напиток айран и водку араку.

Но вернемся к освещению событий в жизни семьи Ковригиных. Нестору еще до женитьбы выпал жребий идти в солдаты. А служили тогда по 25 лет, которые он при

его слабом здоровье мог и не пережить. Тогда его родители воспользовались обычаем нанимать вместо своего рекрута кого-нибудь другого. Нашелся молодой человек, родители которого за установленную плату отдали его вместо Нестора в солдаты. На откуп от военной службы сына семье Ковригиных пришлось изрядно потратиться. Поэтому Нестор, когда пришла пора заводить семью, в качестве жениха ничего, кроме родительского благословения, не получил. Некоторое время молодые прожили в небольшой избушке, а потом отстроили дом и завели хозяйство. Тем не менее умер Нестор Дмитриевич в сравнительно раннем 40-летнем возрасте, оставив пятерых детей: Семёна, Прохора (моего отца), Пелагею, Офимию и Наталью. Все рожденные в этом браке дети оказались в дальнейшем умными и деловыми людьми. Местные крестьяне старались породниться с этой семьей: дочери Нестора Дмитриевича быстро нашли свое место в жизни. Пелагея Нестеровна вышла замуж за Ивана Никитича Рехлова, а Наталья Нестеровна – за кузнеца Ивана Васильевича Кудрявцева.

Сама бабушка Устинья была умной и трудолюбивой женщиной. Имея огороды, она выращивала турецкий табак, который после обработки сдавала на продажу в магазин, а также держала пчел. Поэтому деньги у неё водились. После смерти мужа Устинья Васильевна жила со старшим сыном Семёном Нестеровичем и его женой, которая законному мужу предпочитала соседа. Дядя Семён, конечно, очень переживал, многократно пытался вразумить и наказать её, но всё было напрасно. Переживала и бабушка. Ведь в семье уже были дети Наталья, Вера, Андрей и Николай. Позднее Наталья Семёновна вышла замуж за Прокопия Сергеевича Голощапова. Жили они хорошо, пока не попали под раскулачивание. Их сослали на болота в Томскую область, где они и пропали. Дочь, Вера Семёновна, с мужем Федотом Помогаловым жила в Краснотуранске. Жили они на широкую ногу. Как тогда говорили, на Федотовы «гонорары», которые он получал от соответствующих органов за выявление и сдачу «врагов народа», которых среди его знакомых оказалось необычайно много. Сын, Андрей Семёнович, тоже имел семью. Но, рано овдовев, он женился ещё несколько раз, а троих детей беспризорничали. Однако вольная и весёлая его жизнь неожиданно пресеклась заключением. Он с несколькими возчиками по разнарядке приехал зимой в Абакан за казённым грузом. Мужики, оставив лошадей у

знакомых, пошли на концерт в Дом культуры. А в это время местные воры увели у них лошадей. За срыв перевозок возчикам дали по 10 лет лагерей. Дети Андрея снова остались без присмотра. Моя сестра Паша, обратившись в крайисполком, выхлопотала отмену приговора. Вернувшись, Андрей снова женился и забрал детей.

Позднее Паша добилась возвращения из ссылки и самого дяди Семёна. По возвращении он и его жена некоторое время жили у нас, а потом уехали в село Ербинское. Там тётка Анна умерла, а дядя Семён вернулся в Копёны и стал работать сторожем на полевом стане, где охранял обмолоченный хлеб. С ним же жили и дети Андрея. С началом Великой Отечественной войны Андрея Семёновича призвали в армию. Он попал на Ленинградский фронт, был в окружении, голодал. Потом он рассказывал, каково ему пришлось. Финны были как на подбор – высокие, крупные и упитанные, а наши все – голодные и ослабленные. Поэтому перед боем красноармейцам давали по стакану спирта, и они шли врукопашную. Однажды он только после возвращения в свои окопы обнаружил, что его правая рука перебита. Боль в горячке боя он не почувствовал, а только удивился тому, что рука неестественно вывернута и ему мешает.

Не дождавшись возвращения Андрея с фронта, его отец, Семён Нестерович, умер, а внуки оказались по разным углам. Вернувшийся Андрей разыскал их и женился на Таисье, прожив с ней ещё много лет. Когда сооружали лоно Красноярского водохранилища, то деревню Копёны снесли, а жителей переселили в село Троицкое. Переехал на новое место и Андрей с семьёй. К нам он наезжал часто, помогал по хозяйству, вывозил сено с островов. Работавшему колхозным табунщиком, Андрею Семёновичу однажды пришлось заворачивать лошадей. Упав на всём скаку и сильно ударившись грудью о каменную плиту, он вскоре скончался. Мы ездили его хоронить.

Старший сын его, Николай Андреевич, занимался рыболовством на Дальнем Востоке. Младший же, Александр, жил в селе Троицком. Я была у него раза три, ходила на кладбище, перенесённое из Копён. Перечитала все надписи на крестах и памятниках и многое вспомнила...

Наша семья представляла собой собрание детей – и отцовых, и материных, и

совместных. От первой жены, Ксении Байкаловой, которая была из деревни Крапивино (ныне село Усть-Сыда), у отца были дети: Прасковья (Паша), Иван и моя крестная Женя-старшая. У мамы тоже было трое детей от первого брака с Иваном Мосиным, но двое старших умерли вместе с отцом во время эпидемии. Оставшейся у неё Лизе ко времени, когда отец с матерью поженились, было лет пять. Потом, в 1914 году, народилась Женя, а следом и я. Так как в семье оказались две Евгении, то старшую, которая была всеобщей нянькой, стали называть «Лёлей Женей», а младшую – просто Женей. Хоть мы с ней и были родными сёстрами, но очень отличались друг от друга, и не только возрастом. Женя была высокая и статная, а я – маленькая, черненькая и бойкая.

К тому времени у отца умерла сестра Офимия, у которой было шестеро ребятишек – четыре мальчика и две девочки. Мама с согласия отца взяла на воспитание одного из племянников – мальчика Мишу. Таким образом, у нас образовалась семья из троих отцовских детей – Паши, Ивана и Лёли Жени, маминой Лизы, племянника Миши и нас с Женей.

Для содержания такой семьи требовалось и соответствующее хозяйство. Таким оно и было. В 1929 году у нас было 14 голов крупного рогатого скота, 5 лошадей, 2 свиньи, 40 овец и 7 десятин посева. Много было и молодняка. Имелись также куры, утки и гуси. Хозяйство располагало 2 сенокосилками, конными граблями, сортировкой, веялкой, молотилкой и 2 плугами. Но такой объем хозяйствования требовал немалых трудовых усилий. Отец был крепкий мужчина, трудился, не зная ни праздников, ни выходных. Соблюдал он только Ильин день, так как однажды в этот праздник молния убила лошадь, на которой он работал. Отец сильно напугался и с тех пор в Ильин день никогда не работал. Мама была прекрасной хозяйкой. Поэтому районное начальство, приезжавшее в деревню, чаще всего останавливалось у нас.

Дом наш был довольно большой, но построенный очень просто. Он состоял из горницы, кухни, сеней и кладовки. Было ещё и подполье, вход в которое находился в кухне за печкой. Кухня же служила нам и спальней. Мы с Женей спали на так называемом голбчике – дощатых полатях в запечье, которые находились над входом в подполье. Паша спала на печке, а Лёля Женя, Лиза, Миша и Прохор (еще один

бездонный обитатель) – на полатях. А около двери стояла кровать, на которой отдыхали мать с отцом. Когда же приезжал какой-нибудь районный уполномоченный, то ему отводили место тоже на полатях. В горнице квартировала учительница К.С. Чеботарева, которой мама отдельно готовила, стирала и гладила её вещи. Этот труд учительница оплачивала. Не была лишена семья и некоторого деревенского изыска: в доме имелись два самовара, зеркало и настенные часы.

Частым гостем в нашем доме был деревенский пастух Михаил Андреевич Коков. Он пас овец и жил в избушке у дяди Семёна. Ранней весной крестьяне сдавали ему овец, и он угонял их в горы. С собой забирал и нашего кобеля Мишку, волкодава, способного разогнать целую стаю хищников. А зимой Мишка охранял стайки со скотом и домашнее имущество. Зимнее время Михаил Андреевич проводил в деревне. Ходил в гости и играл на бандуре. Когда он заходил к нам, то мама и Лёля Женя бросали работу и пускались в пляс. Мама танцевала очень красиво, и отцу это нравилось. Он смотрел на их танцы и довольно посмеивался. Мама и меня учила плясать.

В каждой деревне был свой любимый праздник. В Копёнах это было Успение, отмечавшееся в первых числах декабря. На праздник съезжались родственники из других деревень, гуляли дня 3–4, а потом разъезжались по домам. Таким же образом наносили и ответные визиты – всей роднёй выезжали на их местные праздники. К каждому из таких гуляний хозяева готовили 30–40 литров самогона, пару десятиведёрных бочек пива да пару таких же кадок квасу. Ну и веселились – с музыкой, с песнями и танцами. Главным музыкантом у нас был Иван Никитович Рехлов, муж Пелагеи Нестеровны, родной сестры моего отца. Оказавшись во время Первой мировой войны в плену у австрийцев, он научился играть на скрипке. Привезя её домой, он часто играл для себя и местного общества. Вместе с Михаилом Коковым, аккомпанирующим ему на бандуре, они устраивали настоящие концерты.

Но всё это было зимой. Летом же крестьяне работали. Сено мы косили на островах по Енисею. В кустах и на опушках – литовками, а большие ровные площади выкашивали конными сенокосилками. Сначала скошенное сено сгребали и копнили, а потом волокушами свозили копны в одно место, где отец с Прохором метали большие

стога. Лет с шести и меня начали брать на покос. Малышей использовали для управления лошадьми, таскающими волокуши. Мать и другие женщины укладывали сено на две берёзки, прикреплённые к сбруе наподобие оглобель, а ребёнку оставалось только направлять лошадь в сторону стогов, где волокушу встречали отец и другие мужчины. Годными для этой работы считались все, кто самостоятельно мог сидеть на спине неторопливо бредущей смирной лошадки. В обеденный перерыв мы с Михаилом верхами же ездили на Енисей поить лошадей. К сенокосной страде крестьяне относились крайне серьезно. Помню, как-то я, не желая ехать на покос, начала капризничать. Тогда моя мама, уже сидевшая на лошади, молча посадила меня к себе на колени и погнала её.

Когда созревали хлеба, их тоже убирали машинным способом – жнейками. Отец сидел на беседке – специальном сиденье, набирал колосья и сбрасывал их на землю, а я управляла лошадьми так, чтобы они шли прямо. Колосья потом связывали в снопы и составляли в суслоны, чтобы зерно просохло. После этого их свозили на гумно, а молотили уже зимой. Лошади были сильные и умные, поэтому, хотя мои ноги на первых порах и не доставали до упора, мне удавалось не свалиться с косилки. Зимой, на молотьбе, работа находилась и мне. Отец разбирал снопы и подавал их в машину, а я на морозе «управляла двигателем» – пешком погоняла лошадь, которая крутила молотилку. Остальные домочадцы отгребали солому, сортировали зерно и отвозили его в амбары.

У нас было два амбара под зерном и один – под мукой. Была ещё кладовая с запасом мясных туш и подвал для хранения масла и сметаны. Там же стояли и большие кадки с разделанной и посоленной рыбой, выловленной осенью на Енисее.

Зимой, после школы, моей обязанностью было насеять муки, процедить опару и наносить дров на три печи. Потом мы с Женей шли чистить стайки. Но работала в основном она, а я, как младшая в семье, беззаботно плясала и пела. И уже вдвоём мы на кошевке вывозили навоз за село. После этого гнали скот на водопой, на енисейскую протоку и обратно. На этом наши труды кончались, и мы шли кататься на санках до самого ужина. Потом готовили уроки и шли спать.

В школу я пошла с шести лет, потому что уже свободно читала и умела считать

до тысячи. Когда я учились в четвёртом классе, мне как пионерке было дано поручение обучить грамоте взрослого крестьянина. Достался мне Прошка Бекасов, парень лет восемнадцати, единственный сын родителей и внук известной бабки-повитухи, которая славилась в округе. И его родители, и бабушка Фёкла были людьми неграмотными. Учила я Прохора всю зиму, занимались каждый день часа по два. Научила читать, писать и считать. Парень освоил даже таблицу умножения. А бабушка с печки периодически его вразумляла: «Слушай, Порька, Таню, она всё правильно говорит!» За этот ликбез в районе мне заплатили три рубля и дали какой-то значок. Дома мне добавили ещё 50 копеек. На всю эту сумму я купила три метра белого полотна и сшила простыню, которую ещё и украсила кружевами. Она мне долго служила, пока где-то не затерялась.

Поселившаяся в нашем доме учительница вскоре привлекла к своему труду и меня. Она с утра учила первый и третий классы, с обеда – второй и четвёртый, а вечером в школе проверяла тетради. Я же сидела рядом с ней и учила взрослую молодёжь осваивать грамоту и решать задачи. Дело в том, что в четвёртом классе мне пришлось учиться дважды. И не из-за того, что была неуспевающей а скорее наоборот, – окончила начальную школу слишком рано. Старших классов у нас в деревне не было, а учиться в школе крестьянской молодёжи (ШКМ) я была ещё слишком мала. Поэтому пришлось мне и второй год провести в том же классе. Но теперь я уже не столько учились, сколько сама учила других. Зато я догнала свою старшую сестру Женю, которая несколько раз оставалась в одном и том же классе на второй год. В четвёртом классе мы с ней учились уже вместе.

После окончания четырехлетки в Копёнах родители отпустили нас в Абакан, учиться в девятилетней школе. Я и там осваивала предметы настолько хорошо, что меня перевели в шестой класс уже в марте. Мы с Женей были очень разными. Мне учёба давалась легко, а ей – с трудом. Она была крупная и здоровая на вид, а я – маленькая и худенькая. Однако она переболела всеми возможными болезнями, а я, хотя и постоянно кростила возле неё, ни разу не заболела. Видимо, я пошла в бабушку Устинью Васильевну. Да и отец мой тоже был крепким и здоровым человеком. Помню, как однажды он, схватив за узду, удержал и остановил

понесшуюся от испуга лошадь.

В 1916 году в наших краях произошло сильное наводнение. Уровень воды в Енисее поднялся метров на 8–10 выше обычного. Несмотря на высокие и крутые берега реки, Большие Копёны были затоплены практически полностью. Население перебралось в сосновый бор, находившийся вблизи деревни, скот угнали в горы, а домашнюю птицу разместили на чердаках домов. Хлеб в амбара пришлось поднять над сусеками метра на три.

Мама с отцовым сыном Иваном на лодке переплавляли имущество, когда в воду упал сепаратор. Она бросилась его искать и долго ныряла в холодной воде, пока не спасла ценную вещь. В результате мама сильно простудилась и заболела туберкулозом лёгких. Отца в деревне не было: во время войны он был призван в армию и служил в одном из тыловых сибирских полков. Ему сообщили о бедственном положении семьи. Поставив начальство в известность, отец получил для оказания помощи домочадцам месячный отпуск. Когда он приехал, вода уже спала. Отец смог отремонтировать постройки. Скот благополучно вернули домой, и он снова уехал на военную службу.

Во время Гражданской войны в Копёнах стояли войска Колчака, в которые мобилизовали и брата, Ивана Прохоровича. Через некоторое время белые встретились с отрядом красных партизан. Их командиром был Филипп Кондратьевич Щербаков, житель Копён, которого знали и уважали представители обоих отрядов. Он сумел убедить земляков перейти на сторону революции. Так, наш Иван стал бойцом одной из партизанских частей. В мае 1920 года он был мобилизован в Красную армию. Затем, по воспоминаниям сослуживцев, его в составе маршевого батальона 2-го Сибирского запасного полка 15-й Инжинской дивизии направили на борьбу с Врангелем и Махно. Иван храбро сражался, но 8 ноября его ранили в руку и бок. По излечении он вернулся в свою часть. Но его красноармейская жизнь оказалась короткой. 24 декабря 1920 года в одном из боёв под деревней Михайловкой Кременчугского уезда Херсонской губернии Иван был убит.

В 1923 году Лёля Женя вышла замуж за Ефима Васильевича Козлова и переехала к мужу в село Абаканское (с 1932 года Краснотуранск). Его семья ранее

проживала на Урале, в городе Касли. Родитель работал на знаменитом металлургическом заводе. После переезда в Сибирь его семья обосновалась в Абаканском. Отец Ефима Васильевича завёл кузницу и занялся кузнецким делом. Кроме сына Ефима, в этой семье были дочери Раиса и Прасковья. Раиса Васильевна вышла замуж за Егора Ворошилова и жила в Абаканском, а Прасковья Васильевна – в деревне Листвягово. Ко времени супружества Ефима Васильевича с Лёлей Женей кузница уже перешла в его владение. Он, как и его отец, был человеком мастеровым. Имелась у них и пасека, которую они летом вывозили в Малый Борок, небольшой сосновый лесок, находившийся в километре от Абаканского. Ухаживал за пчёлами и снимал мёд наёмный пасечник.

Абаканское было богатым селом и славилось ежегодными осенними ярмарками, на которые съезжались не только сибиряки, но и жители европейской части России. Козловы поставляли на продажу железные печки, баки, совки, сковородники и прочие кузнецкие и скобяные изделия. Тем самым они зарабатывали хорошие деньги, которые были необходимы не только на жизнь, но и на лечение. Мама после наводнения сильно страдала туберкулёзом, а у Паши болели суставы и сломанный позвоночник. Поэтому они лет пять регулярно выезжали на озеро Шира, где для лечения использовали грязи и кумыс. Жили они на целебных водах, питаясь завезенными отцом продуктами, по полтора-два летних месяца. В это время я вынужденно жила в Абаканском и, скучая по родным и своей деревне, часто плакала. Женя, Лиза и Михаил оставались всё лето дома и работали с отцом по хозяйству. В отсутствие мамы родитель иногда нанимал Устинью, сорокалетнюю женщину, которая готовила еду, стирала белье и прибирала жилище. К страде приезжали мама с Пашей. Лечение им помогало – Паша стала лучше ходить, а мама поправилась и смогла прожить до 82-летнего возраста.

Так мы жили до коллективизации. В 1923–1924 годах отец даже избирался председателем сельсовета, а позднее состоял членом поселкового и мелиоративного товариществ, комитета крестьянской взаимопомощи и местной кооперативной артели по производству масла. В коммунистическую партию он не вступал, но Паша уже тогда была членом или кандидатом в члены ВКП(б). Будучи грамотным и развитым

человеком, она возглавляла эту самую маслоартель. Сестра Лиза вышла замуж за Михаила Денисова, жителя села Абаканского. Работая возчиком на Знаменском винном заводе, он мог позволить, что его жена лишь домовничала. Со временем у них родились дети, Володя и Тамара. Но Михаил, напившись, сильно простудился и умер. После его кончины Лиза продала дом и купила избушку. Когда прожила вырученные деньги, то стала работать в пекарне, откуда носила домой хлеб и кормила им детей. Учиться они не захотели и бросили школу класса после пятого или шестого. Володя отслужил в армии и работал в Краснотуренске на радио каким-то дежурным, умер он молодым. А Тамара оказалась работающим человеком. Позднее, вернувшись в родные края – Узу, она с дочерью и её мужем завели крепкое хозяйство.

Потом в деревнях стали создавать колхозы. Крестьяне сдавали скот, инвентарь, землю и объединялись в единые хозяйства. Председателями назначались присланные из городов рабочие, ничего не понимавшие в деревенской жизни. Созданный в Копёнах колхоз «По заветам Ильича» возглавил питерский рабочий Стрекалов, который приехал с женой и двумя детьми. Он тоже не знал сельского хозяйства, но был членом партии.

С 1930 года развернулась борьба с кулачеством. Как это происходило с нашей семьей можно судить по документам двух дел, обнаруженных в Хакасском государственном архиве. Судя по ним, у моего отца, соблюдавшего на общественной работе «справедливые» мирские порядки, еще в 1920-е годы не сложились отношения с местными партийцами и комсомольцами. Но на Прохора Нестеровича, одна из дочерей которого высмеивала кулацких подпевал, другие же две – являлись пионерками, имела основание коситься и зажиточная часть деревенского населения. У него обострились отношения с одним из кулаков, батрак которого, не получив вознаграждения за свой труд, по совету отца обратился с жалобой в суд.

Согласно утвердившемуся законодательству, семья, потерявшая родственников в борьбе за советскую власть, не подлежали раскулачиванию. Однако местные активисты обвинили отца в использовании когда-то наёмного труда, что являлось одним из признаков кулацкого хозяйства. Вопреки заявлению бедняков и служащих Боградского райисполкома, считавших Прохора Нестеровича середняком,

местный сельсовет неоднократно лишал его избирательных прав и описывал хозяйство, тем самым подводя семью под выселение. Пытаясь избежать конфискации, Прохор Нестерович разделил свое хозяйство, выделив имущественный пай старшей дочери Паше. С 10 июля 1930 года он стал членом колхоза, а мама и старшая дочь, ссылаясь на слабое здоровье, вступать в него отказались. В первое колхозное лето вместе с отцом в коллективном хозяйстве работали мы с Женей, а также и Михаил. В избирательных правах отца восстановили, имущество ему возвратили. Рассмотрев его дело, окружной прокурор рекомендовал копёнскому сельсовету вернуть Ковригину переплаченные им суммы налогового обложения. Распускаемый партийцами слух о том, что его старший сын, Иван Прохорович, погибший за Советскую власть, был белогвардейцем, не подтвердился. До сведения местных управленцев было доведено, что Прохору Нестеровичу, как отцу погибшего красноармейца, полагаются соответствующие льготы.

Однако противостояние между деревенской властью и Ковригиним на этом не закончилось. Осенью 1930 года колхоз набирал бригаду мужиков на лесозаготовки. Отец тоже записался в лесорубы, взял пару бывших своих лошадей и уехал с бригадой на Саралу. В зимних условиях, на лесоповале одна из лошадей сломала ногу, её прирезали и всей бригадой съели. Когда же стали подводить итоги работы, то оказалось, что бригада план не выполнила. Виновным в этом провале и гибели колхозной лошади признали отца. К середине декабря 1930 года активисты уже заготовили справки от деревенских жителей, которые свидетельствовали о том, что Ковригины держали в хозяйстве в разное время до восьми батраков. Пользуясь ими, сельсовет вновь лишил отца избирательных прав и наложил на него «твердое задание». Беднота на одном собрании характеризовала Прохора Нестеровича в качестве середняка, а на другом – как кулака. Односельчане, ранее показавшие, что не были у нас в найме, теперь лжесвидетельствовали о своем батрачестве. 20 декабря того же года отца вместе с дочерью Пашей «как лишенных избирательных прав и эксплуататоров» исключили из колхоза. Жалобы отца, направленные по этому поводу в Западно-Сибирский краевой и Хакасский областной исполкомы, остались без ответа.

Остатки нашего хозяйства были проданы, а пятистенный дом потом отвели под школу. По обвинению в умышленном вредительстве на лесоповале отцу дали полтора года тюрьмы с последующей высылкой всей семьи на три года в томские болота. Его заключили в Минусинскую тюрьму, а маму и Пашу повезли в ссылку. В этих условиях мои старшие родственники не теряли бодрости духа и были способны посмеяться над житейскими ситуациями. Паша потом со смехом вспоминала как её, почти обезноженную, по надобности в кусты носил на себе простоватый охранник. На станции Сон, где формировался эшелон, комендант лагеря инспектировал контингент ссыльных. Увидев больных женщин, он учинил сопровождающим разнос: «Мне нужны работники, а этих доходяг вы и сами похоронить сможете, без затрат на перевозку». После этого пристыженные службисты отвезли обеих женщин обратно, в Большие Копёны.

Грамотная и умная, но не отличавшаяся крепким здоровьем, Паша смело обратилась к властям с требованием возвратить ей колхозный пай отца. Ей удалось отсудить у них свою долю, продать её и, купив на вырученные деньги избушку, переехать в Абакан. Мама тоже собрала узелок с пожитками и ушла из дома. Сначала она сунулась в Краснотуранск, к Лизавете. Но, посмотрев, как та живёт, и отругав её за бесхозяйственность, направилась к Лёле Жене. А у той уже была семья, состоявшая из двоих детей, мужа и свекрови. Мама поняла, что делать ей тут нечего, и ушла в Белоярск, к сестре Агафье. Однако та буквально дня за три до этого продала свой дом и уехала на рудник, в Ольховку. Мама пошла за нею пешком, от деревни до деревни – и нашла.

Когда-то муж тётки Агафьи оказывал помощь белоярскому священнику в богослужении. С арестом и высылкой пастыря он увёз оставшуюся церковную утварь с собой. Обнаружив в одной из деревень в окрестностях Ольховки заброшенную часовню, он привел её в порядок и принял на себя обязанности священника. Местные крестьяне, особенно женщины, признали новоявленного батюшку и стали посещать службы, материально его поддерживая. Этим Агафья с мужем и жили. Мама какое-то время пожила у них, а потом переехала на центральный рудник, где устроилась прислугой к местному начальнику. Кухаркой она была хорошей, поэтому хозяин не

только кормил её, но и платил деньги. Так она и прожила время, пока отец находился в заключении. Первую часть его отец отбывал в тюрьме, потом его перевели в лагерь на границе с Тувой, заключенные которого работали на лесосплаве по колено в воде.

Мы с Женей жили в Абакане, сначала у Щербаковых, в семье бывшего красного командира, в отряде которого начинал служить наш покойный Иван. Когда же в Абакан переехала Паша, то поселились у неё. Учились мы тогда в пятом классе Абаканской девятиклассной школы. Меня как отличницу досрочно перевели в следующий класс. Но потом пришло письмо из Усть-Ербинского сельсовета, в котором сообщалось, что мы дети врага народа. И нас обеих исключили из школы.

Сосед Паши, Пётр Павлович Садовский, работал заведующим столовой. Видя наше бедственное положение, он взял Женю посудомойкой. Ей было 15 лет, так что с этой работой она справлялась и там же питалась. А меня кормить было нечем. Хлеб выдавался только по карточкам, а другие продукты и вовсе в продаже отсутствовали. Только в магазинах «Золотопродснаб» можно было купить продукты за сданное золото, которого у нас никогда не было.

Несмотря на продовольственные трудности, Паша где-то раздобыла сала и муки. Напекла пирогов и отправила меня в Минусинск с передачей отцу. Дело было летом, но я была в валенках, так как другой обуви у меня не имелось. В них я и села на пароход, поехав на свидание. Отстояв в тюрьме очередь, узнала, что отец уже находится в лагере на Головани. Я пошла в город, нашла Вильнеров, хороших знакомых нашей семьи. Они меня накормили, напоили чаем и уложили спать. Утром я пошла на пристань, а пароход на Абакан уже ушёл. Пришлось идти пешком все 25 километров. Я шла и сильно боялась. Когда кто-нибудь проезжал мимо, то я уходила подальше от дороги и пряталась. Дома поведала обо всём сестрам. Насушив сухарей и взяв сала, Лёля Женя поехала искать отца. Она добралась до нужного лагеря, а в очереди на получение свидания встретилась со знакомым милиционером. Видимо, он занимал достаточно высокую должность, потому что вызвал начальника участка и приказал тому привести заключенного. Лёля Женя отца не сразу и узнала, такой он был худой и измождённый.

Знакомый начальник приказал перевести отца с молевого сплава на

хозяйственный двор. Там он стал ремонтировать телеги и сани, налаживал кадки и бочки, правил хомуты, узечки и прочую сбрую. Кормить его стали лучше. Восстановив силы, отец стал запасаться продуктами, табаком и спичками. А когда подготовился, то тихо подался домой. Шёл ночами, а днями прятался в лесу. Продукты кончились, пришлось питаться мёрзлой картошкой, пищевыми суррогатами.

Когда он добрался до Абакана, то мама там его уже ждала. Паша быстро раздобыла им документы на фамилию Кочневых, и они уехали на хутор Подгорный Учумского совхоза. Отец стал работать плотником, а мама стригла овец и белила кошары. Целую зиму и я жила с ними. Кроме нас, занимающих кухню, в том же доме делили комнату ещё две семьи – Щербины и Кульчицкие. Младшие дети Кульчицких тоже учились в школе. Позднее мы с Петром Кульчицким встретились уже в институте. Он меня узнал, но я категорически отказалась признаться в детском знакомстве с ним и сказала, что он ошибается. Боялась, что начнут разбираться, почему это у меня была раньше одна фамилия, а теперь другая, и отчислят из учебного учреждения.

Со временем отец почувствовал, что ему не слишком доверяют. Семья снова переехала в Абакан. Мы с мамой там и остались, а отец уехал к племяннику Александру Курдяеву. Тот окончил Томский лесотехнический институт и работал начальником одной из служб в тайге Кежемского района. Когда отцу показалось, что его начинают подозревать и там, он вернулся в Абакан и нашёл Леонтия Вильнера, с которым они когда-то занимались закупками скота. Леонтий в то время работал уже начальником Государственной племенной конюшни, выращивавшей лошадей для Красной армии. Взяв отца на работу, он приставил его к обслуживанию лошадей. Вильнер был довольно авторитетным человеком и самостоятельно «правил» в своей «епархии». Всех лиц, проверяющих и контролирующих, он до хозяйства старался не допускать, ссылаясь на выполнение важного государственного заказа. Правило это соблюдалось и относительно работающего персонала. «Кого надо, того и держу, всё на моей ответственности», – говорил Вильнер. Благодаря такому руководителю, отец проработал в хозяйстве несколько лет.

Вернулся Прохор Нестерович к нам, когда я уже работала в Краснотуренске. Жил, трудился. Однажды, когда мы косили сено на островах, с ним случился инсульт. Я взяла отпуск без содержания, сидела с ним недели три, но он так и умер. Случилось это 17 октября 1944 года. А через год после него, 14 октября 1945 года, умерла и сестра Паша. Обоих их похоронили в Краснотуренске. В шестидесятые годы прошлого столетия, когда это село переносили из зоны затопления, мы перезахоронили маму, сестру Женю и свекровь Варвару Наумовну. В остальных могилах даже кости истлели, так что переносить было уже нечего.

Избушка наша в Абакане находилась вблизи железнодорожной станции, на современной улице Пушкина, примерно, в районе прежнего Дома быта. Имела она и второй выход. Поэтому у нас порой ночевали лица, которым необходимо было срочно исчезнуть из города. Из соседей помню Кызласовых-Гурницких. Сын Романа Афанасьевича, репрессированного в 1937 году, и Христины Витольдовны Леонид потом стал известным профессором-историком.

Пока отец отбывал наказание и скитался по чужим краям, мама занималась подённой работой – солила соседям огурцы и капусту, пекла хлеб, стирала и гладила бельё. Меня Паша устроила в Абакане в национальную швейную артель, где мастерицы шили и вышивали нарядные мужские рубашки и рукавицы. Там же чинили и одежду. Особым спросом пользовалась перелицовка старых костюмов и пальто, которая обходилась гораздо дешевле пошива новой одежды. Самой грязной и неквалифицированной работой была подготовка старья к переделке. Надо было порвать старые вещи, а потом чистить и отглаживать полученные заготовки. Вот такую работу мне и доверили. Но зато я получала рабочую карточку на 700 граммов хлеба в день. Так я проработала года три.

Закройщицей была Елена Георгиевна Кызласова. Ранее она работала портнихой в Минусинске, а когда её мужа посадили, то продала дом, переехала в Абакан и устроилась в эту пошивочную артель. Здесь она вышла замуж за вдовца Иосифа Кызласова, жившего с четырьмя сыновьями и работавшего кладовщиком на огромном мясокомбинате треста «Скотимпорт», который занимался заготовкой мясных продуктов. Летом и осенью из Тувы и Монголии пригоняли много овец, коров,

лошадей и верблюдов, их забивали, а мясо обрабатывалось и отправлялось по Союзу. По субботам Елена Георгиевна вручную стирала бельё, а я полоскала, развешивала, а назавтра гладила его паровым утюгом. Летом я поливала огород и полола грядки. За эту работу Кызласовы меня кормили и иногда давали два-три килограмма мяса для домашних. Это было для нас хорошим подспорьем.

Когда мне минуло 14 лет, то я узнала, что в Хакасском областном отделе народного образования требуется секретарь. Женщина, которая была нашей соседкой и работала там машинисткой, предложила мне попытать счастья в этой должности. Хотя за моими плечами уже были шесть школьных классов, сначала я и думать боялась о такой работе. А потом отчаялась – и пошла. С грамотными кадрами тогда было тяжело. Меня приняли, но с двухнедельным испытательным сроком. Я страшно боялась, что выгонят, потому что, принимая дела, не поняла практически ничего, из того, чему учила меня моя предшественница. С её отъездом я стала обращаться к Лизе Мельниковой, машинистке, которая меня на эту работу пригласила. Та мне постепенно растолковала, как пишется приказ, доверенность или протокол. Она и школьный инспектор Пётр Иванович Штыгашев опекали меня и помогали освоить делопроизводство. Через две недели я с трепетом обратилась к заведующему с вопросом – уходить мне или нет. Он похвалил меня и оставил работать. Так что домой я в тот день летела как на крыльях.

Мне было мало лет, когда я получила предложение устроиться на работу в облоно. Паспорт или какие-то документы отсутствовали. А у Лёли Жени была приятельница, одинокая женщина, работавшая секретарём сельсовета и частенько заходившая к Козловым занять денег до получки. Всегда имевшая их, Лёля Женя выручала её. Вот эту подругу она и попросила оформить мне документы. Та задним числом вписала меня в специальную книгу за 1924 или 1926 год и нарекла Козловой Татьяной Ефимовной. Отцом записала Ефима Васильевича Козлова, а матерью – его жену и мою сестру Евгению Прохоровну. Потом выписала справку, в которой указала, что я с 1916 года рождения, грамотная, беднячка, избирательных прав не лишалась. С добавленными двумя годами жизни я и получила паспорт. Наличие такого документа позволило мне оформиться на работу в облоно.

Фамилию Козловых я носила до 1949 года, до замужества с Петром Павловичем Шекшевым. Поженились мы с ним несколькими годами ранее, а зарегистрировали брак уже после рождения дочери Веры. При регистрации брака фамилию я сменила, а вот отчество так и осталось. Перемена фамилии и отчества уберегла меня от многих неприятностей. Меня как дочь кулака могли выслать или посадить в тюрьму, где я, скорей всего, просто погибла бы. А уж о получении образования и работе в школе можно было и не мечтать. Спасибо моим старшим сёстрам, Паше и Лёле Жене, которые помогли мне спастись и остаться человеком.

Повинуясь обстоятельствам, я вынуждена была вести себя очень скромно. Никогда и никому я ничего про себя не рассказывала и не давала повода заподозрить в себе человека, по происхождению чуждого существующему режиму. Так и дожила до глубокой старости.

После того как машинистка Лиза Мельникова вышла замуж за инженера-строителя и уехала с ним в Черногорск, я была вынуждена учиться и её профессии. После работы я часа по три печатала на машинке. Народ у нас в учреждении был достаточно образованный, поэтому я научилась грамотно писать и печатать, практически не зная правил грамматики. Это помогло мне поступить в седьмой класс вечерней школы. Целый год я уходила из дома на работу к 9 часам утра и возвращалась из школы к 11 часам вечера.

За одной партой со мной сидел тогда Гриша Ященко. Не знаю, где он работал, но помню, что он увлекался парашютным спортом и хорошо знал математику. Григорий был из украинской семьи, и с русским языком у него были некоторые проблемы. Контрольные работы по математике он решал и за себя, и за меня, а когда мы писали диктанты, то я передвигала свою тетрадь к центру парты, чтобы ему было удобнее списывать. Иногда он провожал меня домой. После окончания седьмого класса Гриша вдруг исчез. Ни на танцах, ни в кино никто его больше не видел. В следующий раз встретились мы с ним только через несколько лет. Однажды зимой я пошла в Дом культуры. Стою у зеркала, привожу себя в порядок и вдруг слышу: «Таня, Таня!» Вижу, от группы военных отделяется парень и идёт ко мне. Я его сразу узнала и очень обрадовалась. Оказалось, что парашютный клуб направил его в

Тюменское лётное училище, а теперь его курсанты приехали практиковаться в полетах на Абаканском аэродроме. Пока я была в Абакане, он каждый вечер приходил ко мне в гости, а когда уехала – стали переписываться. И вот однажды он написал, что пора бы нам подумать о будущем, а я, от большого ума, заявила, что поспешность здесь не нужна. Он мне не ответил и перестал писать. С началом войны я перерывала все газеты и журналы, надеясь встретить его фамилию, а, будучи в Абакане, всегда пыталась отыскать его следы или хоть что-то узнать о нём.

С окончанием седьмого класса руководство Хакасского областного отдела народного образования направило меня в район, а оттуда меня послали работать учительницей младших классов школы № 3. До меня там работала Лидия Алексеевна Мерц. Но когда посадили её мужа, то она со своими детьми решила вернуться на родину, в Эстонию, где жили её родственники. Я испугалась ответственности и стала отказываться, но заведующий облоно меня успокоил, сказав, что уж с третьим-то классом я справлюсь. С другим таким же классом в этой же школе работала заслуженная учительница. Я стала посещать уроки, проводимые ею, и использовать полученный опыт на своих занятиях. Приходила в школу к 8 часам утра и уходила после 8 часов вечера. Из администрации ко мне на уроки никто не ходил, я понемногу успокоилась и отучила этих детей и в третьем, и в четвёртом классах.

Немного познав учительскую работу, я поступила учиться в Хакасское педагогическое училище. Однако стипендии в 65 рублей хватало только на обед, да на кино. Решив бросить учёбу, я пошла с заявлением к директору, а он предложил мне ставку личного секретаря – днём работать, а во вторую смену – учиться на втором курсе. С этим человеком я была немного знакома по работе в облоно. Когда-то я печатала его диссертацию и была очень рада заработанным деньгам. Поэтому предложение, услышанное от него, не вызвало у меня возражения. Я приходила к 8 часам утра, он давал мне задания, с которыми я старалась управиться до часу дня. Потом обедала и шла на занятия, которые заканчивались около 8 часов вечера, а после этого посещала кино или танцы. Так я окончила и второй курс училища. Теперь моё образование соответствовало девяти классам средней школы.

В то время я дружила с Сашей Никаноровой, которая, как и я, училась в

педучилище и работала в той же школе. Мать её постоянно болела, а отец, служивший продавцом, слыл гулякой и не особенно заботился о семье, в которой, кроме Саши, было ещё двое младших детей. Вскоре мы ознакомились с объявлением, опубликованным в газете «Красноярский рабочий», об открытии в Красноярске учительского института, в который можно было поступить на учёбу и с нашим девятиклассным образованием. Мы с Сашей решили учиться в этом институте. Целый месяц готовились, штудируя учебники прямо под забором в её огороде, а потом двинулись в Красноярск. Устроившись в общежитии на улице Лассала (сейчас Брянская), за Юдинским мостом через реку Качу, мы сдали вступительные экзамены без троек и были приняты в институт.

Стипендия и здесь оказалась не слишком большой – 130 рублей. Поэтому мы решили еще и подрабатывать. Саша устроилась на работу в вечернюю школу, а я – ночным вахтёром в нашем общежитии. Дежурила я через два дня на третий, с 5 часов вечера до 8 часов утра. Утром, заканчивая дежурство, мыла пол в коридоре, вестибюле и в комнате отдыха, затем быстренько пила чай и бежала в институт. Гардероб мой тогда разнообразием не отличался. На ногах я всю зиму проносила туфли с галошами, а на себе – шевиотовую юбку и синюю сatinовую рубаху с галстуком – вместо кофты.

В Хакасское педагогическое училище я так и не вернулась. А законы тогда были суровые – за опоздание на 15 минут могли отдать под суд и дать месяца три принудительных работ. И вот однажды в Доме учителя я случайно столкнулась сначала с военруком педучилища, а затем и с самим его директором, которые приехали в Красноярск на какое-то совещание. Я поздоровалась, а директор Дубов взял меня за ухо и грозно спросил, что я здесь делаю. Я рассказала, а он мне: «Тебя же судить надо!» Я испугалась и заревела навзрыд. Он подождал, пока я выплачусь, и говорит: «Молодец! В твоём положении только так и нужно». Успокоив меня, Дубов уже чисто по-дружески расспросил, выясняя, на какой факультет я поступила и как живу. Я проводила его и пошла на занятия. Больше я его никогда не встречала. И меня никто не преследовал и не судил.

Наш курс окончил учёбу в институте **28 июня 1941 года**, когда уже началась

Великая Отечественная война. Мы сдали последний экзамен, и вечером того же дня нам устроили выпускной. Получив подъёмные денежные средства от Красноярского краевого отдела народного образования, выпускники на следующий день отправились по местам назначения – мальчики на фронт, а девочки – на работу.

По распределению я должна была поехать работать в Усинскую среднюю школу. Но когда я вернулась в Абакан, то сестра Паша сообщила, что в Краснотуринске требуется преподаватель географии. Автотранспорт уже был мобилизован на фронт. Тогда отец договорился со знакомыми сплавщиками из деревни Биря отвезти нас на плоту. Мы поехали с Верой Кудрявцевой – сначала по реке Абакан, а потом и по Енисею. Возле самой Бири плот разорвало, и нам пришлось прыгать в воду. Выбравшись на берег и переодевшись, мы пешком добрались до Краснотуринска. На следующий день районный отдел обратился в краевой отдел народного образования о моем перенаправлении. После этого меня уже официально зачислили работать в Краснотуринске. Оставшись, я прожила в селе 48 лет. Из них 32 года проработала в школе и в районном отделе народного образования.

Далее, хочу немного рассказать о семье моего мужа. До 1920 года Шекшевы жили в селе Великий Овраг Нижегородской губернии, по национальности являлись мордвой. Мать Петра Павловича происходила из состоятельной семьи, родители её имели дом и сад. Её муж, Павел Иванович, был человеком грамотным и мастеровым. Как и большинство местных мужчин, летом он жил дома, занимаясь хозяйством, рыбной ловлей и прочими домашними делами. А на зиму вместе с другими мужиками уходил на заработки в другие края. К весне эти странники, занимавшиеся промыслами, обычно возвращались домой. Но однажды Павел Иванович не вернулся и скитался где-то еще несколько лет. Варвара Наумовна, отчаявшись ждать, ушла в Макарьевский женский монастырь, где работала на заготовке дров, сена и молилась «о странствующем рабе Божием Павле».

Прожив восемь лет вне семьи, он, наконец, возвратился домой и решил вернуть жену из монастыря. Однако его настоятельница долго не отпускала работящую Варвару. Со временем игуменья смилиостивилась и отпустила их на родину. Вернувшись, они завели четверых детей. Старшим был мой Пётр, затем шли сёстры

Анастасия и Евдокия, а младшим был Иван, умерший в восьмилетнем возрасте.

В 1921–1923 годах в Поволжье разразилась засуха. Голодающее население подалось кто куда. Собрав домочадцев, Павел Иванович поехал с ними в Сибирь. За ним последовала и овдовевшая сестра жены с дочкой Анной. По дороге Ефросинья заболела тифом, и её положили в Красноярскую больницу. Забрав с собой племянницу, Шекшевы на пароходе поехали по Енисею в Минусинский край. Но денег для оплаты проезда хватило только до Сорокино, где их высадили на берег и оставили прямо на пристани. Там семья прожила несколько дней, питаясь тем, что подавали местные жители. Потом переселенцам удалось добраться до одной из деревень Идринской волости, но земли получить не удалось. Тогда они переехали в Берёзовку, село сравнительно богатое и большое, где Павла Ивановича взяли на работу писарем в сельсовет, выделили избушку и земельный надел. Семья купила кобылу, которая со временем принесла ещё и жеребёнка, ставшего хорошим конём, пригодным для работы.

Пётр подрос и стал работать с родителями в своём хозяйстве. В местном клубе он познакомился с Машей М-й, девушкой из зажиточной семьи местного крестьянина. Её родители к тому времени уже построили сыновьям дома и выделили их в качестве самостоятельных хозяев. А будущего мужа дочери рассчитывали взять в свой дом. Но Пётр в «примаки» идти отказался, а Марью в дом бедняков родители не отдали. Тогда Пётр уехал в Минусинск, где поступил учиться на курсы счетоводов. В Березовке у него потом оставалась дочь Анна. Уже позднее, когда мы с Петром жили в Краснотуранске, Анна, проживавшая в одной из деревень на границе Идринского и Краснотуранского районов, приезжала к отцу. Он её принял, немного помогал. Через полгода Пётр Павлович окончил минусинские курсы и получил направление в село Новосвильино Краснотуранского района. Работал он тогда счетоводом в сельпо, то есть в магазине сельской потребительской кооперации. За приобретение незаконным путем велосипеда, необходимого для поездок к родителям, Петр некоторое время отбывал наказание в Минусинской тюрьме, где его взяли работать в бухгалтерию. Пообщавшись с тамошними коллегами, молодой специалист получил такое повышение квалификации, какое на воле ему и не снилось.

Обретя опыт счетоводческой работы, Пётр Павлович вернулся к родителям, которые к тому времени уже перебрались в Краснотурansk, и устроился на службу в райпотребсоюз бухгалтером-ревизором. Через какое-то время Пётр познакомился с Ксенией. Она была из бедной семьи, состоявшей из матери с отчимом и проживающей в одной из дальних деревень, а в Краснотуранске заканчивала школу. С призывом Петра на службу в армию, его родители взяли будущую жену сына к себе. Она окончила курсы учителей начальных классов в Абакане и вернулась к ним. Пётр Павлович служил в Забайкалье, где у границы с Монголией в то время велось крупное строительство оборонительных сооружений. Полученная профессия пригодилась ему и здесь: он служил в армейской бухгалтерии и даже получал зарплату. Дополнительно к бухгалтерским обязанностям Пётр занимался фотографией, снимая своих сослуживцев на память о службе в РККА. Поэтому за три года нахождения в армии он накопил порядочную сумму денег. Демобилизовавшись, он помог родителям рассчитаться за дом, купил одежду и обувь молодой жене и членам семьи.

Его отец, Павел Иванович, был грамотным и очень развитым – его даже называли «ходячей энциклопедией», но очень больным человеком. От него, тогда неизлечимой, болезни заразились невестка Ксения и дочь Анастасия. Все трое умерли. Живыми остались Варвара Наумовна, её дочь Дуня и четырёхлетний сын Анастасии Коля. Его отцом был Иван Мясников, женатый мужчина, погибший впоследствии на Великой Отечественной войне. После войны Пётр Павлович выхлопотал Коле пенсию за погибшего отца. Получая её, бабушка Варвара готовила внуку подарок к совершеннолетию. Но с реформой 1947 года все деньги, хранившиеся у населения «в сундуках», пропали.

После срочной армейской службы овдовевший Пётр познакомился с телефонисткой Надеждой, работавшей на почте в Краснотуранске. Их дочери Рае было всего 16 дней отроду, когда её отца забрали на фронт. Месяцев через десять девочка простудилась и умерла, а ещё через месяц на войну ушла и Надя. Сначала Пётр и Надежда переписывались, а потом как-то потерялись. К концу войны Надя прислала матери письмо, в котором просила совета, как ей поступить – встретила,

мол, хорошего человека. Что она ей посоветовала – неизвестно, но её невестка, разругавшись со свекровью, выкрада эта письмо и передала Варваре Наумовне. Демобилизовавшись, Петр приехал домой, а мать его и спрашивает, будет ли он жить с Надеждой. Он ответил отрицательно. Потом узнали, что Надежда уехала на Кавказ и домой не являлась еще лет шесть.

Не любил Петр Павлович вспоминать ратные дела и присутствовать на юбилейных мероприятиях, в президиумах которых сидели, как он считал, орденоносные тыловики. Отмечал по-своему, отмахиваясь и улыбаясь просьбам рассказать о чем-то героическом, а порой вдруг нескладно говорил не о победных сражениях, а о том, например, как ему, старшине, приходилось всеми правдами и неправдами доставать командиру спиртное, или как составлялись наградные списки, в которые начальством вписывались фамилии своих любимчиков. Только со временем, когда ряды фронтовиков поредели, попросил сына заказать в городе колодки наград, костюм с которыми он и надевал по великим праздникам. Поэтому и знали мы о его войне немногое и в основном лишь то, о чем рассказывал фронтовик в последние годы своей жизни...

Когда Петра призвали вновь в армию, а это было уже в 1942 году, он сначала попал в Ачинск, где формировалась дивизия из сибиряков, а потом в её составе – на Первый Белорусский фронт. Боевое крещение он принял под Великими Луками. Служил в пехоте, затем в минометных частях и снова в пехоте. Воевал под Новгородом, очищал от врага притоки реки Припяти в Белоруссии. Всю войну был в звании старшины. Получил лёгкое ранение, а в 1944 году – тяжёлое. Когда он прикрывал отход своих товарищей, отстреливаясь из ручного пулемета, пуля пробила лёгкое и вышла в полутора сантиметрах от сердца. Четыре месяца Петр пролежал в московском госпитале, а потом решил съездить к родственнице в Горьковскую область. Она была медичкой и обещала помочь с долечиванием. Но Петру не повезло. При посадке в поезд его завернули обратно. Из госпиталя выписали и отправили в родную часть. Отстал он от неё в Белоруссии, а догнал уже в Польше. Восстановившись, он принял участие в Висло-Одерской операции. Прошёл всю Германию. В составе 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова штурмовал Берлин.

Вспоминал, что город огрызался каждым домом, каждым окном. В воздухе стояла густая кирпично-бетонная пыль. Приходилось идти напролом, буквально сметая всё на своём пути. В этих последних боях Пётр чуть не погиб: немец метнул в него гранату, но он, вовремя заметив движение, успел броситься на землю. Пройдя весь город, наши части оказались на каком-то кладбище, чистеньком, ухоженном и тихом. Памятники, могилы и цветы. И люди – и наши, и немцы. Когда кончился бой, тишина стояла оглушительная. Где стояли, там все и рухнули спать... Но что там было, когда объявили победу. Кто плачет, кто поёт, кто пляшет. Всю войну отдавал Пётр наркомовские граммы водки своим бойцам. А тут за взятие Берлина, с ударением, как он говорил, на первом слоге, и за нашу победу выпил...

До демобилизации Петру снова пришлось вспомнить гражданскую профессию и заняться составлением финансового отчёта воинской части. Жил он у старииков-немцев в двухэтажном коттедже. Хозяин работал на каком-то заводе, был, видимо, крупным специалистом. Демонстрировал квартиранту свой инструментарий, о назначении которого тот, по его более позднему признанию, не имел ни малейшего представления. Так и не понял Петр, чем занимался стариик. Жилось тем не менее ему хорошо. Каждое утро на столе около его дивана появлялись свежие живые цветы с надписью «Русскому Петру». Была у них ещё и дочка, которая так и не показалась русскому постояльцу. Немецкие коммунисты и антифашисты организовывали для освободителей праздничные вечера. Их угощали, устраивали концерты и танцы. Петра даже выдвигали участником Парада Победы – и заслуги были, и рост подходил, но подвела строевая подготовка.

В конце 1945 года Петра демобилизовали как второочередника, а домой он вернулся едва ли не в начале 1946-го. Приехал с наградами – несколькими медалями, в том числе и двумя «За отвагу», и множеством «благодарностей» от Верховного главнокомандующего. Позднее он был награжден и орденом Отечественной войны. О дне приезда фронтовиков в Краснотуренске знали. Согласно воспоминаниям племянника Петра Николая, ребяташики на коньках помчались по застывшему Енисею встречать их у Абакано-Перевоза. Но они разминулись. Среди привезенного Петром были купленные в Германии на средства, заработанные в бухгалтерии, кожаные

пальто, материя, обувь и знаменитые немецкие фотоаппараты. Какое-то время стоял у нас и подаренный командованием радиоприёмник, а у племянника был детский аккордеон. Ему же больше всего запомнились диковинные для деревни конфеты в виде настольной игры в шашки, которые можно было съесть в прямом и переносном смысле, а также, вероятно, сигары, периодически таскаемые у дяди и производящие огромное впечатление на всех юных обитателей зимнего катка.

... Живым в этой мясорубке он остался лишь потому, считал бывший фронтовик, что призвали его в 1942 году. Те, кто воевал с начала войны, в основном погибли. Да еще потому, что суровые будни войны он встречал трезвым.

Вернувшись с фронта победители и мои сверстницы начинали строить семейную жизнь. Как-то, когда я работала в районо, на квартире учительницы математики Краснотуренской школы Евгении Васильевны Куликовой состоялась вечеринка, на которую была приглашена бывшая фронтовая молодежь. Начальник милиции играл на баяне, а мы пели и танцевали. Там я и познакомилась с Петром Павловичем Шекшеевым, бравым парнем, который пошёл меня провожать. Затем Пётр стал ходить ко мне через день, да каждый день. Он был в возрасте 32 лет и работал главным бухгалтером Краснотуренского райпотребсоюза, а мне исполнилось уже 27. Пришло время, когда можно было подумать и о создании семьи. Вскоре у меня родился сын Саша. Собравшись, я пришла с ним к Шекшеевым. Бабушка Варвара приняла ребёнка, положила на стол, посмотрела и сказала: «Наш». Тут же нашла зыбку и повесила в комнате. Постелив, уложила внука и сказала: «Вот тут теперь твоё место».

С рождением сына я снова приступила к преподаванию географии в средней школе. Кроме того, меня обязали работать ещё и в двухгодичной вечерней партийной школе, в которой учились все руководители районных организаций. Её заведующей была Матильда Ивановна Кравец, прежде работавшая историком в нашей обычной школе и хорошо знавшая меня. Лекции по истории ВКП(б) читал первый секретарь райкома партии. Кроме специальных партийных дисциплин, там преподавались и общеобразовательные предметы. В первый год я вела экономическую географию СССР, а во второй – географию зарубежных стран. Моими слушателями были бывшие

фронтовики, успевшие повидать не только родную страну, но и заграницу. Поэтому приходилось следить за текущими событиями в стране и за рубежом.

Прошло несколько лет такой работы. Из Идры, соседнего районного центра, в Краснотуренск переехал брат нашего первого секретаря. Его тут же избрали третьим секретарём райкома партии. Супруга его оказалась учителем географии, но уже с высшим педагогическим образованием. Мой учительский институт такого статуса не имел, да и у меня не было такого высокого покровителя, который тут же потребовал для жены должности заведующей учебной частью и учительницы географии старших классов. Поэтому бывший завуч, учительница математики Лидия Иосифовна Куль, продав дом и забрав родителей, переехала в Минусинск, где устроилась на работу в педучилище. Меня же перевели завучем в восьмилетнюю школу и преподавателем географии 5-8-х классов.

Оценив недостаточность своего образования, я поступила учиться на заочное отделение Красноярского педагогического института по той же специальности. Приняли меня сразу на третий курс, и я этим же летом сдала экзамены по астрономии, картоведению и геологии. На учёбу в пединституте у меня ушли три года, после чего я и получила полноценное высшее образование.

Из-за своего происхождения я натерпелась много неприятностей. Так, в адрес руководства Хакасского областного отдела народного образования, в котором я работала, поступил донос о моем кулацком происхождении и проживании под чужой фамилией. Заведующий отделом Николай Васильевич Калашников, вызвав меня, показал это заявление. А я сразу узнала руку моего же сродного брата Николая Семеновича К-ва – у него был красивый и запоминающийся почерк. Он был из семьи дяди Семёна, для которой Паша смогла выхлопотать возвращение из ссылки. Приехав в Абакан и поселившись у нас, дядя с Николаем устроились на работу в водное хозяйство, где занимались сооружением оросительного канала. Работа была тяжёлая, а платили им мало. Вот Николай, позавидовав моему положению, и написал донос. Но я не стала его выдавать, а сочинила историю про отвергнутого ухажёра, который по глупости и сгоряча решил отомстить мне таким способом. Калашников сделал вид, что поверил, подробностей выяснить не стал и уничтожил заявление. Выйдя от него, я

долго плакала, а, оказавшись дома, рассказала об этом случае Паше. Она сильно ругала и долго стыдила Кольку. А он только стоял и молчал.

Вторая история случилась уже в Краснотуренске. Меня с семиклассниками откомандировали на три недели в деревню Усть-Сыду на уборку картофеля. А в это время кто-то подал на меня заявление в милицию. Обвинения были всё те же: дочь кулака, живёт под чужой фамилией. Когда я вернулась домой, то меня встретила взволнованная Паша и рассказала, что приходил милиционер. Я растерялась и не знала, что делать. Обеспокоенная Паша пошла в милицию, где встретила хорошо знакомого ей Васю Митюкова, друга Яши Рехлова (сына тетки Пелагеи), с которым они вместе учились в ШКМ и работали в райкоме комсомола. Она всё рассказала Митюкову, а он её утешил, сказав, что за это теперь не сажают, и разорвал заявление. С тех пор больше никто доносов на меня не писал, а милиция моей персоной не интересовалась.

До сих пор я иногда пытаюсь понять, почему мне удалось уцелеть в известных событиях. Видимо, потому, что из Копён я уехала в достаточно юном возрасте – мне было всего десять лет. Я росла, быстро менялась и никогда никому не рассказывала о своём происхождении. К тому же, я хорошо вписывалась в систему, была полезной обществу. Ещё учась в школе, я занималась ликвидацией неграмотности и участвовала в общественной жизни. И позднее я много училась сама и учила других. Была агитатором на ферме среди доярок и преподавателем партийной школы. Приходилось делать политинформации для учителей и рассказывать о положении на фронтах Великой Отечественной войны солдатским женам. Некоторым из них я читала письма с фронта и даже писала за них ответные послания. При этом никто от меня не требовал ни членства в ВКП(б), ни справок о политической благонадёжности.

Но с годами мне предложили должность заведующей школьной учебной частью. Я слегка оробела, а вдруг не справлюсь. Однако заведующий районо Виктор Карпович Фуга, который когда-то учился у меня в 5–7 классах, в ответ на такое заявление только посмеялся, сказав: «Меня, дурака, выучила, а тут испугалась...». Посидела я, подумала и стала заполнять анкету. А в Краснотуренском районе средних школ тогда было пять или шесть. И все кандидаты на должность заведующих

подавали анкетные данные. Однако после рассмотрения их комиссия краевого отдела народного образования на должность завучей выдвинула только троих, в том числе и меня. Окончательное утверждение вторых лиц в школе должно было состояться на Бюро райкома партии. На его заседании первый секретарь спросил меня о партийном стаже, а я ответила, что являюсь беспартийной. Он переглянулся с членами бюро и сказал мне: «Ну что ж, делайте выводы». После окончания заседания я подошла к Анастасии Фёдоровне Перминовой, второму секретарю райкома, и спросила о том, какие мне делать выводы. «Какие, какие! В партию надо вступать!», - ответила она. Ну, я и вступила. И состояла в рядах КПСС более двадцати лет, семь из которых проработала завучем по воспитательной работе. В 1991 году в Минусинске, когда я давно уже была на пенсии, мне из ликвидируемого горкома партии принесли мои документы. На этом моя партийная жизнь и завершилась.

Первые годы семейной жизни омрачились болезнью сына. В больнице было холодно, так как топить было нечем. Пётр выписал кубометр дров и привёз в учреждение. Нам стало теплее. Тем не менее, болезнь прогрессировала. Температура у больного опустилась почти до 34 градусов. Тогда медсестра Анна Степановна по собственной инициативе влила ему лекарство. Через полчаса температура стала нормальной, и ребёнок явственно и громко сказал: «Анна». «Ну, раз уж ты со мной заговорил, я тебя не брошу», - сказала Анна Степановна и не покидала больного ребенка ещё трое суток. В больнице я с ним пробыла дней, наверное, сорок. Потом благодарный Пётр привёз медсестре за спасение сына ящик тогда дефицитнейшего хозяйственного мыла.

Первые пятнадцать лет супружеской жизни мы с мужем всегда ходили на учительские вечера, которые организовывались по случаю Нового года, Дня учителя, 8 марта и Дня Победы. Инициатором проведения вечеров был директор школы А.Г. Гриднев, а главным кулинаром и шеф-поваром – М.Ф. Грасс, которая умела хорошо готовить и красиво сервировать стол. В качестве музыкантов выступали сам Гриднев и часовой мастер, который в школе вёл уроки музыки. Собиралось человек по восемьдесят. Вечера проходили весело и дружно. Мы танцевали, веселились. Кроме больших школьных вечеров, собирались мы и более тесным кругом – на дни

рождения собственные и наших детей. Чаще всего мы встречались с Филипповыми, Червонными, Грушевскими, Усовыми и Устюговыми. Многие из них уже ушли из жизни. Живыми остались лишь Лида Усова, Мария Устюгова да я.

Дети в школе не ходили в отличниках, но и неуспевающими тоже не были. Впервые я познакомила сына с художественным словом, читая ему пушкинскую «Песнь о вещем Олеге» и толстовского «Кавказского пленника». Научившись читать, Саша стал посещать школьную библиотеку ещё в 1 классе. Затем он стал читателем всех библиотек, имеющихся в райцентре, в том числе и партийного кабинета. Сначала читал приключенческие романы, а потом русскую и советскую классику, исторические произведения. В детстве его любимыми книгами были «Звезды Эгера» Г. Гардона и «Наследник из Калькутты» Ф. Штильмарка. Большую роль в приобщении его к серьезной литературе сыграли уроки литературы, которые вели заслуженные учителя Н.А. Дёмин и В.Т. Романовский. Отцу нравилось это занятие сына. Как-то он принёс домой только что полученную в райпотребсоюзе книгу В. Шишкова «Емельян Пугачёв», которую они читали наперегонки и обсуждали прочитанное.

Когда мы жили в доме на улице Крестьянской «старого» Краснотуранска, то Вера дружила с Ольгой Филипповой, а Саша – с Олегом Орловским, Сашей Васеховым. С переездом в дом по улице Бограда к прежним подружкам Веры добавились новые из соседствующих семей – Аня Чадайкина, Лида Котельникова и Вера Герасимова. Больше всего сын общался с одноклассниками Анатолием Мясниковым, Валерием Когалёнком и Виталием Ивченко. Но были у сына два друга – Володя Фоминых и Гена Летусов, с которыми его связывали общие увлечения. В 1961 году отец приобрел четырнадцатилетнему сыну фотоаппарат и велосипед. Потом он привез из Новосибирска лыжи с ботинками, которые тогда были на селе редкостью. Летом Саша с друзьями гонял по окрестностям села на велосипеде. Любимым занятием и взрослого и подрастающего поколений было ходить в кино. Многие фильмы смотрелись ребятишками по несколько раз. С этой целью Гена Летусов и мой сын даже освоили работу киномеханика и с удовольствием «крутили» кино. В зимние воскресные дни он ходил на лыжах в бор и на острова.

Возведение Красноярского водохранилища потребовало переноса из зоны затопления 17 сёл. Среди них был и Краснотурэнск. Жильём на новом месте при переселении обеспечивались только те лица, что жили в казённых квартирах, а также жители, дома которых были ветхими и не подлежали переносу. Мы же успели построить большой и крепкий дом ещё в «старом» Краснотурэнске. Поэтому нам жилье не полагалось. Брусовый дом с шиферной крышей, в котором мы прожили всего девять лет, был вынужденно продан по низкой цене. В сложившейся ситуации, я обратилась в Красноярский краевой отдел народного образования с просьбой перевести меня на работу в другой населённый пункт. Мне предложили на выбор села Ужур, Шарыпово и пр. Узнав о моих намерениях, директор школы В.К. Фуга повёл меня на «разговор» к нашему «мэру», председателю райисполкома А.П. Пыщеву. Тот хорошо знал меня, так как его дочери тоже у меня учились. Часа полтора он рассказывал о перспективах развития района и, наконец, пообещал выделить мне квартиру. Когда же семья учительницы Зои Фоминишины Червонных перебралась в Красноярск, их жилище в «новом» Краснотурэнске на улице Ленина досталось нам. В нём мы прожили пять лет, а после того, как у Петра случился инфаркт и он четыре месяца провёл в больнице, переехали в квартиру на улице Горького, где прожили ещё лет 15.

Работая в школе, я, как и полагается учителю географии, увлекалась походами и экскурсиями. В конце каждого учебного года мы с учащимися ходили в походы по местным горам – на Кортуз, Тару, Унюк и Туран. Выезжали в Шушенское и в Саяны. Однажды удалось даже совершить путешествие по Волге. Путёвка у нас была только в Ульяновск на три дня, но я перед поездкой устроила своих девятиклассников работать на стройку. Все заработанные и полученные от профсоюза и района деньги потратили на трёхнедельную поездку. Получилось целое путешествие. От Красноярска доехали до Кирова - Горького и по Волге на пароходе доплыли до Казани. Посетили Ульяновск, Саратов и, наконец, Волгоград, познакомившись с их музеями и мемориалами, походили по театрам и просто насладились путешествием по знаменитой русской реке. Из Волгограда вернулись в Саратов и на московском поезде приехали в Абакан. Так как деньги ещё оставались, то мы зафрахтовали два самолёта

Ан-2 и с комфортом вернулись в Краснотуренск. Многие из давно уже повзрослевших ребят до сих пор вспоминают это путешествие.

Другая интересная экскурсия была в Ленинград. Учащиеся девятых классов пробыли со мной в северной столице целую неделю. Днём организовывали по две экскурсии с осмотром известных мест, а вечерами посещали театры. На обратном пути мы пять дней знакомились с Москвой. С этой целью нами для ночлега были откуплены две комнаты отдыха на Ярославском вокзале и ежедневно совершались в экскурсионных автобусах две поездки по городу.

Вспоминаю времена, когда жили мои родители, которые собственным трудом создавали своё хозяйство. У них отняли буквально всё, отца ни за что посадили в тюрьму, а нас еще и в ссылку собирались отправить. Старшие братья погибли – Иван в Гражданскую войну, Михаил – в Великую Отечественную. Отец и мама, сёстры Паша и Женя умерли на моих глазах. В последнюю ночь жизни 47-летней Паши я сидела с ней до двух часов, потом меня заменила Лёля Женя. А перед этим Паша увидела сон, в котором люди говорили, что в 4 часа утра у Козловых скончалась Паша. Так оно и случилось. Именно в это время я стала наливать Паше лекарство, а она меня оттолкнула, сунулась головой в подушку и затихла. Женя-младшая болела давно, но все пересиливала себя, ходила на работу. А жила она одна. Римма, ее дочь, училась тогда в Абакане. Осмотрев её, врач дал срочное направление в больницу. Родственники и врачи дежурили около неё. Она была без сознания, периодически рвалаась с койки. Так и умерла. К заболевшей свекрови, Варваре Наумовне, я ходила в больницу ежедневно. Когда ее привезли домой, то ухаживала за ней племянница Анна Неупокоева. В день похорон свекрови был сильный мороз, могилу рыли с большим трудом. А вот Лёля Женя, прожившая 82 года, скончалась без меня, но на похороны её я ездила.

Когда я заканчивала учиться в Красноярском педагогическом институте, то в день последнего экзамена прибыл Пётр и преподнёс мне большой букет красивых цветов. Я обрадовалась, но оказалось, что приехал он по направлению в краевую больницу. Несколько месяцев он лечился у красноярских врачей, но заметного улучшения со здоровьем не произошло. Так что мучились мы с его болезнью ещё года

четыре.

Мама тоже болела. Дети учились, а мы с Дуней содержали семью. Она работала истопником и сторожем в школе, а я учительницей. Пенсия у Петра была маленькая. Его не раз приглашали переехать на работу в Минусинск, но он не соглашался. Болезнь его продолжалась, хотя и не в такой острой форме. Из-за этого мы жили очень замкнуто. Маме вскоре стало хуже. Петра же из-за состояния здоровья я была вынуждена отвезти в Новосибирск и оставить на время в семье Лёли Жени. После похорон мамы он вернулся домой. Дети уехали учиться, а мы с Петром и Дуней продолжали жить в квартире на улице Горького.

Пережив инфаркт, Петр скончался от сердечной недостаточности. Умер он в возрасте 69 лет 2 мая 1982 года. На похороны его собрались наши дети – Саша, Вера с Женей и внук Алёша.

После смерти мужа я ещё шесть лет прожила в Краснотуренске. Отработав 55-летний срок, я ушла на пенсию, но, немного отдохнув, попросилась на учительскую работу. Мне пошли навстречу и дали часов десять преподавания в вечерней школе, где я проработала ещё три года. Когда умер муж, то я стала работать сторожем на хозяйственном дворе быткомбината. Моя пенсия выросла до максимума – 132 рубля в месяц. Через полгода я перешла работать вахтёром в общежитие профтехучилища, где готовили механизаторов сельского хозяйства. Учились там отчаянные, но не очень грамотные парни. Узнав, что в прошлом я учительствовала, они стали носить мне на проверку свои домашние задания. После моих исправлений работы оценивались на «хорошо». Мой труд ребята вознаграждали тем, что помогали мыть полы. В свою очередь, я разрешала им возвращаться в общежитие позднее положенного часа.

Прослужив в училище почти два года, я снова ушла на пенсию. Но дома заняться было нечём. Тогда я вновь устроилась вахтером, но уже в родную школу. Однако знакомые учителя уж слишком явно стали демонстрировать своё удивление моей работоспособности. Поэтому через девять месяцев я ушла и больше нигде не работала. Таким образом, общий трудовой стаж у меня составил 42 года и 8 месяцев. Когда годы учебы исключили из стажа, то у меня осталось 40 лет, 10 месяцев и 11 дней.

В 1987 году я, попрощавшись с Краснотуренском, переехала в Минусинск. Там купила дачу, которую мы и обустраивали с сыном. Часто ездила в Краснотуренск и Узу, где жили Денисовы. Лет через пять заболела и я. В предынфарктном состоянии меня отвезли в Абакансскую городскую больницу, где работала моя хорошая знакомая, кардиолог и заслуженный врач Анна Дмитриевна Мошина. Она шефствовала надо мной, ходила в больницу и подсказывала врачу, чем и как меня лечить. Вернувшись в Минусинск и наводя порядок в квартире, я, видимо, переутомилась, после чего вновь начались сердечные боли. Дочь Вера увезла меня к себе в Красноярск, где после принятых мер я пришла в норму и прожила у Вотяковых более 17 лет. Сейчас получаю пенсию по старости и немного за мужа. Как инвалиду второй группы мне бесплатно полагаются и некоторые лекарства. Сестра мужа, Дуня, оставшись без меня, через год скончалась от инсульта. Похоронили её на Минусинском кладбище.

В молодости, когда я жила в Абакане, у меня были подруги – Маша Жаткина, которая работала секретарём в областном суде, Липа Малова из отдела статистики облисполкома, Саша Красильникова, секретарь педучилища, и Саша Никанорова, учительница начальных классов. Из парней я дружила с П.И. Штыгашевым, 27-летним инспектором облоно. Он часто приглашал меня в кино, на танцы. Позднее он стал директором средней школы в Абакане. Помню еще Сашу Шалова, плановика из облпотребсоюза, который жил с матерью и сестрой неподалёку от нас. С ним я тоже иногда танцевала. Когда я училась в Красноярске, то он женился на продавщице, которая родила ему четверых детей. Умер он почему-то рано. Был ещё Роман Береговой, столяр по профессии, высокий красивый парень, который катал меня на мотоцикле. Он тоже женился на учительнице, которая затем оставила его. Вскоре Роман погиб на фронте. Вася Оглезнев работал в милиции начальником паспортного стола и часто катал девушек на велосипеде. Он женился на моей подружке Липе Маловой, был фронтовиком. После войны Василий Леонтьевич работал в Хакасском обкоме партии и тоже рано умер. Вскоре после него умерла и Липа. Саша Дружинина, бухгалтер из облпотребсоюза, пошла на войну санитаркой и погибла. Саша Никанорова, с которой мы вместе окончили учительский институт, работала преподавателем географии в Крутоярской школе. Позднее она была лаборанткой на

Норильском металлургическом комбинате. Познакомившись с одним из ссыльных, родила от него дочку. Когда же он, реабилитированный, вернулся к прежней семье, то Саша переехала в Курагино, где работала в школе. Затем она вышла замуж за овдовевшего секретаря райкома партии. Со временем Саша, к сожалению, помешалась и умерла где-то в психиатрической больнице. Вспоминаю П.И. Кульчицкого, который вместе с женой работал в Институте усовершенствования учителей (г. Абакан). Когда они разошлись, то он в одиночку воспитывал двоих детей.

Пережив всех своих родственников и полагая, что я у них нахожусь в долгую, расскажу об этих людях. Крестная Лёля Женя в последние годы жила в Новосибирске, у дочери Лидии. Сама она так и осталась неграмотной, зато её дочери стали людьми образованными. Старшая дочь, Лидия, была ветераном Новосибирского Академгородка, защитила кандидатскую диссертацию и работала в Институте геологии Сибирского отделения Российской Академии наук. Младшая же дочь, Валентина, всю жизнь проработала врачом, сейчас находится на пенсии и живёт в Москве. В столице проживают и бывший муж Лидии скульптор Б.Н. Горовой, их дочь и предприниматель Анна Борисовна.

Дочь Жени-младшей Римма живет с сыном Дмитрием в селе Убинском Новосибирской области. После окончания педагогического института она, будучи с детства больной, работать в школе не смогла. Служила секретарем в районе, рано овдовела. В деревне Уза Краснотуранского района после кончины племянницы Тамары осталась внучка Ольга с мужем Иваном Кремером. Сын Анастасии и племянник моего мужа Николай Иванович Шекшеев длительное время жил в Зеленогорске Красноярского края, работая электриком на комбинате. После выхода на пенсию он некоторое время служил охранником на дачах. Потом перестал приезжать, звонить и, как выяснилось, в 2000 году умер. Дочь его живет где-то на Полтавщине.

В Краснотуранске жили родственники со стороны Петра – его двоюродная сестра Анна Неупокоева, её дети Николай и Мария. Вторая дочь Анны, Валентина, работала учительницей в разных селениях края. Все дети Анны, вероятно, уже упокоились. В Краснотуранске осталась лишь Шура, жена покойного Николая,

скромная и работающая женщина. Мария уехала к дочери Наталье, у которой появились две внучки.

В Ташкенте жил сын тетки Пелагеи Яков Рехлов, переехавший туда после службы в армии. Его брат Тимофей после войны оказался на Украине, а сестра Серафима работала учительницей в Абакане. Сын кузнеца Ивана Васильевича Кудрявцева, погибшего при обороне Москвы, Виктор Кудрявцев, будучи сапёром, пришел с фронта глухим и женился на Серафиме – своей сродной сестре. Умер он от сердечной недостаточности. Кроме Виктора, у Кудрявцевых были еще Вера и Александр. Вера погибла на фронте. Тетя Наташа последние годы жила у сына Александра в Красноярске, там и скончалась.

Тетка Офимия была замужем за моим крестным, Григорием Дмитриевичем Голощаповым. Умерла она еще молодой, оставив мужу шестерых детей. Крестный потом женился на Авдотье Харитоновне, у которой было две девочки. В войну сыновья крестного, Яков, Петр и Михаил, погибли, вернулся только Андрей, да и тот весь израненный. Он приезжал ко мне в Краснотуранск. Его дочь и сестра, Мария и Анна, жили в поселке вблизи Черногорска. Когда я жила в Минусинске, то Мария ко мне приезжала, и мы с ней вспоминали наших родственников.

В Красноярске находится моя родственница Вера Петровна Байкарова, которую я считаю сестрой. Смолоду проживая в Красноярске, она работала в медицине, заведовала детскими яслями. Её дочь Лиля продолжает трудиться в музыкальной школе. Здесь же, в краевом центре, жили многие знакомые учителя, с которыми я работала в Краснотуранске: Иван Васильевич и Анна Романовна Рудские, Антонина Алексеевна Акулова, Зоя Фоминична Червонная, Елизавета Кондратьевна Гевель, Елена Евстропьевна Яновская, Мария Васильевна Врублевская и Михаил Федорович Величко. По-прежнему в этом городе живут знакомые по Краснотуранску: Ирина Васильевна Фуга, Лидия Николаевна Ботвич, Мария Васильевна Устюгова, Зинаида Павловна Алексейкина и Валентина Карповна Белоусова.

Сын Саша родился 24 февраля 1947 года. Он окончил Абаканский государственный педагогический институт и аспирантуру Института истории, филологии и философии СО АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию и много

лет работал в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, затем в ХГУ. Как исследователь, он известен своими публикациями и в частности несколькими книгами по социально-политической и аграрной истории Красноярья и Хакасии XX столетия. Дочь Вера двумя годами его младше. Она окончила Красноярский радиотехнический техникум, художественное училище имени В.И. Сурикова, а потом и Уральский университет в Свердловске. Получив профессию искусствоведа, она перешла на преподавательскую работу в Красноярскую архитектурно-строительную академию. В должности доцента СФУ работают она, её муж, Евгений Иванович Вотяков, их невестка Лена, жена внука Алёши.

Сейчас мои дети не только выросли, но уже и постарели. Все они пенсионеры, хотя ещё и работают. Даже внукам моим перевалило на пятый десяток лет – и Алеше, и Лене. Внук мой родился на Ильин день в 1969 году. Он года полтора жил у нас, а потом приезжал в Краснотуранск. После воинской службы Алексей окончил медицинское училище, работает фельдшером. Куда собирается поступать его сын и мой правнук Вася, пока не знаю, но ему уже 15 лет и пора об этом задуматься. Мальчик он рослый и крепкий, родителей своих уже перерос. Насколько я знаю, интересуется он архитектурой и дизайном, а также увлекается театром.

Здоровье у меня, конечно, неважное, но я отношу это уже к возрасту. Мне идет 97 год, а кто в этом возрасте чувствует себя здоровым? Слышу только со специальным аппаратом. Удалила катаракту на обоих глазах, но читать всё равно приходится в очках. Лекарствами не злоупотребляю, хотя кое-чем и пользуюсь. Веду, по возможности, здоровый образ жизни – по утрам делаю лёгкую физзарядку, а в любую погоду дважды в день совершаю часовые прогулки. Я никогда не курила и не пила, была физически активным человеком и любила танцевать. Всегда старалась употреблять больше овощей и молочных продуктов. И вот прожила столько лет, чего и вам желаю.

Для тренировки памяти разгадываю кроссворды, читаю газеты и книги. По телевизору смотрю только программу «Время». Иногда ещё пряду шерсть, вяжу носки и варежки. Сама в состоянии прибираться и готовить. При необходимости немного шью или перешиваю. Переписываюсь с племянницами. Подруг и знакомых у меня

почти не осталось, поэтому в гости практически не хожу.

На этом писать кончую. Мы жили, как жили... И я записала то, что помню, а судить и оценивать – это уже дело потомков.

ШИШКИНА СНЕЖАНА АЛЕКСАНДРОВНА¹

Снежана Александровна Шишина (Грибкова) родилась 5 ноября 1974 года в поселке Эгвекинот Иультинского р-на Магаданской области (Чукотка).

На Чукотке прошли мое детство и юность, там же я закончила школу. Воспоминания о детстве самые яркие. Родители брали продолжительный отпуск, и мы путешествовали по всему Советскому Союзу. Впечатлений о тех путешествиях очень много, есть, что вспомнить. Но тогда меня поражал контраст между разными районами страны. Магаданская область приравнивается к северным районам, и в советские времена мы нужды ни в чем не знали. И когда во время летних каникул выезжали в центральные районы страны, то словно попадали в другое государство: повсюду очереди, ничего невозможного купить в магазинах. Незабываемые воспоминания остались о моей школе, в которую я пошла в 1982 году. Совсем новая, постройки 1981 года, по тем временам она была оснащена очень хорошо: были компьютеры, а информатика преподавалась с 5 класса. Сейчас, проработав в системе образования края 14 лет, могу утверждать, что подобной школы я не встречала. Очень сильный был коллектив педагогов, сейчас я это понимаю и оцениваю как педагог. Вообще я считаю, что советская школа дала мне очень много. Школу я закончила с серебряной медалью, учиться было очень интересно. Сейчас я смотрю на своих учеников и думаю, зачем же они ходят в школу.

Совершенно изменилось отношение и к обучению, и к учителям. Мое поколение

¹ Интервью провела Любовь Николаевна Гаврилькова, учитель истории Тумаковской СОШ Ирбейского района, выпускница исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

уважительно относилось к учителям. Мы не могли даже представить, что в школе можно вести себя бесцеремонно. Думаю, причина кроется в семье. Наши родители уважали труд учителя и это уважение прививали нам, своим детям. Было доверие к школе и учителям. Наши права никем не нарушались, и вообще мы были уверены, что главное из наших прав – это право учиться, получить образование, о котором мечтаешь. Мечты были у всех, и все прилагали усилия к их осуществлению. О том, что в вуз можно поступить «по блату», мы понятия не имели. Надеялись только на самих себя.

Сейчас ситуация поменялась с точностью до наоборот. Прав много, все стремятся реализовать свои права, очень часто забывая об обязанностях. Такие перекосы ведут к негативным последствиям и в образовании, и в воспитании молодого поколения. Школа как один из институтов общества практически самостоятельно решает эту задачу. Воспитание в семье, тоже институте общества, осуществляется в духе времени – деньги решают все! Да и сама жизнь показывает, какие ценности на данный момент являются приоритетными в обществе.

Часто возникает ощущение, что школа «сеет то доброе, разумное, вечное», что обществом не востребовано. Получается, у учителя одна правда, а у ученика и родителей – другая. Хотя все понимают – без приоритета нравственных ценностей нам не обойтись. Трудно и семье ориентироваться в море ценностей в государстве, где отсутствует верховенство закона. Доступ к информации свободен, всяк выводы делает сам и поступает сообразно этим выводам. И если мое поколение знало «раньше думай о Родине, а потом о себе», то нынешнее поколение молодых личные приоритеты ставит на первое место. И уравновесить это может только школа. В школе всегда было непросто работать, ведь она выполняла и выполняет социальный заказ государства. Но особенно непросто сейчас работать в школе. В прежние времена работалось легче потому, что само государство поддерживало учителя. Статус его был высок, авторитет непререкаем.

Плюрализм мнений – это хорошо, ведь мы строим демократическое государство. Но где та грань, за которой демократия превращается в анархию? Ведь до сих пор в обществе слово «демократия» воспринимается и понимается как возможность делать

все, что хочешь, не считаясь ни с кем и ни с чем. В такой ситуации первой страдает школа. Не может она в одиночку достойно выстоять против такого давления. Нужна поддержка государства.

В школе я работаю 14 лет, из них 9 лет в качестве директора. В нашей родне учителя были и до меня. Моя тетя по линии мамы работала учителем, сейчас двоюродная сестра работает учителем начальных классов. Так что представление о том, что такая профессия учителя, мои родители имели и видели меня врачом. Я увлекалась биологией и химией и тоже мечтала стать врачом. Но судьба распорядилась иначе: не добрав одного балла при поступлении в медицинский институт на отделение стоматологии, я решила попробовать себя в КГПИ и успешно сдала вступительные экзамены на отделение биологии и химии. Училась хорошо, но не покидало ощущение, что это не мое. Не было призыва к учительской профессии. А потом началась педпрактика, первые уроки, живое общение, детские глаза. Изменилось отношение к будущей профессии и, закончив институт, решила как-то сразу: «Иду работать в школу». Свою трудовую деятельность я начала в городе Красноярске в качестве учителя, проработав в этой должности 1,5 года, была назначена завучем. В 2003 году приехала в Ирбейский район в Тумаковскую школу в качестве директора. Все годы преподавала биологию и химию. В 2011 году прошла переподготовку в объеме 500 часов и получила право преподавать английский язык. Специфика преподавания иная. Теперь преподаю английский во 2–6 классах и биологию в старших классах. Сделала для себя открытие, что работать с малышами интереснее, чем со старшеклассниками. Я им постоянно нужна, подкупает их непосредственность и постоянное желание узнавать новое. Их интересует буквально все. Вопросов масса.

С высот педагогического стажа могу утверждать, что сегодня профессию педагога я не поменяла бы на другую. Мое место в школе. В школе я состоялась как специалист, здесь смогла применить те знания, что получила в стенах пединститута, за что благодарна преподавательскому составу факультета биологии и химии. Со словами благодарности обращаюсь к бывшему декану факультета Фадееву В. В., профессору Пакуловой В.М., преподававшей методику биологии, Гаврилову И.К.,

преподававшему зоологию, и многим другим, кто работал с нами. Поздравляю наш факультет и всех выпускников, в разные годы окончивших педагогический вуз, с юбилеем! Желаю всяческих благ и процветания на ниве образования!